

8-й том
КОНАН

КОНАН И РАЗРУШЕННОЕ СВЯТИЛИЩЕ

Дэн Ченслор

КОНАН И РАЗРУШЕННОЕ СВЯТИЛИЩЕ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Ч-43

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 10.05.07. Формат 84х108 1/16.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 6000 экз. Заказ № 5277.

Ченсор, Д.

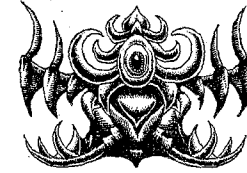
Ч-43 Конан и разрушенное святилище : [роман] / Дэн Ченсор. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 478, [2] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-041256-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-377-1 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-клинкермен скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и пекромангами от Великого Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2007
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Глава 1 Святилище

едьмой день седьмой луны, тесный сумерками, сползал алыми и голубыми волнами вдогонку за уже скрывшимся раскаленным кругом солнца.

Ночь опустилась внезапно, но царица ее не радовала страждущие глаза паломников, поднимавшихся цепочкой по узкой, осыпающейся под ногами тропинке, опоясывающей гору и с последним витком доходящей до ее вершины.

Два старца в длинных белых хламидах, босые, уже достигшие храмовых колонн, одновременно подняли лица к небу и опасно покачали головами, встретившись взглядами. Один из них негромким хриплым голосом заметил:

— Никогда на моем веку, а прожил я немало, от зрелища Великого Праздника не отворачивался лунный лик. Беда, брат, беда грозит Валлардии!

Второй, мешая слова со вздохами усталости, вырывающимися из беззубого рта, согласился:

— Не наступил ли день исполнения пророчества, когда великие боги Луны и Неба, породившие Землю, оставят ее своим покровительством, уйдя к другим звездам. Солнце не взойдет, обнимая ее, и она зачахнет, не в силах родить ни скот, ни колосья, ни зверей. А мы все погибнем.

Он закашлялся, сильнее опираясь на толстый посох и с трудом выдавил:

— Даже духа Луны, серебряную трехлапую жабу Ордину, закрывают тучи, а кому, кроме нее, вступить за людей перед Лунной богиней Эзерией. Только ей под силу смягчить сердце Радгуль-Йоро, создателя всего живого?

Возле них, прислушиваясь, темнея лицами, постепенно собрались те, кто поднимался последними. Молодой мужчина с окровавленными ступнями — его сбил с ног упавший с верхнего витка дороги камень — вдруг вспыхнул, размахивая руками:

— Почему вы в тоске, откуда эта печаль?

Он говорил немного напыщенно, — видно, был философом или поэтом. Но слова его, хоть и вились причудливой вязью, шли из самого сердца, — как и простая, безыскусная речь первого старца.

— Богу виднее, что нужно для нашего блага. Мы — жалкие муравьи на его ладони и

должны только возносить его мудрость, смиренно склоняясь перед его могуществом, а не роптать напрасно. Просить о чем-то и радостно принимать его решение, пусть даже оно покажется нашему слабому разуму жестоким — вот единственное, что можем мы сделать, дабы не прогневить его!

Людская толпа встрепенулась, как будто слова оратора развеяли охвативший их морок.

Первыми старики, а за ними остальные, пряча глаза друг от друга, как будто были замешаны в святотатстве, поспешили войти в огромный храм, занимающий все пространство срезанной горной вершины.

Черные базальтовые стены святилища внутри не имели углов, нависающие одна над другой площадки выступали из горного тела, возносясь полумесяцами к самому куполу, завершением которого служили семь изогнутых колонн, смыкающихся вверху над центром зала.

Столетиями в этот миг меж них сияла Луна, но сегодня она лишь изредка появлялась среди несущихся на север грозовых облаков.

Каждый ярус амфитеатра, ничем не огороженный, колыхался в неярком свете факелов белесой волной одежды паломников, смуглые лица сливались с темнотой стен. Пальцы ног первых рядов выступали за края площадок, когда-то острых как лезвие серпа, но постепенно

скругленных веками трения о человеческую кожу.

В той части круга, что была не занята ступенями, мягко светилась серебром в свете масляных факелов фигура великого Радгуль-Йорора, повелителя вселенной, более чем втрое превышающая рост высокого мужчины.

Широкоплечий мускулистый торс человека переходил в змеиное туловище, свернутое кольцами так, что образовавшийся конус повторял строение храма в перевернутом виде. Огромную голову из белого серебра окружало облако золотых волос, среди которых, охватывая лоб, искрилась драгоценными камнями звездчатая диадема.

Багровые глаза из киновари, девять раз переплавленной, как необходимо при изготовлении эликсира долголетия, мерцали четырьмя зрачками черного бриллианта.

Тонкие губы рта кривила странная гримаса, и свет факелов попеременно придавал ей выражение неистовой злобы, вдруг потрясающего душу сострадания, отстраненного безразличия или ядовитой насмешливости.

Никто, кроме жреца Гарквануса, не умел, да и не был вправе истолковывать значение стремительных изменений лица бога.

Ладони Радгуль-Йорора, с двенадцатью пальцами, по числу лун в зиме, лежали на голубом

куполе, олицетворяющем Небо, и серебряном полумесяце — Луне, на краю которого восседал главный лунный дух — трехлапая жаба Ордина.

Немного ниже располагались зеленый нефритовый и желтый золотой диски — дарующие жизнь Земля и Солнце.

Немного поодаль высилось уродливое, ужасающее существо, — бог зла Дармак. К виду его невозможно было привыкнуть, несмотря на то, что паломники уже не раз смотрели в десятки его крохотных паучьих глаз, двумя виноградными гроздьями свисающими по обеим сторонам головы.

В каждом горел огонь ненависти, а вместе они казались осинными гнездами, наполненными темнотой зла. Тело, напоминающее подземного белого и тучного червя, было усеяно человеческими головами, как будто пытающимися прорваться сквозь толщу омерзительной плоти обратно в мир.

Искаженные лица, широко разинутые в вопле рты, почти вываливающиеся от напряжения глаза были сделаны из разноцветного мрамора и яшмы, что придавало им устрашающую жизненность.

Посреди храма, совпадая центром с высшей точкой купола, мертво и тяжело лежало ртутное озеро, которое должно было принять в себя исчезнувшую в этот день Луну.

Храм был посвящен Лунной богине, и ее изображение в виде статуи прекрасной женщины в серебряных ниспадающих одеждах располагалось перед группой богов.

Паломники охнули, когда янтарный столб пламени вспыхнул по сторонам божественной группы, стены разошлись, и из образовавшейся в восточной стороне арки появилась процессия жрецов в серых балахонах. Священнослужители пели, не разжимая губ, дикий и одновременно гармоничный напев.

Не зная как, но не нарушая торжественного ритма мелодии, люди постепенно включались в хор. Странная песня без слов крепла, и полые чаши из шлифованного хрусталя, вмурованные в стены, наполнялись звуками, обретая завершенность и силу.

Раздался дрожащий звук невидимых натянутых струн, и песня мгновенно смолкла. Жрецы одновременно плавно расступились, освобождая дорогу следующим позади силачам в черных мантиях с глубокими капюшонами.

Последние закрывали склоненные лица так, чтобы ничто не отвлекало внимания от Главного жреца, носилки с которым они держали на плечах.

Гаркванус возвышался на широком кресле черного дерева, усыпанном серебряными изображениями болотной кувшинки, что увеличи-

вается и уменьшается в зависимости от убывания и разрастания луны.

Камнями, повторяющими ее цвет — белыми кораллами, хрусталем и жемчугом — были расшиты его мантия и налобный обруч, переходящий в высокую атласную шапку.

Длинные золотистые нити спускались с обруча на лицо, не закрывая его, а лишь символизируя ту преграду, что существовала между ним, служителем богов, и простыми смертными. Мясистое лицо с отвисшими щеками было багрово и торжественно, в длинных мочках ушей, похожих на вытянутые белесые стебли болотной травы, звенели, ударясь друг о друга, серебряные и золотые пластины.

Кресло поставили перед изваяниями богов, и жрец низким голосом, повторявшимся в полых амфорах, что уносили его слова вверх, к куполу храма, — вознес молитву, славящую распорядителей людской судьбы.

Окончание каждой строфы дружно повторяли молящиеся, ощущая себя единым телом, которое через средоточие его души — жреца, общается с высшими силами.

В молитвенном экстазе молодой мужчина, тот, что вступил в спор со стариками перед храмом, забыл об опасности своего положения — он стоял в первом ряду, опираясь только на часть ступни.

Проговорив положенные слова, он в порыве самоуничтожения прижал руки к груди, и качнувшись вперед, мгновение пытался удержать равновесие.

Никто из стоящих рядом не помог ему, боясь нарушить божественную волю. Наконец человек с глухим вскриком рухнул вниз, с последнего яруса под самым куполом, попав в тяжелую массу ртутного озера.

Жрец, не оборачиваясь, истоптленно закричал: — Владычица Луна, прими избранную тобою жертву, пусть будет она угодна тебе!

В то же мгновение несколько человек с разных ступеней амфитеатра, славя богиню, едва ли осознавая, что делают, разбились своими телами поблескивающую гладь.

Звуки торжественной молитвы переросли в неистовый вой, почти недвижные ранее ряды дрогнули, стоявшие позади стремились к краю, один за другим пропадая в бездонной глубине каменной выемки.

Другие торопились вниз, раздирая на себе одежды, полосуюя лицо, грудь, руки острыми камнями, припасенными специально для этой цели ножами или просто собственными ногтями.

Каждый торопился плеснуть своей крови в храмовый жертвенник, но шум немедленно стих при оглушительном звуке ударов каменными

трезубцами по металлическим листам, внесенным служителями в серых балахонах.

Глаза жреца, трон которого повернули к толпе, сверкали, лицо из багрового стало сизым, в руках он держал длинный нож из адамата и маленький серебряный кубок.

Окровавленные, потные, тяжело дышавшие люди падали на колени, вытягивая руки вверх, к божеству и Жрецу с его мрачной свитой.

Желтый огонь в западной арке храма погас, и храмовая стража в ритуальных кольчугах из серебряного плетения, надетых поверх длинных хитонов, вывела оттуда четырнадцать юношей не старше пятнадцати зим. Они были красивы и сильны, с золотистыми волосами, такими же как кудри Радгуль-Йоро. Набедренные повязки из белого полотна были затканы серебряными звездами, головы украшали венки из золотых лилий — второго цветка Луны.

Почти все лица сохраняли спокойствие — ведь они шли навстречу богам, этим днем определившим окончание их жизненного пути. Семь юношей расставили на равном расстоянии друг от друга по окружности озера, семеро других — на расстоянии двенадцати шагов так, что каждый помещался на линии, проходящей между двумя стоящими впереди.

Единый черный шнур был зажат в руках каждого, так что получилось изображение священ-

ного семиугольника с вписанной в нем окружностью озера.

Загрохотал голос жреца:

— Как черной стеной, ощерившейся остриями углов закрыто жертвенное озеро, так пусть по воле богов будет скрыта от посторонних глаз наша страна зубцами великих гор — Языков Пламени! — Обращаясь к юношам, он закричал, — вы, счастливые, что предстанете скоро перед богами, пополните своей молодой кровью древнюю силу гор!

Храмовые стражники, стоявшие возле каждой жертвы взмахнули кинжалами, и горло жертвы взорвалось алым фонтаном крови, заливая черные камни берега, полуобнаженные тела и серебряную паутину ритуальных доспехов. Бьющиеся в агонии мальчики вместе с мистической оградой страны — черной нитью, остались на берегу, умирая постепенно один за другим.

Из той же арки, сквозь которую появились жертвы, жрец вынес на круглом серебряном блюде новорожденного ребенка и остановился перед тронном.

По мановению руки верховного жреца он поднялся по ступеням, ведущим к высокому креслу и протянул свою ношу вперед, чтобы два других служителя могли совершить жестокий ритуал.

Гаркванус почти прошептал, наклоняясь вперед:

— Ты недавно пришел из страны богов, ты еще помнишь их и голоса высочайших звучат в твоих ушах. Помоги мне услышать их. — И тут же возвысил голос. — Слушайте все, моими устами будут пророчествовать боги!

Он толкнул кончиком ножа нежную кожу ребенка, жрецы подняли безвольное тело опоенного сонной травой мальчика, направляя кровь в подставленный кубок.

Как только он наполнился, прислужники скрылись, и жрец потянулся сделать первый глоток. Неожиданно его трон покачнулся, алая кровь запятнала мантию, почти сливаясь с ней цветом.

Жрец, испугавшись падения, которое при его увечье должно было выглядеть неподобающе сану нелепым, непроизвольно схватился за подлокотники, уронив кубок и нож. Священные атрибуты со звоном покатались по каменным ступеням, паломники застонали в ужасе — худшего предзнаменования не могло случиться.

Гаркванус попытался подхватить их, наклонившись вперед и неизбежное случилось — тучное искаленное природой тело вывалилось из кресла, тяжело впечатываясь в ступени, скатилось вниз и застыло огромной грудой на берегу озера, получившего неожиданный приток —

кровь из разбитой головы жреца широким потоком струилась к ртути, не смешиваясь с ней.

Мгновение тишины всколыхнулось страшными криками — дрогнул весь храм, изогнутые колонны купола падали, ломаясь на лету и плюща людей базальтовыми глыбами.

Те, кто еще недавно искренне стремился удовлетворить богов собственной жизнью, вдруг захотели жить с силой, доселе им неведомой. Отталкивая, топча друг друга они кинулись к выходу, по пути столкнув в озеро недвижимое тело Гарквануса и даже не замедлив при этом бега, как будто смели камень, мешающий стремительному бегу.

Молодой мужчина, наклонив голову вперед, тащил на плечах тело отца, короткое и сухое, перекинув его через шею так, что голова и ноги старика бились о грудь сына. Руки того были заняты женщиной, с лица которой шершавый камень стянул лохмотьями кожу, оголив лобную кость.

Лишь удивительная сила этого человека давала ему возможность не только проталкиваться сквозь людское месиво, но и поддерживать близких.

Он молчал, и лишь при взгляде на обезображенное лицо жены страшные стоны вырывались из полуоткрытых, жадно ловящих воздух губ.

Снова что-то оглушительно хрупнуло, круглые стены покрылись трещинами, но ни одна из них не открывала пути наружу.

Камень сорвался сверху и острой гранью черкнул по спине старика, перерубая тело, так что обе части скользнули по груди сына, заливая его кровью, на миг задержались на теле жены и упали вниз.

Не понимая, что случилось, не желая верить собственным глазам и не в силах остановиться под давлением толпы, он ступил ногами в страшное месиво и вдруг рухнул, как будто неведомая сила, позволяющая сражаться, вдруг оставила его.

Два брата в окровавленных хламидах, поддерживая друг друга и крича от боли — у каждого была сломана нога — пытались выстоять в толпе, прыгая к выходу, но были смяты и растоптаны. И вдруг бежать стало некуда — передние остановились, уткнувшись в нагромождение камней, заваливших выход.

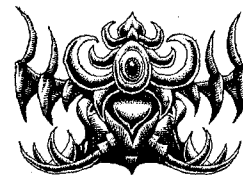
Срывая ногти и раздирая кожу пальцев, они пытались сдвинуть черные глыбы, но их придавливал к стене напор людей, не понимающих причины возникшей помехи.

Трещали ребра. Вой и крик рвались вверх, к луне, освободившейся от туч и отражавшей свой безжизненный лик в таком же мертвом ртутном озере.

Жрецы, пытавшиеся выбраться сквозь тайные боковые проходы, потерпели неудачу, ибо дрожащая гора осела по всей окружности. Снова охнуло, застонало каменное тело, и храм рухнул, проваливаясь верхушкой внутрь, заполняя все пространство собственными стенами, раздавливая, растирая, сплющивая людей. Затихло последнее рокотанье каменной громады, осыпались камни, разлетавшиеся по сторонам.

Огромное мрачное святилище превратилось в бесформенную грудку на вершине горы.

Глава 2

Конан

ень клонился к закату, когда уставший от утомительной дороги путник вошел в приграничный город, Батрея, расположенный на северо-востоке Офира.

Приятный запах жареного мяса, стук ножей и дымок, выходящий над деревянным приземистым строением, ясно давали понять, что здесь путники могут получить еду и питье, лишь бы в кармане звенели монеты. Не раздумывая, странник направился к дверям.

Предусмотрительный хозяин побеспокоился, чтобы в его заведение мог войти человек любой комплекции. Потому незнакомцу не пришлось наклонять голову или протискиваться в узкий проем.

А был он высокого роста, с широкими плечами, узкими бедрами и сильными ногами. На крупных мускулистых руках виднелись шрамы,

густые черные волосы стягивал ремешок. Лицо выдавало уроженца северных земель.

Поверх полотняной рубахи он набросил тонкую безрукавку. Прочные кожаные штаны и удобные сапоги говорили, что их владелец предпочитает в одежде не роскошь и излишества, а удобство и простоту. Единственной по-настоящему дорогой вещью был меч, прикрепленный к поясу.

Странником был Конан, варвар из далекой Киммерии, расположенной на севере Хайбории. Около трех месяцев он сопровождал караваны — впрочем, дорога оказалась настолько безопасной, что стражникам практически нечего было делать. Кому-то нравилась такая служба, но киммериец быстро заскучал.

Пока он и сам еще не решил, куда направиться. Дорога без цели утомила, потому он обрадовался, увидев постоянный двор, где можно утолить голод и поразмыслить.

Конан потребовал кусок жареного мяса, кувшин доброго вина и целый каравай хлеба. Подумав еще немного, велел принести фруктов.

В проеме двери возникла чья-то фигура. Это была растрепанная седая старуха. Волосы на непокрытой голове торчали неопрятными лохмами. Маленький дешевый гребешок, вырезанный из кости, раскачивался над правым ухом. Вместо платья был надет мешок из-под угля, с про-

резами для головы и рук. Женщина опиралась на крепкую палку, вытесанную из ветки дуба.

Старуха стояла на пороге, прищурив подслеповатые, покрасневшие от напряжения глаза. В зале было темновато.

— Ну, старая, долго будешь так стоять на пороге, мешая добрым людям войти? — проревел трактирщик, который никогда не привлекал у себя побирушек. — Ладно уж, коли вошла, возьми почти свежую лепешку и уходи поскорее.

Трактирщик наклонился к большому деревянному корыту, доверху наполненному отбросами, достал оттуда намокшую краюху хлеба и протянул незваной гостье.

— Сам ешь свои помои, — неожиданно резким высоким голосом завопила старуха. — Нет такого закона в славном королевстве Офир, чтобы старая женщина не могла войти в трактир и поесть по-человечески. Чтоб тебя дети в старости кормили вместе со свиньями.

Ее глаза привыкли к сумраку, она принялась вертеть головой и увидела Конана, который с неудовольствием слушал начавшуюся перебранку. Нет ничего хуже, если во время еды кто-то начинает кричать и ссориться.

— Ладно, отойди, тупица. Сам ешь это гнилье, от которого откажется даже умирающая от голода свинья. Не видишь, — она хихикнула,

прикрыв грязной ладонью беззубый рот, — мой кавалер ждет меня не дождется. Даже не стал есть без дамы своего сердца.

От удивления хозяин заведения открыл рот и уронил в лохань с помоями кусок хлеба, который выловил для попрошайки. Крупные жирные капли помоев щедро усеяли и без того давно не мытые штаны.

— Это ты, что ли, дама? — прохрипел он.

— Ну не ты же, — отрезала старуха и направила в зал.

Посетители, услышав отповедь женщины, закатились от смеха, живо представив себе дородного волосатого хозяина в роли чьей-то дамы сердца.

Толстяк досадливо замахнулся на сидящих грязным полотенцем, которым вытирал миски, чашки, стойку, а порой и пропыленные сандалии.

Старушка бодрым шагом направилась к столу, за которым сидел киммериец.

— Хоть ты и грозный на вид, — сказала она, усаживаясь на табурет, — а сердце у тебя доброе. Я слышала о Конане, варваре из Киммерии. Ты многим помог, так что не будет большого труда, если ты купишь мне миску горячего супа и краюшку сухого хлеба. Да закажи-ка еще мяса. Только помягче. Еще не забудь о сладостях. В кои-то веки наемся до отвала.

— Неужели во всем городе некому о тебе позаботиться, что ты ходишь как побирушка? — задал вопрос Конан, после того, как они поели.

— Я такая старая, что уже и сама почти забыла, кто я. Память совсем плохая стала. Муж умер, сыновья разбрелись по всему свету. Живу в лачуге, пока, слава Пламенноликому, хожу своими ногами.

В трактире стало еще темнее. Конан поднял голову, ему показалось, что кто-то затеняет свет в окне.

— Память у меня слабая, — усмехнулась старуха, — но разум я не потеряла. Не оглядываясь, прямо к окну прилипли рожи двух королевских стражников. Они кого-то высматривают. Уж не тебя ли?

Конан не нарушал законов Офира, потому был уверен, что стражникам нужен кто-то другой.

Двери распахнулись от небрежного удара ногой. В проеме, закрывая свет, выросли две мощные фигуры.

Стражники внимательно оглядели зал, но не нашли того, кого искали.

— Эй, хозяин, — крикнул один из них. — Принеси солдатам Офира, что защищают твое толстое брюхо и грязную таверну от грабителей да разбойников, что-нибудь покрепче промочить горло. И поживей.

— Да похолодней, — вступил в разговор второй. — Слава богам, пока все спокойно.

Хозяин заторопился.

— Не слышал, что приказали добрые господа? — заорал он на мальчишку, который готовил еду около огромной раскаленной печи. — Мигом лети в подвал, носи вино, то, что получше. Бери с верхней полки, там стоят склянки черного цвета, вот оттуда и наливай.

Он стал подобострастно кланяться, в нетерпении притопывая ногой. Больше всего ему хотелось напоить солдат и выпроводить их поскорее из трактира.

Весь красный от напряжения и тяжелой ноши, паренек принес два больших кубка, наполненные добрым холодным вином.

Хозяин таверны не хотел ссориться со стражниками, потому всегда держал крепкий напиток специально для такого случая.

— Ну, ты гляди в оба, — предупредил старший охранник трактирщика. — Коли увидишь что подозрительное, сейчас доложи нам. Время-то нынче беспокойное.

— Слава Митре и всем богам, а также нашему мудрому правителю и смелым солдатам, у нас все в порядке, — скороговоркой зачастил хозяин заведения.

Стражники с сожалением посмотрели на дно сосудов, но просить новую порцию не стали. На-

питок и верно оказался очень крепким, добавка могла сбить с ног. Узнай об этом старшие офицеры — не поздоровится.

Они надели кожаные шлемы, еще раз для порядка оглядели жующих и пьющих посетителей. Взгляд одного из них задержался на киммерийце. Он наклонился к товарищу и стал шептать тому что-то на ухо.

— Ты, видать совсем упился, — захохотал старший. — Не помнишь, что говорил офицер? Разве он похож на тех, кого следует искать? Пошли на свежий воздух, пока ты тут не упал под лавку и не уснул.

Солдаты кивнули хозяину и вышли из таверны.

— Видать, и верно что-то происходит, ведь они уже второй раз ко мне заходят, — ни к кому не обращаясь, сказал трактирщик.

Острыми черными глазами старуха смотрела на захлопнувшуюся за стражниками дверь.

Город Батрея располагался в северо-восточной части Офира на границе с Кофом, там, где уже начиналась гряда Карпашских гор.

— Не знаешь, добрая женщина, — обратился Конан к старухе. — Что случилось? Почему стражник сказал, что времена беспокойные? Насколько мне известно, и Аквилония, и Немедия, и Коф давно подписали с Офиром мирный договор.

— Мы живем в приграничной зоне, — рассудительно ответила старуха. — А когда двое дерутся, то пострадать может третий, вот потому-то стражники и следят, чтобы здесь не появлялись валлардийцы и курсаиты. Чтобы ни одна сторона не подумала, будто Офир поддерживает другую. Наши правители приняли мудрое решение.

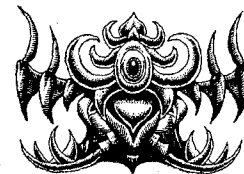
— И какое же? — поинтересовался Конан, уже зная ответ.

— Запретили въезд в Офир и тем, и другим. Пусть сами промеж собой разбираются.

Рассказ пожилой женщины неприятно удивил киммерийца. Он и подумать не мог, что за время его отсутствия в Валлардии случились такие разительные перемены.

Это крохотное государство располагалось в одной из долин Карпашских гор. Там киммериец оставил много хороших знакомых, чья судьба стала тревожить его.

Он подарил старухе несколько золотых монет, поблагодарил за рассказ и вышел из таверны.

Глава 3

Слово мертвеца

Вредоточию пятого уровня, города жрецов, магов, прорицателей, черных и белых колдунов был величественный Храм Вечности. Он почитался в столице, как и во всей Валлардии, больше чем Уединенные Дворцы шестого уровня, где обитал Трибун.

Воздвигнутый из черного мрамора восьмigrаннык окружали белоснежные колонны, установленные на стыках стен.

Каждая была испещрена резцом художника, изобразившего бесформенные волны Хаоса, в которых плавали первоптицы, пробуждение Творца Мира, рождение Луны, Неба, Земли и Солнца, появление людей, животных и растений, водных просторов, гор, пустынь и их духов, — добрых и зловердных.

В каждой стене были прорезаны длинные парные окна, расположенные одно над другим, закрытые тончайшими пластинами прозрачного

камня, добываемого только в пещерах Языков Пламени, и потому называвшимся огненным.

Пол внутри храма выстлан белым мрамором, из него же, обработанного в виде черепицы, сделана крыша.

Сверкающая тайными знаками, выложенными драгоценными камнями, возвышалась на высоком постаменте розового мрамора фигура Единого и Единственного, кто существовал и мыслил в темных глубинах Хаоса в те времена, когда не было иного разума, ибо некому было вместить его, не было ни звука, ни безмолвия, ибо Он не нуждался в них и не возник еще никто, могущий ощутить их.

Радгуль-Йор, своей волей породивший Луну и Небо, от союза которых произошли Солнце и его супруга Земля, давшая жизнь всему существующему на ней, возвышался над людьми, собравшимися в храме.

По сторонам его стояли серебряная статуя прекрасной девы, богини Луны Эзерии и вырезанная из огромного цельного берилла фигура мужчины — бога Неба Стриноса.

Эзерия держала на раскрытой ладони главного духа Луны — трехлапую серебряную жабу Ордину, которая могла свободно расхаживать по земле среди людей, прислушиваясь к их просьбам и передавая их своей госпоже. Изумрудный диск Земли олицетворяла богиня Амирис-

са, с гневным лицом и вытянутой в предостерегающем жесте рукой повернувшаяся к богу Зла — поглотителю людей Дармаку.

Особая ложа Трибуна была заполнена приближенными к нему лицами, многие из которых высказывали осторожные опасения относительно причин разрушения горного храма.

В значительной степени для них, а также для поддержания боевого духа иных, не сомневающих в виновности курсаитов, верховный жрец Долабелла, заменивший погибшего Гарквануса, начал великий ритуал вопрошения богов.

Лица людей, набившихся в храм, сохраняли серьезность и опасливый страх при виде сонма богов и подвластных им духов.

Конечно, все, что пошлют они человеку — благо, значения которого тот сам подчас не понимает, но все же лучше держаться от всемогущих подальше, авось не заметят крохотную козявку и не столкнут с проторенной тропы в пучину бедствий.

Кроме специального возвышения, предназначенного Трибуну и его советникам, в храме не было особых мест для жителей разных уровней, а потому богатые купцы в одеждах из тончайшей белой шерсти, вышитых золотыми и серебряными нитями, их жены, высокие прически которых, прикрытые крохотными шляп-

ками, отягощали переплетения драгоценных камней, черепашовые гребни, золотые заколки, смешивались с оборванцами самого подозрительного вида.

Однако, как бывало всегда в ожидании появления жрецов, толпа постоянно двигалась и, наконец, зажиточные, почтенные жители города передвинулись вперед, белым сверкающим полукругом охватывая ложу Трибуна. Почти любая нужда рано или поздно находит свое удовлетворение.

Видя сморщенные носы знати, отворачивающей лица от сладковатого, прогорклого запаха, исходящего от лохмотьев, те, для кого именно эти лохмотья служили привычной одеждой, стали приходить в храм заранее и любому желающему за небольшую мзду уступали хорошее место, сами отходя все дальше к выходу.

Молодой жрец в яркой желтой хламиде из грубого полотна и таком же колпаке с вышитыми на нем черными цветами горсии, символизирующими траур по погибшим в горном храме, дотронулся черными палочками до огромного барабана, стоявшего сбоку от группы богов, возле арки, ведущей в комнату таинств, где могли появляться только жрецы и где хранились священные ритуальные предметы.

Все разговоры и движение прекратились, как только низкий звук поплыл, отталкиваясь от

гранита и собираясь рокочущим громом под сводами храма.

Долабелла появился первым — тонкий мужчина, на голову выше сопровождающих, с лицом нервным и подвижным, даже в столь торжественное мгновение не теряющим выражения острого интереса к окружающему, как будто со всех сторон ожидая появления опасности.

— На нас смотрит, как будто товар на прилавке оценивает, — прошептал в самое ухо приятелю приземистый краснолицый купец, которому было тесно в толпе, не хватало воздуха и места, что усиливало присущую ему желчность характера.

Старик с волнистыми белыми волосами, к которому он обращался, дернул купца за рукав, воровато оглядываясь — не услышал ли кто непочтительного замечания. Однако и сам не удержался.

— Хорошо, что не пляшет от радости — был бы жив Гаркванус, не скоро бы ему дожидаться такого возвышения, недолюбливал его покойник, пусть душа его не прогневит Ортикса.

С этими словами оба посмотрели в сторону бога подземного царства мертвых, парящего на широко распахнутых крыльях возле Дармака.

Первый собеседник только раскрыл рот, чтобы добавить что-то, как натолкнулся на осуждающий взгляд старшего сына и замолчал, сму-

тившись — не пристало в храме при появлении главного жреца разговаривать, да еще непочтительно обсуждать служителя богов.

Четыре старейших жреца вынесли нефритовый столик, на котором лежало что-то, прикрытое куполообразной крышкой, вырезанной из узорчатой яшмы, переливающейся причудливыми цветами.

Сами собой стали светиться восемь кадилиц — по числу углов храма, от них распространился аромат сжигаемого алойного дерева и музоров, редких горных грибов, растущих на гниющих стволах деревьев.

Никто не заметил, как возобновился барабанный напев, рокочущий, томный, напоенный темной страстью, одновременно притягивающей и отталкивающей. Казалось, именно он ведет жрецов, не давая им сбиться с плавного скользящего ритма.

Следующие двенадцать служителей в алых накидках с белыми поясами и черными капюшонами шли так медленно и плавно, что казались плывущими по воздуху.

На всем пути до главного жреца они не нарушили формы круга, созданной собственными телами.

Перед Долабеллой круг разомкнулся и взорам присутствующих открылась фигурка мальчик зим десяти в золотистом хитоне, на кото-

ром, принякая к груди ребенка, широко распласталась черная птица смерти.

Толпа всколыхнулась и застыла, шорохом пронесся шепот, повторяющий имя мальчика.

— Варбасс! Тот, кто слышит голоса богов и мертвых!

Прорицатель был удивительно красив — золотые волосы спускались на плечи гладкой блестящей волной, щеки по-детски розовели, яркие голубые глаза были широко раскрыты, сверкая радостью жизни. Казалось, он не мог иметь никакого отношения к готовящейся мрачной процедуре.

Главный жрец подвел Варбасса к верхней ступени розовой мраморной лестницы, ведущей к постаменту богов, усадив там, сам же остался стоять рядом. Он молчал, смолк барабанный ритм, безмолвие постепенно возрастало, сжимая ватными лапами головы людей, окутанных оранжевым дымом благовоний из медных курильниц.

Огненная прозрачная пелена заполнила храм, придавая ему странный вид неустойчивости, текущей изменчивости, ломающей строгие линии стен и колонн, искажая лица людей и их выражение. В тот момент, когда молчание грозило взорваться истерическими криками, Долабелла заговорил звонким, почти пронзительным голосом.

— Единый и единственный, дыханием своим породивший богов, давших жизнь ничтожным существам, людям и животным! Могущественный царь мира, владыка жизни и смерти, великий Радгуль-Йоро! Заклинаю тебя, помоги своему народу, открой мертвые уста, вложи в них слова, открывающие то, что известно тебе, величайшему! Назови имя нашего врага, коварного, нечистого и нечестивого, что погубил Лунный Храм и твоего слугу вместе с теми, кто явился смиренно поклониться сотворенной тобой богине! Всемогуший, заклиная тебя, помоги нам!

Неслышно скользящие по мрамору пола жрецы положили в кадила кусочки дерева салитриса, наполнившего храм удушливым запахом свежей крови. В то же мгновение жрецы, стоявшие возле нефритового столика подняли вдруг помутневший, покрывшийся бурыми пятнами купол, и люди с невольным содроганием увидели то, что было скрыто от глаз — бледную, оплывшую толстыми складками голову Гарквануса, стоявшую на коротком обручке шеи.

Длинные мочки ушей с золотыми и серебряными пластинами безжизненными лоскутами лежали по обе стороны опустившихся щек, глаза были плотно закрыты.

— Спроси его, Варбасс, — повелительно воззвал Долабелла, — узнай слово бога, открой нам тайну врагов!

Вновь забормотал барабан, на этот раз к нему присоединилось пение лемиритта, серебряной дудочки, тонкое и почти неслышное, однако странным образом усиливающее мелодию барабана, придавая ей напряженную завершенность. Мальчик расслабленно сидел на ступени, опустив руки с раскрытыми ладонями, закрыв глаза.

Ударил медный гонг, и одновременно поднялись веки прорицателя и мертвеца. Стон пронесся по храму, лицо ребенка мгновенно постарело, черты заострились, губы потемнели. Из глубоких провалов смотрели глаза древнего, много страдавшего человека, для которого в этом мире не осталось ни желаний, ни сожалений.

Рот Гарквануса разлепился, выпустив наружу синий язык, безмолвно бившийся о подбородок. Озвучивая эти суетливые движения, мальчик заговорил голосом прежнего жреца, сразу узнанным присутствующими. Негромкие, наполненные силой и гневом слова, достигли ушей каждого, зазвучав в головах колоколом войны.

— Курсаиты... Враги богов и людей разрушили великий храм... Боги не остановили их, ибо на нас возложили мщение, укоряя за промедление. В слепоте своей мы не поняли их велений, а они давно требовали от нас покончить с тва-

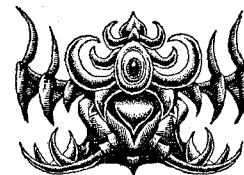

рями. Живые! Вы должны стереть с лица земли переставшую таиться нечисть!

Голос смолк, мертвая голова застыла, ее немедленно накрыли чашей. Мальчик без сил распростерся на розовом мраморе. Четверо жрецов осторожно подняли его и унесли через арку.

Долабелла только произнес несколько слов, устремив взор на Трибуна.

— Вы слышали!

Глава 4

Ополчение

На фоне бледного после ночного ненастья неба едва вырисовывались четырнадцать самых высоких гор, называемых Языками Пламени и действительно похожих на огонь, взметнувшийся над полукругом горного массива, скрывающего Валлардию от остального мира.

Тощий кривоногий мужчина, фигурой своей весьма смахивающий на клещи с длинными ручками, обходил небольшой сад, в котором росли десяток яблонь да тринадцать слив, плоды деревьев оставались почти дикими в каменистой почве.

Он сокрушенно цокал языком, поднимая поломанные ветви и бережно обирая в мешок крошечные плоды.

«Хвала Лунной Жабе, — тихонько говорил он, — доброй нашей защитнице, что уговорила

богов не наказывать нас жестоко. Нечего жаловаться, зерно собрано, ни свое, ни чужое не пострадало, амбар цел, теперь бы только смолоть все вовремя. А что плоды опали — тоже не страшно, на вино пойдут, уж Коссия найдет, как их использовать».

После ночной грозы царила тишина, в которой только и были слышны шорох падающих капель, да негромкий говорок мужчины. Он вздрогнул, услышав звонкий женский голос и едва не выронив мешок, обернулся.

На пороге маленького дома, почти полностью уходящего в скалу, стояла крепкая, славная лицом женщина сорока зим, одетая в платье из домотанного холста, незамысловатые туфли из грубой кожи, вырезанной кругом и стянутой у щиколотки веревкой.

Она придерживала рукой приоткрытую дверь, ведущую в дом, и улыбалась мужу, окликая его.

— Криан, оставь собирать падалицу, я все сделаю сама. Сыновья ждут тебя, чтобы вместе поесть да бежать в амбар, слава богам, там все в порядке. Смотри, — она слегка кивнула в сторону соседнего дома, почти двойника собственного, — старик Пальфурий еще затемно выглядывает в щелку, чтобы первым забрать муку. Жадность и недоверие погубят его.

Мужчина, взваливая мешок на плечи, проворчал.

— Может, и погубят, да только нас тогда не будет. Дожил до девяноста зим и ничего с ним не сделалось, крепче железа, как из адаманта сделан.

Вслед за женой он вошел в дом — бывшую глубокую горную пещеру, приспособленную для жилья. Ее разделяла стена, искусно сработанная старшим сыном из камней, плотно пригнанных друг к другу с помощью выбитых выемок и выступов.

Меньшую часть занимали родители — там стояло низкое деревянное ложе с тюфяком, набитым сухими травами, покрытым чистой холстиной, медные тазы и кувшин с водой, да старый сундук со скудными запасами одежды.

Другая комната частично выдавалась наружу крохотной каменной пристройкой, в которой были оставлены щели — окна, почти не пропускавшие света, так что днем и ночью здесь коптили смоляные факелы.

Большой каменный очаг, возле которого лежали мохнатые шкуры горного урзана, служившие сыновьям постелью, основательный стол, окруженный лавками, несколько полок на стенах с деревянной и медной посудой, ткацкий станок Коссии составляли убранство комнаты. Здесь семья, отдыхая от основной работы, занималась другой, считавшейся более легкой, почти развлечением.

Старший сын, Визалиус, вырезал из камня статуэтки богов, добрых и злых духов, продавая их тем, кому требовалось пополнить домашний пантеон.

Младший, Рогвард, покупая клинки у мастеров средней руки, вместе с отцом перековывал их в крошечной домашней кузнице и трижды закалял.

При этом использовались стебли магического цветка цзунриса, добываемого в Долине темных трав, когда Луна находится в нечетных числах с Солнцем, в дни, благоприятствующие черному колдовству.

После такой обработки лезвие приобретало необычайную силу, утрачивая хрупкость, из-за которой оно часто ломалось. Мечи, кинжалы, ножи продавались ими в дальнем городе, на огромных осенних торжищах, собирающих множество людей. Теряясь среди них, отец с сыном не привлекали ничьего нежелательного внимания, ибо дорожили секретом, перешедшим к ним от далеких предков.

Войдя в комнату, отец спустил с плеч мешок и подмигнул сыновьям, радуясь хорошему дню, теплу дома и виду молодых, красивых сыновей, в нетерпении ожидающих еды.

Ни один из них — стройных, длинноногих и сильных — не походил фигурой на отца, чьи ноги колесом мать пыталась замаскировать широ-

кими сборчатыми штанами. Однако на их лицах светились его серые глаза, затененные черными ресницами, и так же разлетались к вискам густые брови.

Резкие скулы, жесткий рот, агрессивно выпяченный подбородок и надменный тонкий нос Визалиуса повторялись в лице младшего, Рогварда, однако были смягчены присущим ему выражением доброжелательной открытости.

Отец, подавая пример, сел за стол, прочтя короткую благодарственную молитвупокровителю домашнего очага Доакру, чья фигурка стояла на деревянной подставке возле стены.

Похлебка из подземной змеи чарсин да целебная вода из Медового источника составляли обычный завтрак семьи мельника. За столом почти не разговаривали, лишь изредка перебрасываясь словами, спеша приступить к работе.

Деревянный амбар был доверху забит мешками с зерном, свезенными соседями, каждая стопка отделялась от другой разноцветными значками, их то и дело проверяли владельцы, чтобы не спутать своего добра с чужим.

Мельничное приспособление представляло собой два жернова. На конусообразный нижний надевался колоколоподобный верхний, в него засыпалось зерно, из маленьких отверстий поступая в щель между жерновами, приводившимися в движение.

Только недавно семья смогла позволить себе купить вторую лошадь для вращения жерновов, а до этого сами мужчины, изредка меняясь, ходили по кругу, впрягшись в ременные петли.

Этот труд не только тяжел, но и страшен своей однообразностью, мало кто решался завести мельничный амбар. Однако и плата за работу была гораздо выше той, что получали гончары или медники.

Когда первая партия зерна была засыпана, и лошади, опустив головы, поплелись по кругу, в открытую дверь вбежала обеспокоенная Коссия.

За визгом жерновов голоса ее не было слышно, только подойдя к самому порогу, мужчины разобрали, что она говорит.

— В селе чужие, большой отряд, набирают ополчение. Пусть отец остается, а вы бегите в горы! Пока есть время, вас не видно, за амбар — и сразу в расщелину, скроетесь в горах, а я скажу, что на охоте.

Рогвард, споткнувшись о полуоткрытый мешок, бросился к дальней стене, в которой находилась узкая дверь, ведущая к конюшне, устроенной в расщелине горы. Его остановил смех старшего брата.

— Не убейся, малыш! Чего вы с матерью боитесь? Пойдем, послушаем, что скажут, а потом решим, как поступить.

Отец, сильно толкнув его в плечо, закричал.

— Кого ты будешь слушать, дурень? Они не поговорить приехали, а забрать парней на очередную войну, которая нас не касается! За тебя уже давно все решили! Беги, сам пропадешь и брата за собой потянешь!

От неожиданного отцовского тычка сын едва не упал, серые глаза гневно сверкнули, он собрался ответить, но не успел — длинные тени людей упали на освещенный поднявшимся солнцем пол, засыпанный зерном и соломой.

На пороге высилась фигура сержанта в оливкового цвета форме с серебряными знаками отличия на груди.

Его сопровождало пятеро таких же дюжих солдат, чья форма отличалась от сержантской лишь черным цветом и отсутствием серебряных листьев кипариса.

Командир, которого сопровождающие называли Сагурном, с неестественной приветливостью воскликнул.

— Богата семья, имеющая двух молодых воинов! Вы посмотрите на них, какие сильные да крепкие! Небось только и ждут, когда выпадет счастье стать солдатом!

Криан торопливо остановил лошадей, глаза Коссии наполнились слезами. Не обращая на них внимания, вояка скомандовал, обращаясь к юношам.

— Вы двое, бегом на площадь, там собирается сельская ваша рать. — И вдруг заревел диким голосом. — Пошевеливайтесь, чего на мамашу глаза таращите? Пряника ждете? Дождетесь, только от меня!

Солдаты, как будто повинувшись неслышной команде, одновременно немного вытянули мечи из ножен и с лязгом задвинули назад, демонстрируя силу, с которой не поспорить двум невооруженным селянам. Вышедших в сопровождении солдат братьев встретил горестный крик деда Пальфурия.

— А зерно? Кто мне зерно будет молотить? Как зиму без муки встречать?

Но его никто не услышал за шумом и криками, наполнившими мирное село. Явившийся отряд состоял не менее чем из пятидесяти человек. Люди, поднаторевшие в своем ремесле, привычно окружили селение, не давая возможности слабодушным выбраться из него.

Солдаты, в цепи не задействованные, по трое обходили дома, лишь сержанта сопровождал более многочисленный эскорт.

Всех молодых людей, начиная с пятнадцати зим, сгоняли на пыльную площадь с колодцем посередине.

За ними бежали голосащие матери, отцы, пытающиеся что-то возразить или сунуть в руку солдата несколько монет, которые охотно

принимались, но не никоим образом не влияли на решимость вербовщиков набрать побольше рекрутов.

Возле колодца молодежь решительно отделили от сопровождающих родственников, и сержант, зычным голосом перекрывая крики, возгласил.

— Граждане Валлардии, слушайте меня, посланца Трибуна, которого вы избрали и кому обязались служить! Пришел страшный миг, когда государство и вера оказались в опасности! Курсаиты вновь подняли головы, вылезли из своих зловонных нор. Они обрушили Лунный Храм в тот момент, когда совершалось жертвоприношение богам, вызвали их гнев, который обрушится на всю страну! Мы должны противостоять врагам, уничтожить их, пусть кровь курсаитов погасит разгорающийся огонь божественной ярости. Ваши сыновья станут частью армии возмездия, покроют себя великой славой, добьются богатства, ибо имущество предателей будет разделено между воинами. Нельзя медлить, мы выступаем сейчас, некогда собираться и прощаться, — колокол пробил!

Новый всплеск крика раздался над площадью — людям слишком хорошо было известно, что попав в королевскую армию накануне боевых действий, мужчина оттуда или не возвращается вовсе или приходит домой калекой, не

пригодным не только воевать, но и выполнять обычную крестьянскую работу.

Молодые люди попытались вырваться из оцепления, но их останавливали скрещенные мечи солдат. Сгоряча отталкивая обнаженную сталь, они лишь прорезали ладони до кости о заточенные лезвия. Сельский силач, почти двухметрового роста, увидя раны сына и заполненные слезами глаза мальчишки, подскочив сзади с яростным ревом, схватил за шиворот двоих вербовщиков, ударив их головами с такой силой, что они выпустили мечи из рук, их тела обмякли и безвольно опустились на землю.

Упавшее оружие немедленно подхватил Рогвард, занеся его над головой ближайшего противника. Однако сын мельника не успел ударить, чьи-то руки с силой охватили его запястье, выворачивая назад и в сторону, так что он был принужден склониться набок.

В бешенстве повернув голову, он увидел собственного брата с застывшим, напряженным лицом — сломить сопротивление крепкого Рогварда было нелегко.

Визалиус прошипел ему в лицо.

— Ты что замыслил, ублюдок? Обоих погубить хочешь, да еще и родителей в придачу? Несколько безоружных старых мужчин да свора мальчишек с нами, можно ли победить воинский отряд!

Он вывернул руку брата еще сильнее, и меч зазвенел о камни площади. К ним подбежали оружие солдаты, но Визалиус ступил перед Рогвардом, закрывая его собственным телом. Как будто обладая правом приказывать, он повелительно сказал.

— Он никому не опасен, я пригляжу за парнем.

Те замерли в нерешительности, натолкнувшись на его надменный холодный взгляд, удивленные странным в такой ситуации спокойным выражением лица юноши. Принять решение им помог властный голос сержанта.

— Оставьте их, я сам разберусь!

В этот момент два позорно обезоруженных солдата, очнувшись, подхватили свое оружие и никем не сдерживаемые кинулись в толпу, отыскивая своего обидчика. Впрочем, он и не прятался, пытаясь через головы оцепления успокоить сына.

С ужасающей синхронностью мечи обоих поднялись и опустились, наискось прорубили плечи мужчины, встретившись посередине его груди.

Кровь залила все еще стоявшего человека с застывшим выражением удивления на лице, и вдруг треугольник груди вместе с головой и шеей вывалился из тела, медленно рухнувшего на землю.

Внезапно воцарившееся молчание прерывалось только неуместным радостным пением птиц да мирным журчанием горной реки, протекавшей через село.

Тишину прорезал пронзительный визг сына убитого, который, не удержавшись на отнимающихся ногах, тяжело осел в пыль, протягивая руки в сторону трупа. Кипя злобой, распаляясь, неистовствовал Сагурн.

— Довоевались, навозники, селяне вонючие! Сами виноваты, кто еще посмеет сунуться — покрошим десяток человек, чтоб неповадно было идти против посланников Трибуна!

И уже обращаясь к солдатам, крикнул:

— А вы что топчетесь, как женщины перед канавой, ноги промочить боитесь? Ведите их, да коней не забудьте вместе со своими головами безмозглыми!

Только тут селяне поняли, что во время речи сержанта и последовавшей затем стычки, несколько солдат обошли все дворы, выведя лучших лошадей, которых погнали вслед за пленниками.

Лишь те, кому некого было провожать, попытались оспорить жалобными боязливими криками справедливость реквизиции, но вскоре замолчали, поняв не только неуместность, но и бессмысленность своих стенаний.

Рогвард и Визалиус постоянно оглядывались,

выхватывая взглядами из толпы бегущих за отрядом отца и мать, родные лица терялись среди толпы. Как только тропа, резко сужаясь, повернула за каменистую осыпь, часть отряда задержалась, останавливая безутешных родителей, заставляя их вернуться по домам.

Солдаты ехали верхом на собственных лошадях, меняя их на угнанных из села, чтобы те не уставали. Для новобранцев же шесть дней пути показались бесконечными. Они не смогли взять с собой еду и каждый вечер получали ломтик сушеного мяса и несколько глотков воды, с частицами взболтанной глины и вкусом ржавчины покрывшей внутренность железной фляги.

Парнишка, отца которого убили, казался безумным, непрерывно бормоча что-то неразборчивое, не отвечая на вопросы и отвергая еду. Он несколько раз падал, отказываясь идти, и товарищам приходилось волоочь его на плечах. К третьему вечеру он так обессилел, что приход смерти казался делом нескольких колоколов.

Рогвард, лежа на холодных камнях, подвинул хрупкое тело поближе, чтобы поделиться крупницей тепла. Быстро заснув, он вдруг очнулся, почувствовав толчок и какое-то шевеление рядом. Открыв глаза, юноша встретился взглядом с сержантом, в этот момент выпрямлявшимся и замершим в неловком положении, поняв, что его заметили.

Сагурн медленно поднес руку ко рту и приложил палец к губам, переведя его затем на спящего рядом брата. Рогвард понял бессловесное предостережение — его болтливость принесет беду Визалиусу.

Как только сержант отошел, Рогвард провел ладонью по голове и груди мальчика, и тут же отдернул руку, почувствовав еще теплую струящуюся кровь. Приподнявшись, он зачерпнул горсть песка с мелкими камешками и долго, истоково вытирал чужую кровь.

Он отполз подальше, но до утра уже не мог уснуть. Когда лагерь, еще в темноте ночи по свистку пробудился, Сагурн объявил, что слабый трус покончил с собой, испугавшись доблестной жизни, ждавшей его на воинском поприсе. При этом он даже не взглянул в сторону Рогварда, уверенный, что тот не раскроет рта.

В пути Рогвард не переставал удивляться брату — казалось, перед ним чужой, незнакомый человек.

Он легко и с готовностью выполнял приказы сержанта, подбадривал остальных, покрикивал, а иному, совсем павшему духом, мог и добрый подзатыльник отвесить, дабы напомнить, что тот из деревенского олуха превратился в доблестного солдата. Не укрылось от Рогварда и пристальное внимание, с которым сержант наблюдал за новоиспеченным воином.

Попытка младшего брата попенять на то, что старший виновен в их печальном положении, натолкнулась на жесткий отпор.

Визалиус отрезал, что любое изменение лучше прозябания в жалком горном селении до конца безрадостной и убогой жизни. Той, что провели родители в постылой каменной хижине. Кровь бросилась в голову Рогварда, он гневно сжал кулаки, но брат уже отошел, как будто разговора и не было.

Юноша понял, что с этого момента остался один и рассчитывать может только на собственные силы. А к брату постепенно примкнули человек десять, ловивших каждое его слово и старавшихся подражать ему даже в мелочах.

Столица, которую никто из них раньше не видел, открылась внезапно, как только они достигли вершины Золотой горы. Измученные, голодные, жаждущие глотка воды они все же остановились, пораженные красотой той стороны хребта, который не был виден при подъеме. Он полыхал желтыми и оранжевыми цветами вечнозеленой чарнакии, действительно похожими на разлитое золото.

Главный город Валлардии располагался на горном плато, будто бы уходившем своими уступами к самому небу. Чем ближе подходили они к столице, тем выше казалась гигантская каменная стена, достигающая второго яруса и

четыреугольником, открытым со стороны города, отделяющая его от обширной долины.

Городские ворота не были заперты, как обычно бывало в дневное время. Однако открыта была лишь одна створка, в которую свободно могла проехать повозка или бок о бок два всадника. Дневная стража вышла навстречу отряду, приветствуя знакомых и насмешливо поздравляя Сагурна с недурным уловом.

Новые рекруты топтались с растерянным видом, их единственным желанием было наконец напиться и отдохнуть. Пыльные, оборванные, изможденные, в той старой рабочей одежде, в которой их захватили, не дав переодеться и совершенно истрепавшейся в дороге, они производили жалкое впечатление.

Лишь Визалиус и его маленькая группа на этом фоне производили впечатление действительных добровольцев, пусть усталых, дурно одетых, но не утративших интереса к окружающему, внимательно рассматривающих впервые увиденный город и его жителей.

— Эй, сержант, — окликнул капитан, приземистый мужчина зим сорока, с плечами такими широкими, что казались равными его росту, — вижу ты привел доблестных вояк. Только надо было заранее послать гонца, мы бы приготовили им костыли, а то, клянусь рогами Зандры, попадают перед воротами!

Он захохотал, широко раскрывая рот, так что видно стало напряженное синеватое основание языка, и обернулся к солдатам, призывая оценить свою шутку. Но те не нуждались в поощрении и уже смеялись, хлопая по плечам и подталкивая друг друга.

Бледно-голубые, почти бесцветные глаза Сагурна потемнели от раздражения, хоть за зимы службы он должен был уже привыкнуть к подобным ритуалом приема, более того, сам с удовольствием насмехался над другими вербовщиками, приводившими такое же невзрачное пополнение. Неожиданно для всех вперед выступил мускулистый темноволосый парень, окинувший стражу надменным взглядом из-под черных бровей. Сжав кулаки, он хрипло пообещал:

— Смейтесь, пока смеется. Дайте время, мы сравняемся с вами, тогда повеселимся вместе.

Рогвард, опасаясь, что брату недобровольно после таких непочтительных слов, поспешил стать рядом, с лицом таким же гневным и жестким. Сразу стало видно, что плечом к плечу стоят братья, настолько они были похожи в объединившем их чувстве противостояния всем остальным.

Капитан против ожидания не рассердился, а подойдя ближе и некоторое время пристально вглядываясь в их лица, серьезно заметил, обращаясь к сержанту.

— Оба хороши, но лишь один солдат по призыванию. Другой будет слишком много думать, приказ сам по себе для него ничего не значит. Могу и ошибаться, решать тебе.

Отойдя в сторону, он распорядился принять лошадей, сопровождающие спешились, и Сагурн с несколькими солдатами повел селян в город. Они прошли под аркой ворот, углубившись в стену толщиной не менее десяти локтей, в конце которой стояли вторые ворота, такие же мощные, как и первые.

Городской гомон показался Рогварду оглушительным и он, поморщившись, взглянул на брата. Однако тот с интересом вертел головой по сторонам, впитывая новые впечатления и, казалось, наслаждаясь ими. Младший попытался последовать его примеру, оглядывая столицу, незаметно для себя увлекаясь видом незнакомой жизни.

Первый ярус занимали в основном небольшие хижинки, сделанные из тонких длинных прутьев астеранта, кустарниковыми зарослями которого в изобилии была покрыта равнина перед столицей.

Старик в коротких черных штанах, подпоясанных залохматившейся веревкой, вошедший в город перед ними, уже добрал до своего дома, свалив с плеч огромную вязанку. Задумчиво обрывая малиновые цветы, он откладывал в сто-

рону плоды, окутанные мягкими пушистыми нитями, которыми набивают подушки.

Астерантовый каркас покрывался глиной, хорошо сохраняющей тепло и предохраняющей от холодных ветров с гор. Почти возле каждой хижинки мастеровые занимались своей работой.

Гончар крутил колесо, обеими руками придавая влажной глине необходимую форму, кожевник замачивал звериные шкуры в деревянных чанах, издающих отвратительный запах дубильного состава, осторожно постукивал по долоту плотник, вырезая мисы и блюда.

Бросался в глаза возраст мастеров — всем было далеко за сорок, помощниками вертелись возле них дети и иногда женщины.

Один из солдат заметил.

— Видал, Сагурн, столичное ополчение уже собрали.

Сержант молча кивнул головой. Они шли мимо открытых дверей кладовых, вделанных в толщу охранной стены, где солдаты в серых формах и помогающие им молодые женщины в платьях такого же цвета пересматривали различные запасы продовольствия.

Через равные промежутки были установлены лестницы, ведущие на верх крепостной стены, где были сложены камни, приготовлены метательные машины на случай наступления врага и расхаживали часовые.

Визалиус толкнул брата.

— Вода!

Он остановился, не сразу поняв, куда тот указывает, но тут же солнечные блики, танцующие по дрожащей поверхности водоема бросились в глаза. Другие тоже заметили вожака источник, останавливались, наталкиваясь друг на друга, однако не осмеливаясь без разрешения утолить жажду.

Сагурн некоторое время наблюдал их волнение, очевидно ожидая, что кто-нибудь не выдержит и, нарушая дисциплину, кинется к водоему.

Однако долгая дорога кое-чему всех научила, а потому ополченцы только повернули головы в его сторону, умоляя самым выражением лиц разрешить напиться. Наконец сержант махнул рукой, и толпа мужчин бросилась к бассейну, возле которого уже пили лошади и лежали разморенные жарой собаки.

Несколько женщин набирали воду деревянными ведрами, но заметив бегущих, быстро отошли в сторону. Юноши падали на колени, зачерпывая воду горстями, погружая лица в прохладную голубизну, обливая пропитанные пылью и потом тела.

Рогвард, почувствовав сильный толчок, клюнул носом и едва не свалился с берега. Повернув голову, он увидел громилу Дария, которому

показалось, что не хватает места, чтобы развернуть плечи. Ни в селе, ни в дороге ему старались не противоречить, опасаясь последствий его бешеного нрава.

Но сейчас Визалиус, понимая, что решается вопрос главенства, да и привыкнув не оставлять брата без помощи, ударил верзилу неожиданно и сильно так, что он рухнул в воду, нелепо размахивая руками.

Вспыхнувший было смех немедленно замер, когда раздался рев сержанта, и все увидели, что Дарий не показывается на поверхности.

— Разрази тебя Нергал, ты утопил сильного солдата, одного из лучших! Каких трудов стоило довести его сюда и ты убил его, — голосил Сагурн.

На мгновение Визалиус замер, но недаром он единственный в селе, за исключением брата, купался и плавал в ледяном горном озере, дна которого ни один из них не смог достичь.

Он бросился в водоем и вскоре протянутые руки подхватили появившегося из воды Дария, бессильно висящего на спине спасителя. Он страшно кашлял, давясь водой и страхом, однако очутившись на берегу и немедленно обретя прежний нрав, кинулся на Визалиуса.

Тут же раздался свист сержантской плети, охватившей ноги нападающего; и он рухнул на камни.

Сагурн, нависая над ним огромным телом, прошипел:

— Здесь я наказываю и прощаю. Запомни это, повторение принесет тебе большие неприятности. А теперь поднимайся.

С удовлетворением поняв, что тот усмирен, сержант выпрямился, погрозил плетью Визалиусу, ничего не сказав, и рывкнул, чтобы заканчивали водопой.

Каменная труба, по которой сверху спускалась вода из невидимого источника, вдруг захрипела, забулькала и выплюнула дохлую маленькую мохнатую собачонку, по своему виду явно умершую не сегодня и даже не вчера.

Селяне, привыкшие к своей чистой горной воде и уже утолившие жажду, с отвращением отшатнулись, тогда как подошедший капитан разразился своим устрашающим хохотом.

— В той воде, что вы выпили, — выталкивал он слова через смех, — утопла не одна собака. — Неожиданно, с нарочитой серьезностью приблизив свои выпученные глаза с красными прожилками к стоявшим близко, он прошептал, — там и люди водятся, на самом дне, его-то не достать.

И в новом пароксизме смеха, ударив себя по мощным ляжкам, заревел:

— И ничего, живем, и все живые здоровые!

И действительно, быстро подбежавший мальчишка с длинным шестом, на конце которого

виднелся металлический крюк, вытащил труп почти целиком.

На несколько ошметков, постепенно погружающихся в воду, никто не обращал внимания, и подошедшие женщины спокойно наполняли ведра водой, переговариваясь между собой, что сторожа возле водопровода опять, небось напились и не видят, что бросают жители верха в трубу.

Несколько новобранцев изъявили желание расстаться с выпитым, однако вода столь быстро была поглощена иссохшимися желудками, что дело ограничилось сдавленным кашлем и спазматическими движениями горла.

Голос сержанта заставил их двигаться дальше. Глинистые участки чередовались с горным монолитом, в котором были выбиты грубые ступени, ведущие наверх. Отряд миновал их и двинулся между хижинами, казавшимися еще более убогими, чем виденные раньше.

Порыв жаркого ветра донес волну оглушительного зловония — подобие дороги, по которой они двигались между жилищами, вывело их к обширному, беспорядочно разбросанному кладбищу. Колочая горсия торжествующе вздымала свои черные бархатистые цветы, с каждым дуновением ветра осыпая ядовито зеленую пыльцу.

Черная статуя бога подземного царства Ор-тикса, широко развернувшего каменные кры-

ля, внимательно смотрела своими четырьмя ликами по сторонам света, как будто боялась упустить момент, когда следует призвать к себе, подтолкнув, очередного человека, балансирующего на пороге жизни и смерти.

Рядом, отделяемая лишь тропой, располагалась свалка мусора, и по состоянию каменных откосов было видно, что он небрежно сбрасывается с самых верхних ярусов города, застревая по пути, разлагаясь и привлекая к себе внимание любителей падали — белоснежных крылатых риксов и злобных, всегда готовых напасть стаей шестилапых ярдов.

Рогвард обратил испуганное лицо к брату.

— Эти люди забыли о почтении к предкам, — прошептал он торопливо и невнятно, исполнившись волнения и страха перед подобным святотатством.

Визалиус, как и остальные селяне привыкший к неукоснительно соблюдаемому ритуалу погребения умерших и почитанию их душ, которые витают над могилами, в ответ только пожал плечами, не в силах объяснить подобное пренебрежение.

Слышавший их разговор сержант вмешался.

— Здесь, на первом ярусе, живет чернь, отбросы, нищие. Солдаты, охраняющие периметр стены, держатся обособленно, не смешиваясь с ними. Ополченцев набирают и отсюда, но глаз с

них спускать нельзя — или предадут, или резню устроят. Я иногда сомневаюсь, верят ли они вообще в богов.

Ответом на последние слова было изумленное, испуганное перешептывание. Бредущий по обочине совсем молодой парнишка вдруг пронзительно закричал, застыв на месте, неподдельным своим ужасом заразив остальных. Даже Сагурн запнулся, нарушив свой чеканный, ритмичный шаг.

Сухая беловатая глина на ближайшей могиле вдруг задрожала, перекаtywаясь комками, вздулась горбом, как будто погребенный силился выползти навстречу солдатам. Последовал сильный толчок снизу и на поверхность выбросило тонкую руку женщины, охваченную дешевым медным браслетом.

Следующий удар вытолкнул почти все тело, видно, захороненное недавно и прекрасно сохранившееся.

Мгновение женщина как будто плыла над собственной могилой и наконец вылетела из земли, упав на остоленевшего парня, рухнувшего от неожиданности и страха. Он даже не пытался освободиться, лишь беспомощно подергиваясь под тяжестью ледяного тела.

Молодежь заверещала, бросившись бежать, однако пришедшие в себя солдаты быстро остановили исход так трудно добытого пополнения.

Сагурн рывкнул.

— Стоять, смердящие дети ярдов! Солдат не бежит, не понимая, от чего спасается! Разлепите свои бельма, это всего лишь вода!

Солдаты, сильные удары которых заставили ополченцев развернуться, погнали их назад и только тогда испуганные люди увидели, что над могилой бьет столб воды. Именно она разрушила земляной покров и выбросила тело.

Сагурн объяснил.

— Тот водоем, из которого вы пили, глубиной в десяток человек, поставленных друг на друга? Обычно вода уходит вглубь горы, но иногда прорывается сквозь новые трещины и бьет фонтаном там, где находит слабое место. Как правило, это кладбище.

Освободившийся от трупа мальчишка смотрел на него с выражением ужаса и восторгом, потому что красота окутанного рыжими кудрями лица потрясала столпившихся зрителей. Подбежали два запыхавшихся грязных оборванца с лопатами — смотрители кладбища и уложили женщину на кусок темной материи, понесли ее на другое место.

Визалиус воскликнул.

— Но как ее отыщут родные, если принесут жертву ее духу и богам?

Один из солдат только отмахнулся.

— Кому она нужна, никто не придет.

Ополченцы, после пережитого ужаса вдруг с новой силой почувствовавшие усталость, жару, пыльную коросту, облепившую тела, поплелись вслед за сержантом. Они старались держаться подальше от могил, и то и дело оскальзывались на осунувшихся отбросах свалки.

Поднявшись по осыпающимся ступеням боковой лестницы на вторую горную террасу, они очутились среди прихотливых изгибов лабиринта, созданного беспорядочным нагромождением каменных приземистых домов.

Большинство вообще не имело дверей, в других они были широко распахнуты, так что занятия каждого семейства не составляло тайн для соседей.

Голубоватый чад поднимался над железной сковородой, на которой толстуха, весьма неопрятного вида, жарила плоские лепешки из грубой муки.

Сидя на пороге своего дома, багровая не только от жара печи в виде треножника с пылавшими под нем дровами, но и от освежительного, которое хозяйка отхлебывала из стоящего рядом узкогорлого медного кувшина, она зычным голосом окликала проходящих, нахваливая товар.

Стопка лепешек на медном помятом блюде высилась возле ее распухших ступней, виднею-

щихся из-под серой, в пятнах жира и заплат юбки.

Обширная плешь, едва прикрытая тонкими слипшимися прядями, была украшена венком из малиновых цветов астеранта, своей изысканностью лишь подчеркивающих отталкивающую внешность торговки.

При виде солдат пыл ее вдруг погас, она резво вскочила, пытаясь прикрыть лепешки юбкой и делая вид, что не замечает их приближения, закричала в дом мальчишке, месившему тесто, как будто отвечая на его слова.

— Эвний, да неужто вся мука закончилась? О чем ты раньше думал, теперь весь день пропадет, даже жалкую монетку не выручим! Ой, горе мне, сироте, вдовице беззащитной.

Эвний, вместо того, чтобы понять план хозяйки и спрятать тесто, оставался возле стола, в удивлении раскрыв рот и глаза, машинально продолжая похлопывать ладонью по пухлой серой глыбе.

Сагурн, приблизившись, весело рассмеялся, ущипнув толстую за круглый локоть.

— Так-то ты, Барбра, встречаешь своих храбрых защитников! Такая красотка, да еще в венке победительницы, должна бы быть поласковее.

Но лезть не растрогала неколебимую Барбру, и она запричитала.

— Ты разоряешь меня, Сагурн, проклятый солдат! Каждый раз, как приводишь этих ублюдков невесть откуда, голодных, как стая бродячих собак, отнимаешь мои деньги! И никак не узнаешь, когда ты явишься. Капитан хоть и ест у меня по десять раз на дню, никогда не поможет, словом не обмолвится!

Продолжая улыбаться и подмигивать, Сагурн распорядился взять каждому новичку по пышке, а когда стопка исчезла, не насытив всех, велел хозяйке немедленно напечь новые.

Она не осмелилась возражать, лишь недовольно ворча себе под нос, да стараясь как можно больше растянуть ставшие крошечными тестяные блины, которые, наконец догадавшись, что от него требуется, стал подавать ей подручный.

Повариха сноровисто оделила всех жесткими, пропахшими несвежим жиром, лакомствами.

Сцена эта привлекла внимание нескольких мужчин, вышедших из ближайшего трактира. Не решаясь подойти ближе к солдатам, они издалека отпускали замечания насчет жадности Барбры и постигшего ее справедливого возмездия.

Вскоре к ним присоединились женщины, их спутницы, одетые чрезвычайно легко в какие-то пестрые тряпочки, весьма откровенно подчеркивающие их пышные бедра и грудь.

Жующие солдаты и ополченцы уже отходили и появление этих потаскух, предательниц женского рода, ворующих чужих мужчин, отвлекая их от честного брака своими прелестями, стало последней каплей, заставившей выплеснуться из широкой груди Барбры накопившийся гнев.

Подхватив за ручку сковороды с булькающим жиром, она кинулась на прелестниц, изрыгая хулу на богов, мужчин и призывая несчастья на головы противниц, которые, испугавшись всерьез, спасались бегством, не надеясь на помощь поклонников.

Крики и проклятия еще слышались некоторое время после того, как отряд свернул на лестницу третьего уровня, подойдя к чередой длинных унылых казарм из серого камня.

Здесь еще два сержанта вместе с Сагурном разбили прибывших на отряды. Рогварда подзвал к себе серолицый человек с мутными глазами, которые столкнул с прямой линии широкий белый шрам, отчего лицо казалось состоящим из двух разных половин.

Визалиус пошел за ним, но был остановлен Сагурном.

— Ты останешься со мной.

Братья пытались возразить, прося не разлучать их, но сержант со шрамом, которого называли Августом, лишь спросил негромко:

— Желаете, чтобы вас на позор растащили силой, а потом выпороли на плацу? Если нет, приучитесь немедленно выполнять команды.

И они расстались впервые в жизни, если не считать кратких отлучек в другие города, когда ездили продавать оружие.

Глава 5 Портал

Корделия ждала киммерийца у городского фонтана. Солнце, поднявшееся уже высоко, играло на золотых украшениях ее черного кожаного доспеха. Как известно, этот благородный металл быстрее других впитывает магию; вот почему лучшие из доспехов украшают именно им, а не серебром.

Волосы аквилонки, цвета воронова крыла, закручивались в две веселые косички, обернутые вокруг головы, словно тиара.

Девушка сидела на краю фонтана — что, разумеется, было запрещено городским уложением, — и водила точильным камнем по сверкающему лезвию меча.

— Слышал новости? — спросила она вместо приветствия. — В Валлардии война назревает. Зовут к себе наемников, тренировать ополчение.

Киммериец кивнул.

Перед глазами вновь встало благородное лицо отшельника Фогаррида. Вспомнилась жестокая война с тираном Димитрисом, последняя битва, когда на поле сражения внезапно вылетели три гигатских Харибды, едва не убившие всех, — сражавшихся и по ту, и по другую сторону.

Конан словно вновь оказался на узких улочках столицы Валлардии. Он смотрел на лица людей, слышал их рассказы о злодеяниях короля, думал о детях, которых жрецы обрекли на гибель ради своих коварных целей.

Потом вновь он увидел Фогаррида — но уже не отшельника, а нового правителя, мудрого и справедливого. Вспомнил, как радовались люди, когда кровавых жрецов изгнали, и в стране воцарились мир и справедливость.

В памяти всплыла торжественная картина. Мудрец стоял перед народом, приветствуя его, — но не возвышался над толпой над мраморном постаменте, как делал это Димитрис, а был рядом с ними, как равный.

— Забавный старикан, этот Фогаррид, — сообщила Корделия. — Как козлиной бородкой тряс.

Конан разозлился.

Девушка, как никто другой, умела опошлить и снизить любую возвышенную сцену. Впрочем,

киммериец тут же забыл о ней. Сама мысль о мудреце наполнила сердце теплом и светом, но в то же время вспыхнула и тревога — не попал ли Фогаррид в беду.

На душе у Конана было скверно.

К счастью, киммериец давно придумал себе лекарство от дурных мыслей. Подойдя к большому мраморному ящику, стоявшему на перекрестке трех улиц, он отстегнул от пояса мешочек с золотом и бросил в зачарованное отверстие.

Оно было создано так, что могло вместить в себя что угодно, лишь бы в самом коробе поместилось, — и меч, и волшебный доспех, и тиару. Однако просунуть руку внутрь и стащить что-то никому бы не удалось.

Простенький барельеф изображал двух лекарей, а надпись на четырех языках гласила:

«Пожертвования на госпиталь».

Конан слишком часто видел, как раны и болезни уносят жизни людей. Этого золота надолго не хватит, и все-таки оно поможет спасти несколько невинных жизней.

В такие мгновения ему казалось, будто он видит перед собой эту крылатую птицу смерти Зингун, швыряет в нее тяжелый мешочек с монетами, и та, — хоть не умирает, ибо, наверное,

единственная в мире вечна, — но все же чуть-чуть слабеет, а это уже победа.

«Узнала бы Корделия о моих мыслях, то-то бы повеселилась», — мрачно одернул он себя.

Девушка, впрочем, подчеркнуто смотрела в другую сторону. Она никогда не жалела денег на пожертвования больницам. Как и многие наемники, аквилонка верила в закон кармы, и считала, что чем больше сделает добрых дел, тем проще ей выйти живой из очередной заварушки.

Однако именно из-за этой привычки разбрасывать золото направо и налево, кошелек Корделии обычно оставался пустым, а сама она всегда искала работу.

Пройдя несколько шагов вслед за Конаном, девушка остановилась, помянула Сета, Нергала и Эрлика, и быстро вернулась к ящику. Сняв с пальцев три магических кольца, бросила в щель, и только после этого продолжила путь.

— Отправимся через портал? — спросила Корделия.

Широкая площадь, вымощенная алым булыжником, была почти пуста. Все здания, выходящие сюда, смотрели на нее глухими стенами. Ни одно окно не распахивалось любопытным глазом, ни одна дверь не нарушала серую монотонность кладки.

Смотреть на эти дома было почти физически неприятно. На прохожего накатывало странное, пугающее чувство, — словно он очутился возле порога собственной смерти, и внезапно понял, что за ним его не ждет ничего — ни переселения душ, ни счастливых полей Элизиума, ни мрачной Преисподней, ни кары, ни воздаяния.

Взгляд человека невольно опускался вниз, к красным камням мостовой, и только теперь странник замечал, что они разных оттенков. Ближе к краям площади — серые, с едва заметными проблесками розового оттенка, и алые, исполненные недоброго света, в центре.

Там, словно цветок на гигантском стебле, поднимался магический Портал, — единственная постройка, нарушавшая серое уныние площади.

Казалось, они должны привлекать взор. И все же колдовские Врата были последним, на что смотрел человек, пришедший сюда. Он поворачивался к ним как бы нехотя, против воли, а порой стремился отвести взгляд даже оказавшись совсем близко.

В Портале струилось нечто, пугавшее даже закаленных в бою воинов. Конану не раз приходилось видеть, как могущественные колдуны и опытные друиды, подходя к Дверям, понижали опускали на лицо капюшоны, — чтобы стражники Врат не могли распознать их страх.

Толстая спираль, выкованная из чистого золота, возносила над площадью широкую мраморную площадку. Киммериец прекрасно знал, что драгоценный металл слишком мягок, и не выдержит такой груз. Однако законы мироздания оказывались бессильны здесь, возле колдовских Врат.

Алая звезда горела высоко над каменным кругом. Через каждые шесть поворотов клепсидры она вспыхивала черным огнем, и тогда пройти сквозь Портал было невозможно. Иногда обсидиановое пламя тухло сразу же, а порой держалось несколько недель или месяцев. Почему так происходит — не знал никто.

Возможно, даже стражники Врат.

Путешествовать через волшебную Дверь было дорого, и хотя этот путь не таил в себе никаких опасностей, порой даже самые богатые люди не могли побороть в себе мистического страха перед Порталом, и потому предпочитали коня, верблюда или корабль.

Хотя Корделия и любила сорить деньгами, у нее всегда в запасе имелось несколько золотых монет, чтобы заплатить стражам за переход. Ремесло наемника нечасто приносит тебе богатство и славу, что бы ни пели у огня бродячие барды.

Зато врагов появляется с избытком, и порой лучший способ избавиться от них — это ныр-

нуть в волшебные Врата, из которых ты сможешь за пару секунд попасть в один из тысяч городов Хайбории, — и пусть твои преследователи чешут в затылке, гадая, куда именно ты направился.

Конан недолюбливал магию и не особо доверял ей. Однако он понимал, что не может терять времени, когда его друг Фогаррид, возможно, находится в опасности. Эта мысль немного подбодрила киммерийца, когда они вместе с Корделией поднимались по золотой лестнице Портала.

Тонкие иглы хвои зашуршали под ногами Конана.

Киммериец встряхнул головой. Он так и не привык к путешествию через магические Врата. Еще мгновение назад он шагнул по тонким, почти невесомым ступеням, — а сейчас, словно перенесся из сна в реальность, оказался именно там, где и хотел быть, — на широкой дороге, ведущей в столицу Валлардии.

Толстые дубы поднимались к бирюзовому небу. Каждый ствол расходился на три части, стоило ему достичь человеческого роста. Правая ветвь превращалась в осину, левая — в ель. Средняя казалась мертвой, однако продолжала расти, нисколько не уступая своим сестрам.

Тропа оказалась не очень длинной.

Выход из Врат обычно делают не в самом городе, а недалеко от него. Все знают, что Портал не пропускает больше двух-трех человек одновременно, и все же правители опасаются, что какой-нибудь завоеватель сумеет провести сквозь Двери огромную армию и внезапно обрушиться на них.

Тропа, по которой шагали путешественники, почти забыла, что такое человеческие шаги. Это неприятно удивило Конана. Он вспомнил мечты Фогаррида о том, что Валлардия будет открыта всем городам мира — не только для торговли, но для новых идей, знаний и искусства.

Почему отшельник отказался от своей идеи?

Или кто-то заставил его сделать это?

Киммериец беспокоился все сильнее. Мысли становились такими мрачными, что, когда он увидел перед собой восемь темных фигур, — Конану вначале почудилось, что это его тревоги вдруг приняли материальную форму.

— Полухортары, — пробормотала Корделия. — Мне казалось, это всего лишь легенда.

Северянин остановился.

Он тоже вспомнил древние предания Валлардии — истории о великих героях и коварных богах, о злых колдуньях и прекрасных нимфах.

Полухортары были излюбленными героями этих легенд — жуткие чудовища, ростом в два

раза меньше человека, они могли голыми руками разорвать мантикору, а их укусы так ядовиты, что стоило одному из монстров впиться зубами в землю под своими ногами, — как все растения гибли на сотни лиг вокруг.

Никто из жителей Валлардии не верил в эти истории. Полухортары оставались всего лишь выдумкой, которая кормила странствующих бардов, да приятно щекотала нервы их слушателям.

Во время войны с тираном Димитрисом, против которого наконец восстал его собственный народ, — на стороне диктатора выступили разные монстры, в том числе и Харибды, что в конце концов отказались подчиняться даже ему.

Однако полухортаров не было среди этих существ, и ученые мужи сочли это последним доказательством того, что карликов с ядовитыми зубами не существует.

«А вот и ошиблись», — подумал Конан.

Обликом твари напоминали людей, но их кожа была темно-фиолетового цвета и вся покрыта морщинами. Они казались дряхлыми стариками, прожившими на свете не одну сотню зим, — но черные, с белыми зрачками глаза сверкали неистребимой злобой и жаждой жизни.

Легенды гласят, что полухортары рождаются древними. Они не знают ни детства, ни юности. Их сердца с самого первого дня наполнены горечью и разочарованием. Этим созданиям кажется, будто весь мир причинил им зло, — тем, что осмелился существовать.

Конану вспомнились слова бродячего барда, который и рассказал им с Корделией легенду о полухортарах.

— В детстве все мы радостны и добры, — произнес тогда сказитель. — А к старости каждый станет злым и несчастным.

Киммериец не был с этим согласен; он возразил, что знает немало людей, которые обрели с возрастом мудрость, а вовсе не горе и ненависть.

Бард, — который сам разменял восьмой десяток, — только покачал седой головой и ответил:

— Ты молод, варвар, и тебе не понять, что чувствует человек, когда смотрит перед собой и видит лишь приближение смерти.

С этим поспорить Конан не смог. Слова старого сказителя глубоко западали в душу, и он дал себе слово, что если Кром поможет ему дожить до старости (или хотя бы не помешает, и то будет хорошо) — он, киммериец, никогда не превратится в злобного старика, который только и умеет, что ненавидеть всех вокруг.

Ему показалось странным, что Корделия промолчала.

Вскоре северянин заметил, — слова барда произвели на девушку очень сильное впечатление. Несколько дней после этого она ходила, словно ее обмакнули в воду, и даже не записалась на гладиаторские бои, приуроченные к празднику Осени.

Именно тогда Конан подумал — возможно, сказитель говорил о самом себе. Ну зачем было заканчивать красочную сказку про чудовищ такой печальной моралью?

Наверное, за долгие зимы старик так устал веселить и радовать публику, что теперь не мог отказать себе в подленьком удовольствии, и стремился при каждом удобном случае испортить настроение слушателям.

Разве не это самое страшное оружие, какое старик может использовать против молодых — вечно напоминать им о близости и неизбежности смерти?

Каждый из полухортаров был закован в странного вида кольчугу, — почти у всех серебристую, и только самый крупный карлик сверкал золотой броней. На шее темнело алое бархатное жабо.

Присмотревшись, Конан понял, что именно показалось ему необычным, — доспех состоял

не из колец или пластин, но из крохотных изображений черепа, которые соединялись друг с другом через отверстия глазниц и распахнутых ртов.

Сложно было представить, сколько кропотливого труда необходимо для создания такой кольчуги. Только одна причина могла заставить мастера приложить столько усилий, — броня была особым образом зачарована.

Несколько мгновений твари не двигались, не сводя взгляда с Конана и Корделии. У киммерийца возникло неприятное чувство, словно на него смотрят не восемь существ, а одно, которого он сам увидеть не в силах.

— Уши Нергала, — процедила девушка. — И кто потом мне поверит, будто я убила десяток полухортаров? Решат, что вру как сиволапый гoblin.

Монстры начали приближаться к ним. Маленькие ножки чудовищ были обуты в толстые кожаные сапожки, с тяжелыми каблуками. Землю вокруг покрывала густая трава, и затертая змейка тропы только кое-где выглядывала из-под изумрудной поросли. И тем не менее, полухортары при ходьбе издавали резкий, раскатистый звон, — словно конь скачет по каменной мостовой.

«Почему же я не услышал их издали?» — ястребом пронеслась мысль в голове у Конана.

В том, как двигались твари, было нечто пугающее. Ни люди, ни звери так не ходят. Карлики скользили вперед, хаотично меняясь местами, как стая насекомых, и глаз не мог уследить за ними.

Золотая кольчуга вспыхнула на первом из полухортаров. Каждый из крохотных черепов взорвался переливами света, превратившись в крохотное безжалостное солнце. Киммериец поднял руку, чтобы защитить глаза, — и в то же мгновение все восемь тварей ринулись на них разом.

Несколько монстров продолжали шагать по земле, с каждым шагом двигаясь все быстрее. Но те, что остались за их спинами, внезапно поднялись в воздух.

Алые складки, которые киммериец вначале принял за воротник, теперь раскрылись, превратившись в короткие кожистые крылья, увенчанные тонкими извивающимися щупальцами.

Первый полухортар устремился к Конану, словно тяжелое ядро, выпущенное из баллисты. Северянин с размаху ударил его кулаком в голову, стремясь, чтобы пальцы не коснулись окалиенного рта с крупными гнилыми зубами.

Тварь отшвырнуло прочь, закрутило в воздушном потоке. Небольшие крылья судорожно

забились, пытаясь удержать над землей вращающееся тело, но их силы для этого оказались недостаточно. Монстр упал, далеко за своими товарищами.

Двое других оказались у самых ног Конана.

Киммериец не заметил, как в руках каждого из них оказались длинные металлические шесты. Резкий удар обрушился на его живот, и второй монстр подсек его быстрым ударом сзади.

Северянин упал на колени.

Его левый кулак обрушился на голову ближайшего полухортара. Череп хрустнул. Осколок сломанной шеи вышел из горла чудовища, пропоров его в нескольких местах. Густая, похожая на смолу, кровь заструилась по серебряным черепам кольчуги.

В правой руке киммерийца уже сверкала тяжелая булава. Ею он ударил по лицу второго противника. Острые шипы палицы, глубоко вошли в морщинистую кожу чудовища.

Кузнец рассказывал, что каждое из жал он создавал отдельно, вымачивая в растворе заговоренных трав, окропляя священным вином и проклятой кровью грешников.

На булаву ушло несколько зим, ибо всякий из ее элементов следовало сработать точно в те мгновения, которые указаны в Гороскопе Драконов, и даже одно лишнее мгновение способно полностью свести на нет все усилия.

Киммериец не знал, бояться ли твари обычного оружия. Но палица, зачарованная кентавром, оказалась для них смертельной. Тяжелое навершие снесло голову полухортара, насадив ее на длинные шипы.

Долю мгновения казалось, будто это уродливое украшение так навсегда и останется на оружии. Но через мгновение оно отвалилось, отброшенное далеко в кусты.

Обезглавленное тело замерло, истекая густой вязкой влагой, словно не желало признать свое поражение. Однако новые твари уже спешили вперед, быстро подмяв его под себя.

Конан понял, что одной палицы будет мало. Поэтому левой рукой снял с пояса короткий боевой топор, с двойным лезвием — правое избрало половину солнечного диска, левое — полумесяц.

К несчастью, этот бой оказался для оружия последним.

Киммериец с ходу вонзил его в летящего к нему монстра. Темные гнилые зубы щелкнули, оказавшись на удивление прочными. Закаленная сталь разлетелась крошечными обломками, и в ладони Конана осталась лишь обгрызенная рукоять.

Корделия сама прыгнула навстречу врагам, эффектно перевернувшись в воздухе через голову.

Конан, честно говоря, сомневался, что от таких приемов есть хоть какой-то толк, и потому на все предложения аквилонки научить его куврыкаться отвечал решительным отказом.

— Если захочу стать циркачом, лучше стану показывать фокусы, — отвечал он обычно.

Девушка сперва сочла шуткой — ну как глупый варвар сможет стать фокусником? Однако Конана не зря называли самым лучшим вором Шадизара — его пальцы были такими ловкими и быстрыми, и это не раз спасало ему жизнь.

Впрочем, он не возражал, чтобы его считали медлительным и недалеким увальнем — лучше, если враг недооценивает тебя.

Корделия приземлилась позади устремившихся в атаку полухортаров. Ее меч взвился в воздух, обрушившись на голову одного из них.

Конан много раз говорил девушке, что нападать со спины нечестно, а она всегда отвечала:

— Кто ж ему виноват, если он так растопырился.

Клинок аквилонки когда-то был прозрачным, словно слеза ребенка. Его изготовили из большого куска алмаза, а рукоять создали из волшебного льда.

Впрочем, это оказалось ошибкой.

Мощное заклинание Пламени разрушило чары, наложенные на меч. Лед растаял, опалив руку воина, и оружие выпало из обугленных па-

льцев. После гибели хозяина, оно несколько веков хранилось в лавке торговца.

Никто не решался приобрести клинок, который в первом же бою подвел своего владельца.

Корделия купила его, не задумываясь.

За несколько дней перед этим, она убила трехглавого минодрака, и заказала рукоять из одного из черепов твари. Ненависть, которая бурлила в сердце чудовища при жизни, наполнила прозрачный клинок, сделав его иссиня-черным. Кузнец пришел в ужас, справедливо решив, что испортил древнее оружие, и уже собрался бежать из города вместе со всей семьей — к брату, в Аргос.

Его спасло лишь то, что Корделия, будучи столь же аккуратной, сколь и воспитанной, по ошибке пришла к нему на день раньше, чем было условлено. Стоит ли говорить, что в новом обличье меч понравился ей еще больше, и девушка щедро отблагодарила оружейника, — который чуть не сошел с ума от радости и облегчения.

Заговоренный клинок рассек полухортара надвое, превратив его в два окровавленных куска плоти. Почти в то же мгновение, девушка нанесла второй удар, лишив головы другое чудовище.

Конан взмахнул булавой, но на этот раз монстр оказался быстрее. Острые зубы твари

вцепились в руку киммерийца. Ощущение было таким, словно к запястью поднесли факел. Еще один монстр спикировал на него сверху, нацелившись в шею.

Киммериец пнул первого тяжелым ботином, отбросив его далеко в сторону. Затем вонзил обгрызенную рукоять топора в распахнутую пасть второго.

Простой деревянный штырь не мог причинить твари особого вреда, но на мгновение отвлек ее внимание. Конан с размаху ударил чудовище палицей, и услышал, как трещат переломанные кости.

Мертвое тело упало на тропу.

Когда Конан обернулся, полухортары исчезли.

В нескольких местах земля обуглилась и дымила. Корделия замерла с окровавленным мечом, — видно, стоявший перед ней противник внезапно исчез.

Твари отступили так же быстро, как и появились.

Глава 6

За Невесомыми Водами

Сагурн только закончил плавать в чистом бассейне. Им могли пользоваться только те, кто достиг чина сержанта и выше. Офицер сидел возле стены, отгораживающей казармы ополченцев от остального уровня.

После лепешки, съеденной у разгневанной торговли, есть не хотелось, и он наслаждался отдыхом, из-под приспущенных век наблюдая за толкотней селян возле огромных дубовых бочек с водой.

Они оскальзывались на мокрых камнях, вырывая друг у друга деревянные черпаки, мальчишки и юноши, не видевшие ничего, кроме своего жалкого села.

«Такого же, как мое, — лениво подумал Сагурн, вдавливая обнаженную спину в ноздреватый и легкий камень, что добывали в нижнем городе. — Хотя нет, мое было еще более убогим».

Промелькнувшая мысль вдруг неожиданно и не желая воскресила вид Тухлых Болот, на которых он вырос. Ржаво-оранжевая бескрайняя поверхность, затопившая площадь перед последним на востоке хребтом Языков Пламени.

Она была гибельна для людей и зверей, не давая подступиться к горам, наполненным благоуханием пронзительно чистого и здорового воздуха. Рожденная болотами, у подножия гор текла широкая и светлая река — Невесомые Воды. Ее невозможно было переплыть, так легка была странная вода, в которой тонула даже пушинка.

В каждом поколении появлялись храбрецы, стремившиеся преодолеть преграду, но они исчезали, опускаясь на неизмеримую глубину, выхода из которой не было. Плавать в реке было все равно, что попытаться плыть по воздуху, бросившись со скалы.

Болотные люди не поддерживали связи с внешним миром, только староста, провожаемый до границы топи, посещал раз в зиму село, находившееся на суше в десяти днях пути. Жители Тухлых Болот соединялись на короткое время парами между собой, нередко порождая отталкивающих, отвратительных уродцев. Как почти все дети, Сагурн не знал отца.

Мать, похожая на остальных женщин — сухих, высоких, с продолговатыми глазами и

длинными густыми волосами, кишачими насекомыми, была с ним до того дня, как мальчик стал на ноги. После этого ребенок считался общим достоянием, которым никто особенно не дорожил.

Постепенно он научился драться с другими, такими же одинокими созданиями, из-за куска лепешки и огрызка болотной тыквы, найденной в топи тушки погибшего или умершего от старости варса, толстого безобидного зверька.

Соперники, старшие мальчишки и девчонки, бывшие нередко сильнее парней, сперва просто отталкивали его с дороги ногами, однако невесть откуда появившаяся в нем сила и особое, изощренное умение найти слабое место противника, поставили его впереди ватаги.

Повзрослев, вместе с мужчинами он добывал среди ядовитых испарений болотные бриллианты, особо ценимые во Внешнем Мире.

Староста оставлял добычу в ближнем селе и возвращался, ожидая вместе с остальными на границе болот носильщиков, которые приносили на спинах мешки с провизией, дешевыми тканями, металлическими ножами и другими необходимыми вещами.

Довольные, они расходились, при этом болотные люди оставались в неведении относительно того, что за свой опасный промысел получали тысячную часть стоимость камня.

Жаркий ветер качнул цветущее дерево над ним, осыпая коричневую блестящую пыльцу на короткие белые штаны и карие огромные глаза, которые он не хотел видеть, пряча на дне памяти, вновь смеялись перед ним.

Сердце его, ударив сильно о ребра, на миг остановилось, и воспоминания, двадцать зим назад приносившие острую, нестерпимую боль, постепенно заглаженную временем, но не ушедшую, вырвались из-под замка его воли.

В горах, за Невесомыми Водами, жило племя отщепенцев, не только презираемых болотным обществом, но и возбуждающих в нем страх, граничащий с ужасом перед подземными демонами тьмы. Когда великий бог солнца — Грос заселил землю людьми, он запретил им совокупляться с другими существами, уже живущими там.

Но люди ослушались бога, преступив запрет и уже сами породили племя арков, соединяющих в себе черты человека и демона, а иногда зверя. Они потеряли не только облик, но и сущность тех, от кого произошли, многие были безобразны и бессловесны, искра разума не светилась в мутных глазах, они бродили в горах, поедая траву и грибы.

Но были среди них те, кто одним из родителей имел речного, горного или подземного демона, не только похожие на людей, но прекрас-

нее их. Они обладали многими магическими свойствами, что приводило человека в ужас.

Только порождения демонов могли перейти Невесомые Воды, а потому на берегу всегда дежурили болотные часовые, опасаясь того неведомого зла, что способны принести с собой ослушники Гроса.

Однако арки никогда не пытались пробраться в становище, лишь изредка мелькая среди стволов деревьев и кустов, растущих на склонах гор.

Сагурн вспоминал, как впервые увидел ее, такую прекрасную, каким никогда не мог быть человек. Светлые волосы развевал ветер, и они поднимались легким облаком над ее головой, не то что грязные, слипшиеся волосы болотных женщин, висящие неподвижными прядями.

Глубокие карие глаза сначала были испуганы и серьезны, а потом смеялись, так искренне и доверчиво, что исчез и его страх перед созданием, считавшимся зловредным и смертельно опасным.

Она переходила через реку, и всю ночь влюбленные, скрываясь от часовых, прятались на болотах, которые в ее присутствии становились прекрасными. Почему, почему не решился он бежать вместе с нею, так легко и просто — она могла перевести через Невесомые Воды любого, достаточно было держаться за руку девушки.

Он проснулся ранним утром после бессонной ночи счастливым, не сразу поняв, что бьет барабан жреца. Это случалось нечасто, только в случаях крайней опасности или торжественные дни принесения жертвы богу. Он вышел из плетеной хижины еще улыбаясь, и некоторое время улыбка, застыв, не покидала лица несмотря на ужас увиденного.

Она билась, обнаженная, среди молчавшей толпы, удерживаемая четырьмя мужчинами. Обрывки легкого зеленого платья валялись рядом, пропитанные болотной жижей, а прекрасное тело стало достоянием любопытства, истощаемого обступившим стадом. Так позже, заходясь криком, обзывал своих соплеменников Сагурн.

Он бросился вперед, сминая стоявших позади, но врагов было слишком много. Он выл и кусался, чувствуя горячую кровь, стекающую по лицу, страшную боль от ударов, удушье от наброшенной на горло веревки. Даже связанный, удерживаемый пятеркой мужчин, зажавших в руках концы веревок, позволяющих держать его на расстоянии, он бился, изрыгая хулу на бога, его служителя и своего народа.

Разъяренный шаман, захватив горсть мха вместе с болотной грязью, вбил ее в рот Сагурна, превратив его крики в беспомощное хрипение.

Черный камень, похожий на гигантский фаллос, устремленный к небу, веками изображавший бога, обагрился алой кровью, и последние слова, повторяемые возлюбленной до тех пор, пока сознание не оставило ее, были словами любви, на которые он не мог ответить.

Это воспоминание стало одним из горчайших в жизни юноши. Огромные карие глаза возлюбленной, остановившиеся на его искаженном лице, не с просьбой о помощи — она понимала, что он бессилен, ее нежный голос, звучащий почти спокойно, и его сдавленное сипение в ответ. Поняв, что конец неизбежен, она перестала сопротивляться, невзирая на свою наготу, все пыталась выпрямиться с достоинством, несмотря на удары плетью, которыми осыпал ее впавший в неистовство жрец.

Пленница видела, что Сагурн не мог ответить, и потому старалась лишь, чтобы он услышал ее последние слова. Неразумное, нелепое чувство вины за свое молчание терзали его душу на протяжении всех прошедших зим. Ему казалось, что девушка умерла одинокой, а он предал ее в смертный миг.

Лелия была еще жива, топор шамана взлетел и отрубил пленнице голову. Рука Кродана запуталась в золотистых волнах волос, и старец судорожно дергался, пытаясь освободиться. На лице его появился страх.

Ужас охватил собравшихся — демоница не желала отпускать служителя бога. Вырвавшись наконец из шелкового плена, тот осыпал девичью голову черным магическим порошком. Колдовство не позволит нечисти возродиться. Потом с видом торжества мерными ударами ритуального топора отрубил жертве ноги и руки.

Сагурну хотелось упасть на землю, вжаться в пружинистый мох, превратиться в него, исчезнув навеки из мира людей, но натянутые веревки удерживали на месте. Подручные жреца, сжимая одной рукой амулеты, другой сложили части тела в плетеную корзину, и толпа потянулась за Кроданом, выкрикивающим заклинания, отводящие беду.

Голову Лелии бросили в Бездонное Око, как называлась круглая, никогда не зарастающая тиной водная прогалина среди ржавой болотной поверхности. Даже старожилы, для которых не было тайн на болотах, редко отваживались подходить к нему близко — Око могло неожиданно вытянуть длинный отросток, выдернуть опору из-под ног неосторожного и увлечь его в бездонную пропасть, откуда не было спасения.

Некоторое время светлые волны волос плавали на поверхности, но затем топь ухнула, втягивая их в себя и вновь замерла. Тело и конечности разбросали по периметру селения, чтобы подобные демонице не явились к людям.

Сагурн передернул плечами — кожа вдруг вспомнила боль, испытанную тогда, во время последовавшего за казнью наказания. Его порол той же плеткой, пропитанной кровью девушки. Он не сопротивлялся, находя в этой обжигающей боли некоторое утешение, как будто, смешивая кровь свою и Лелии, он разделял, почти облегчал ее страдания.

Он ощутил прикосновение толстых ветвей колючего дерева, из которого соорудили для ослушника клетку. Там невозможно было ни лечь, ни выпрямиться. Дети, впрочем, от них не отставали и взрослые, толкали его заостренными палками, плевали, обливая нечистотами.

Шаман требовал покаяния и через месяц добился смирения ослушника. Когда клетку открыли, он не мог двигаться, и несколько мужчин отволокли юношу к подножию черного камня, на котором еще виднелись следы ее крови. Он ничком пролежал перед алтарем целый день, и болотные люди одобрительно кивали головами, видя, как усердно ослушник замаливает свой грех перед богом.

Той же ночью он обошел село, собирая останки Лелии и заворачивая их в свою единственную ценность — кусок тонкого расписного холста, полученный от старосты за особо красивый найденный им алмаз. Безбоязненно он подошел к самому краю Бездонного Ока и опустил в

него свою ношу, сопроводив погребение словами любви, которые Лелия так и не услышала в страшный миг.

В хижине своей он взял лишь тонкий нож, которым, предварительно разбудив, перерезал горло жрецу и его помощникам. Трупы их он сволок к подножию камня. За ними последовали мертвые тела тех, кто держал его и выкрикивал проклятия умирающей девушке. Стоя перед камнем, в уверенности, что разговаривает с богом, Сагурн произнес.

— Напейся крови, ты, кровожадная тварь. А если ты так силен, как о тебе болтают, то порази меня за хулу.

Весь в крови, зажав в руке нож и раскинув руки, он постоял немного, запрокинув лицо к черному небу, и вдруг громко и презрительно захохотал скрипучим, страшным смехом, не опасаясь, что кто-то может услышать его.

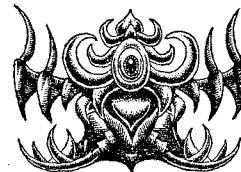
Перед рассветом он навсегда покинул селение болотных людей. Никто не посмел остановить его, когда он шел единственной дорогой, соединяющей мир болотников с внешним миром.

Сила и безудержная смелость позволили ему стать наемником, потом задержаться в столичном войске. Он ничем и никем не дорожил, не почитал в душе ни благодетельных, ни зловердных богов, приравнивая всех к демонам и мон-

страм, которые существовали на земле и с кем при случае можно было не только сразиться, но и победить. Да и вообще втайне считал, что сердце его мертво, душа давно покинула этот земной дом, соединившись с духом Лелии где-то в просторах неба, где нет ни богов, ни людей.

«Да это и не может быть иначе, — подумал он, упруго поднимаясь с обрубка дерева, на котором сидел, — имея душу, нельзя было бы делать то, что я совершал все эти зимы, жестоко и безразлично».

Глава 7 Столица

Риммериец дотронулся до наруча на своем запястье.

Толстая кожа почти полностью приняла на себя укус полухортара. Наверное, яд действительно был очень сильным, если даже простая царапина отзывалась в теле такой болью.

Несколько недрагоценных камней украшали защитный браслет. Когда-то их благословили жрецы Митры, и теперь сила амулета вытягивала отраву из пореза на руке Конана. Через несколько колоколов рана полностью затянется.

— Думаешь, они ждали нас? — спросила Корделия.

— Возможно, — ответил Конан.

Он хотел сначала переговорить с Фогарридом, и лишь потом делать предположения.

Узкая тропа, ведущая от Портала, незаметно подкралась к широкой шумной дороге, по которой ехали всадники, арбы и подводы.

Высокий шемит вел на поводу крошечного дракона, — по всей видимости, собирался продать богатому купцу. В последнее время, среди торговцев стало модно держать у себя этих крылатых тварей — говорили, что они охраняют дом лучше, чем трехголовые псы и даже медузы. Впрочем, знатоки поговаривали, что это поветрие скоро пройдет — ни один крылатый змей не может сравниться с хорошо обученным цербером.

В старой, поскрипывающей телеге ехали деревенские красавицы, а с ними их заботливые мамыши. Последние то поправят дочурке платок, прикрывающий точеную шейку, то еще раз расчесут волосы, то украсят прическу булавкой с фальшивым изумрудом. Глядя на них, нельзя было не восхититься силе родительской любви; если не знать, конечно, что девушек везли в городской бордель, где их продадут за весьма скромную цену.

На обочине ссутулился бард, перебиравший струны старенькой лютни. Его голос, наверное, в прошлом ублажал слух императоров и эмиров, — но теперь, надтреснутый и печальный, мог сгодиться разве что для толпы, что собиралась возле городских ворот в ожидании, пока их пропустят.

Сказитель вел нехитрую, но весьма поучительную историю о добром купце, по соседству с

которым жил землепашец. Конан и Корделия оказались в самом конце толпы, собравшейся возле городских ворот, поэтому не могли его слышать.

Бард весьма потешно изображал пахаря, который довольствовался кусочком хлеба и глотком воды из ручья, — а зрители покатывались со смеху, ибо каждый из них прекрасно знал одного, а то и двух подобных героев в своей деревне.

Нехитрая баллада понравилась слушателям, многие хлопали и хвалили, да вот, к несчастью, почти ни у кого не оказалось с собою денег, — воистину, странное стечение обстоятельств, если учесть, что все они ехали в столицу! — поэтому лишь два или три динара упали в глиняную плошку барда.

В это время как раз клацнули зубами городские ворота, и люди поспешно двинулись в их сторону, позволив певцу вдосталь налюбоваться своими спинами.

Раздались крики боли и страха — а вслед за ними радостный смех, ибо ничто не радует человека больше, чем несчастье, случившееся с кем-то другим.

Несмотря на то, что городские ворота стояли здесь вот уже шесть веков, и исправно распахи-вались каждое утро, чтобы столь же гостеприимно затвориться вечером, — всегда находилось

несколько приезжих, которые становились к ним слишком близко. Бедняги думали, что так получают возможность быстрее оказаться в городе, и им не хватало сообразительности спросить себя — почему же все остальные не спешат отеснить их, а, напротив, держатся в отдалении.

Тяжелые створки, распахиваясь, могли сбить с ног, а то и покалечить. Вот и сейчас, один человек лежал на земле, держась за ногу, по всей видимости, сломанную, другой же согнулся, обхватив руками окровавленное лицо.

— Больно? — издевательски хохотали в толпе. — И будет больно, если не смотреть!

Однако смельчаки тут же поджали хвост и поспешили спрятаться за спинами других, поскольку над толпой ястребом пронесся голос стражников:

— Назад, назад! Именем Трибуна!

Сложно было судить, что именно вершилось в сей момент этим славным именем, — возможно, его молитвами лилась кровь из покалеченного лица бедняги, или грозно топорщились усы гвардейца.

Как бы то ни было, толпа поспешила сделать еще пару шагов назад, — и хотя при этом кое-кому наступили на ногу, нового смеха не последовало — как известно, стражи порядка чувством юмора не обладают, ибо иначе не стали бы этот порядок стеречь.

— По одному! В линию! — рычал стражник, словно обращался к невольникам, а не к гостям славного города, приехавшим сюда подчас издалека, чтобы оставить здесь много денег, а у себя — приятные воспоминания о путешествии.

Впрочем, для слуг народа нет большего врага, чем народ, ибо он самым своим присутствием напоминает им, что они — слуги.

Большинство людей уже не раз были здесь и знали порядок. Гости города выстраивались в ряд, отесняя друг друга, и вот теперь становилось ясно, что самые хитрые как раз и оказались впереди очереди.

Люди могли позволить парочке бедолаг лишиться ноги или носа, на потеху собравшимся, — но теперь, когда надо было попасть внутрь как можно скорее, привычно помогали новичкам занять места.

Такова толпа — обучи ее пару раз, и она сама станет для себя и надсмотрщиком, и экзекутором.

Ворота в город были широко распахнуты — но это гостеприимство было всего лишь ложью, давно привычной для тех, кто часто общается со слугами народа. За тяжелыми створками оказалась прочная толстая решетка, которая преграждала путь не менее надежно, чем металлические пластины, — однако давала гостям возможность полюбоваться на узкие улочки

столицы и возносящийся к небу храм Радгуль-Йорро.

Это была достойная награда за их долгое путешествие. Однако чтобы войти внутрь, им предстояло еще и заплатить пошлину.

Шестеро стражников расположились по другую сторону решетки. Каждый держал в руках острую пику, на случай, если кто-то из гостей забудет о правилах приличия или попросит почесать ему пузо. За их спинами расположилось еще столько же солдат, с заговоренными арбалетами. Эти бойцы прошли особую тренировку, и теперь могли стрелять сквозь отверстия в решетке столь же легко, как если бы ее вовсе не было.

По толпе собравшихся пробежал легкий ветерок ропота. Стало ясно, что те, кто не приезжал в столицу несколько месяцев, видят такие приготовления впервые. Однако даже местные были удивлены, когда за поворотом кривой улочки появилось шестеро человек в синих мантиях магов. Каждый из них держал в руке толстую цепь, крепившуюся к металлическому ошейнику.

— Коффские мантикоры! — пронеслись среди людей пугающие слова.

Огромные львы, с черно— золотой гривой, и широкими драконьими крыльями настороженно поводили носом и фыркали, недовольные

людским гомоном и запахом сотен тел. Чародеи негромко говорили что-то, — возможно, читали заклинания, или же обращались к тварям на понятном только им языке.

Голос десятника вновь прорезал нестройный гул.

— Выложить талисманы и другие магические предметы!

Одна из мантикор рванулась на своей цепи, встав на дыбы и оскалив пасть.

Люди переглядывались. Кто-то потянулся за пазуху, чтобы вытащить талисман, который носил на шее. Другие, напротив, лихорадочно думали — как спрятать запрещенные к ввозу колдовские товары.

— Боюсь, нас не впустят в город, — пробормотал Конан. — По крайней мере, с нашим оружием. А расставаться с мечом я не собираюсь...

Корделия хмыкнула.

— Есть много способов отрезать дракону хвост, — сказала она.

Сложно было судить, что именно собирается предложить девушка, а Конан подозревал, что и вовсе не хочет этого знать. Однако решение, как часто бывает, пришло столь же внезапно, сколь неожиданным оказалось вставшее перед ними препятствие.

Высокий молодой человек ехал через толпу на белом коне.

У него было тонкое, слегка изнеженное лицо аристократа, черные курчавые волосы и пронзительные глаза. Последние, впрочем, казались немного выпученными, и это портило общее впечатление, которое производил его облик.

Подбородок всадника одни могли бы назвать безвольным, другие решительным. И эта двойственность как нельзя лучше характеризовала самого молодого человека — чувствовалось, что в каких-то вопросах он готов стоять до конца, а в других сразу смирится с поражением, и сложно было определить, где он проводит черту между ними.

— Немедий, — процедила Корделия. — Вот кто нас проводит.

Казалось, что молодой человек полностью погружен в себя, как жареные цукини в тесто; однако его темные внимательные глаза сразу же выхватили из толпы киммерийца и его спутницу, и аристократ направил своего коня к ним.

— Конан, — произнес он. — Корделия. Рад, что вы все же смогли приехать. Я слышал, гонцы так и не смогли вас найти и потому не передали приглашение. Хорошо, раз это не так.

Ни северянин, ни девушка не получали никаких писем; однако объяснять это вряд ли стоило, да и Немедий не был расположен слушать. Взглянув на небо, аристократ заметил:

— Мы и так опаздываем. И почему вы пешком? Не страшно, — продолжал он, не дав собеседникам ответить, — здесь же, на заставе, вам выделяют лошадей.

И, обернувшись к толпе, властно воскликнул:

— Дорогу! Дорогу дворцовому советнику.

Глава 8 Трибун

Длинная и широкая аллея была обсажена черными платанами, с листьями цвета обсидиана и корой в форме драконьей чешуи. В прежние зимы, здесь поднимались крылатые деревья— людоеды, высаженные еще прадедом последнего короля Валлардии. Однако со временем, эти растения стали так велики, что дотягивались до самой середины дороги, угрожая сожрать каждого путника.

Пришлось вызвать темных чародеев, чтобы уничтожить хищников. Рассказывают, будто половина из колдунов при этом погибла. Узнав об этом, правитель рассмеялся и сказал, что сберечь деньги для страны.

Немедий был особенно разговорчив сегодня.

Конан не мог понять, — то ли советник на самом деле воодушевлен, то ли пытается скрыть свой страх.

— А два дня назад, на границе, схватили трех курсаитских шпионов, — рассказывал его спутник. — Притворялись, будто рыбаки. Ха!

Его лицо тут же помрачнело.

— Жаль только, повесили их сразу. Допросить не успели. Поэтому мы не знаем, чего они хотели. И странно, ведь ни моста рядом не было, ни пограничной заставы. Просто заводь.

— Может, это и были рыбаки? — спросила Корделия.

— Только глупец может верить в это, — убежденно отвечал Немедий.

Конан подумал, сколько невинных уже стали жертвами подобных «разоблачений». Страну, стоящую на пороге войны, охватывает безумие. Люди начинают видеть врагов во всех, — и нередко сами создают их.

Дворец, в котором веками жили короли Валлардии, поднимался к небу несколькими массивными ярусами, каждый из которых искрился легкими облачками света. То светились охранные заклинания, наложенные архимагом.

Парадная лестница видела взлеты и падения древней династии. Здесь правители страны принимали присягу верности от своих вассалов, — и здесь же, нередко, умирали от руки тех, кто только что поклялся им в преданности.

— Боюсь, мы немного опоздали, — сказал Немедий. — Прием уже начался. Но ничего, — никто не заметит.

Конан приподнял бровь.

Значит, теперь советник играет при дворе столь незначительную роль, что никому нет дела, пришел он или сломал шею по дороге, и теперь кормит грифов в какой-нибудь канаве.

Киммериец вспомнил, сколько планов было у Немедия, когда они расстались. Фогаррид обещал во всем поддержать своего юного ученика. Судя по всему, однако, теперь их пути разошлись.

Вход во дворец был создан в форме распахнутой головы дракона. Нижняя челюсть, опущенная к земле, служила лестницей, мраморные кривые зубы заменяли перила. Низкие своды, образовывавшие пасть, заставляли гостей почувствовать себя пленниками.

— Мне казалось, старик собирался снести этого уродца, — вполголоса пробормотала Корделия, когда они спешили.

Немедий отошел в сторону, чтобы велеть слугам позаботиться об их скакунах, и не мог слышать слов аквилонки.

И правда, грозная морда дракона плохо вязалась с обликом свободной Валлардии, которую отшельник Фогаррид и его товарищи собирались выстроить после свержения тирана. Го-

ворили о том, чтобы вовсе снести дворец, который вызывал у людей только страх и ненависть, — или полностью перестроить его. Конан даже видел несколько эскизов, начертанных на листах пергамента.

Немедий уже возвращался, озабоченно взлохмачивая волосы, — отчего становился похож на мальчика, едва закончившего жреческую школу.

— Курсаиты подтягивают войска к реке, — произнес он. — Со дня на день можно ожидать вторжения.

— А может, они просто боятся, что вы нападете первыми? — спросил Конан, но советник уже не слушал его, торопливо взбегая по широкой лестнице.

Северянина насторожило, что у широких резных ворот он не увидел охрану. Обычно у входа во дворец несли караул десятеро стражников. Киммериец хотел спросить об этом у своего спутника, но почти тотчас же сам увидел ответ.

Толстые серые нити свешивались с верхней притолоки парадной двери. Подняв голову, Конан увидел в темноте сводов, образованных верхней челюстью головы дракона, густые темные сети.

— Арахниды, — пробормотал северянин. Немедий поежился и нервно потер руки.

— Мне они тоже не нравятся, дружище, — произнес он, понижая голос.

Советнику не хотелось, чтобы его слова донесли до ушей тех, кто прятался в тени над их головами.

— Но согласись, лучших охранников не найдешь во всей Хайбории. Мы долго обсуждали, надо ли их приглашать, многие были против...

Немедий прокашлялся, и стало ясно, что против был как раз он, но никто его не послушал.

— Теперь, когда курсаитские шпионы повсюду, даже здесь, во дворце, не чувствуешь себя в безопасности. Поэтому Трибун и позвал арахнидов. Уверен, он и сам не рад, что пришлось идти на такие меры...

— Сложно поверить, что Фогаррид мог согласиться на такое, — заметил Конан, но его громкое замечание потонуло в шуме и говоре.

Прием для иноземных наемников был устроен в первой зале дворца. Киммериец понял, что гостеприимные хозяева не захотели впускать чужаков во внутренние покои. Вполне понятная мера безопасности, если учесть, что вокруг кишмя кишат курсаитские шпионы, — подумал киммериец.

Людей вокруг было много, и северянин узнавал в них гостей из самых разных уголков Хайбории.

Вот трое темнокожих гирканца, два рослых и худощавых, а один широкоплечий с раскосыми глазами, — видно, его предки были родом с гор, к востоку от моря Вилайет.

С ними шептались о чем-то двое шемитов, — темноглазые богатыри, с черными волосами и длинными завитыми бородами.

Особняком выислся стигийский чародей, смуглый, с простым, но благородным лицом. Наверняка прибыл сюда не для того, чтобы помочь Валлардии, — хочет узнать, не удастся ли использовать ситуацию в своих целях, и расширить могущество своего черного бога Сета.

Когда два народа воюют, победителем чаще всего становится кто-то третий, который стервятником ждет в стороне.

Немедий уже отошел от них, заговорив с карглазым боссонцем.

Корделия небрежно подхватила кубок с одного из подносов, которые разносили слуги, — но тут же с разочарованием поставила его обратно. Девушка привыкла к другим напиткам.

— Смотри, — сказала аквилонка. — Маг Гроциус.

В первый момент казалось, что через толпу к ним направляются двое. Но вскоре Конан понял, — это не так.

Первым шел лизардмен — высокий, почти такого же роста, как киммериец. Его тело по-

крывала блестящая зеленая чешуя, — такая мелкая, что издали она была не видна, и кожа казалась голой и склизкой, как у лягушки.

Тупая, сплюснутая голова ящерицы медленно поворачивалась, словно даже здесь, среди приглашенных гостей, монстр искал себе жертву. Высокий кожаный гребень начинался на лбу и скатывался по обнаженной спине.

Выше пояса воин не носил ничего, если не считать рубинового ожерелья на шее. Всю его одежду составляли грубые штаны из воловьей кожи, да тяжелые башмаки — хотя глаз и отказывался поверить, что лизардмены способны носить обувь.

Вид его был странным и необычным, даже здесь, в разношерстной компании наемников, собравшихся со всего света. И все же взгляд не задерживался на ящере, — ибо то, что он держал в руках, было во много раз более удивительным.

Когтистые пальцы лизардмена украшали магические кольца. На запястьях сверкали золотые браслеты, — надетые не для хвастовства, а ради могущественных заклинаний, вложенных в металл.

Правая ладонь сжимала посох, выточенный целиком из огромного куска изумруда. Шесть алых колец скрепляли его, а на вершине сверкала человеческая голова.

— Маг Гроциус, — произнес Конан. — Рад видеть тебя в добром здравии.

Серые веки колдуна поднялись, обнажив глаза с алыми зрачками.

— Приветствую тебя, варвар, — отвечал он. — Рад, что ты с нами в этот непростой миг.

Северянин почти не знал Гроциуса.

Тот был одним из верховных магов Валлардии. Никто не знал, почему чародей решил бросить вызов тирану, и примкнул к Фогарриду и его товарищам. В решающей битве он оказал повстанцам большую помощь, — однако Конану так и не представилась возможность познакомиться с ним поближе.

Ярко-синие волосы спускались с высокого лба старца, низвергаясь гораздо ниже, чем доходила отрубленная шея. Правое ухо было отрублено много зим назад, и теперь вместо него сверкал черный бриллиант, в центре которого билась похищенная душа мантикоры.

— Мне надо поговорить с тобой, Конан, — продолжал Гроциус. — Приходи вечером в мою башню. Увидишь, что я могу обойтись и без этого наеста...

Киммериец понял, что маг имеет в виду жезл, на который была насажена его голова.

Лизардмен зашагал дальше.

— Интересно, как ящер узнает, что делать, — пробормотала Корделия. — Видел, ча-

родей ни словом, ни жестом никакого знака не подал.

Внимание Конана привлек другой человек, — в темно-зеленом одеянии королевской армии.

Корделия перехватила его взгляд и нахмурилась.

— Терранд, — пробормотала она.

На правом плече незнакомца красовалась алая перевязь. Знак главнокомандующего.

— Ты его знаешь? — спросил Конан.

— Встречаться не приходилось...

Терранд был наполовину драконом.

Его лицо покрывала черная чешуя, вспыхивавшая при свете факелов. Глубокие глаза казались почти человеческими, но заглянув в них, собеседник понимал, что смотрит в лицо рептилии. Длинные острые клыки высовывались из тонкого рта. С правой стороны пояса, у него висела короткий меч, — казавшийся нелепой игрушкой по сравнению с мощным мускулистым телом и огромными руками-лапами.

На голове Терранда, сзади, что-то сверкало. Люди постоянно заслоняли воина, и киммериец не мог рассмотреть странное украшение.

— Боевой топор, — пояснила Корделия, перехватив взгляд Конана.

— Он носит оружие на шее сзади? — спросил северянин.

В его словах не было иронии, как могло бы показаться.

Многие опытные воины носят на этом месте метательный нож. Это позволяет быстро и внезапно выхватить оружие, если противник застанет тебя врасплох и прикажет заложить руки за голову.

Киммериец хорошо знал этот прием, и сам не раз им пользовался, однако он впервые видел, чтобы так носили топор.

— Нет, — отвечала девушка. — Терранд из Хоршестана.

— Шесть раз в зиму Черный Дракон спускается с Иберийских гор и насилует женщин. Если он выбрал тебя — это великая честь.

Девушка жестко усмехнулась.

— По крайней мере, в тех краях так считается. Почти все, кто познает его ласки, не доживают до утра. Но если жертва окажется достаточно крепкой, через две зимы она выносит сына — полудракона.

Отблески шандалов вспыхнули на чешуе Торренда, и стало казаться, что весь он объят пламенем.

— Главнокомандующий — один из них? — спросил Конан.

— Нет... Дети монстра должны доказать, что звериного в них больше, чем человеческого. При рождении, в затылок каждого втыкают бое-

вой топор. Если ребенок умирает, значит, он был человеком...

Резкий, пронзительный звук трубы ворвался в размеренную многоголосицу залы, словно меч, погружающийся в незащитное тело жертвы.

Над собравшимися медленно поднималась летающая платформа. Она имела форму башенного щита и примерно такой же размер. Снизу на ней сиял алыми всполохами рисунок — череп единорога, скованный цепью. Тяжелые звенья проходили сквозь пустые глазницы и оканчивались двумя мечами.

— Что это? — спросила Корделия.

— Герб Валлардии, — отвечал Конан.

Он узнал древний символ, трепетавший еще на стягах короля Оззрика много веков назад.

— Я видел его лишь однажды, — продолжал киммериец. — На полустертой монете. Ему почти тысяча зим. Когда страна распалась на несколько независимых кантонов, он был надолго забыт...

— Каждый из правителей придумал собственный герб? — предположила Корделия.

— Да, и переписал историю на свой лад. Все утверждали, будто именно они являются наследниками Оззрика. Я видел целые полки книг, в которых придворные летописцы доказывали это...

— Надеюсь, ты их не читал?

Корделия притворно ужаснулась и на всякий случай заботливо дотронулась ладонью до лба Конана.

— Я не настолько любопытен. К счастью для страны, ни у одного из королей не хватило военной мощи, чтобы от теории перейти к практике... Но знаешь, никто из них раньше не дерзнул присвоить себе герб Оззрика. Даже династия, к которой принадлежал убитый тобой Димитрис.

Летающая платформа остановилась.

Теперь на ней возвышался глашатай, с длинным рогом вивверны в правой руке.

— Правитель страны, — провозгласил он. — Хранитель горных ущелий. Смиренный служитель великого Радгуль-Йоро.

Его голос раскатился ударом грома.

— Избранный народом Трибун Валлардии.

Люди расступились.

От взгляда Конана не укрылось, как главнокомандующий Торренд выступил вперед, чтобы всем было видно, как он в первых рядах приветствует правителя. Чародей Гроциус, напротив, занял место подальше в толпе, скрывшись за частоколом людских фигур.

Киммериец понял — маг вовсе не собирался изображать верноподданнический восторг, но и не хотел, чтобы правитель прочел на его лице истинные чувства.

Шестеро слуг, в высоких тюрбанах и атласных одеждах, вынесли широкий ковер, на котором умелый ткач изобразил бой минотавров с драко-грифонами. Четверо несли его за концы, двое поддерживали по краям.

Дойдя до центра залы, люди остановились, и стали медленно проваливаться в пол, словно тот был зыбучими песками, поглощавшими их.

По зале пронесся восхищенный ропот.

— Оцени простоту и изящество замысла, — заметил Конан. — Трибун вроде бы просто развлекает гостей магическими фокусами, а на самом деле говорит им — мой дворец полон волшебства, и вы полностью в моей власти. Каждый из вас только что сам ступал по этому полу, и — мог точно так же провалиться вниз, стоило мне только захотеть. Мне казалось, Фогарид не способен на такие жесты...

— Люди меняются, — сказала Корделия.

Теперь ковер лежал на полу, а вокруг него виднелись лишь шесть тюрбанов, но и те медленно исчезали в мраморных плитах.

Над залой вознесся гимн Валлардии, — мрачная, грозная мелодия, в которой безудержная дикость природы смешивалась с коварством и испорченностью человека.

Четверо мускулистых кушитов, обнаженных по пояс, вступили в залу, неся огромный ларец из черного проклятого дуба. На его боках были

изображены сцены жестоких казней и утонченных пыток.

Тяжелую крышку украшал портрет короля Оззрика, верхом на сером единороге. Вместо головы у волшебного животного был лишь череп, с цепью, продетой между пустых глазниц.

Конан и Корделия переглянулись.

— Избранный народом Трибун Валлардии! — разнесся над головами голос глашатая.

Крышка распахнулась.

Сморщенный карлик начал подниматься из ларца. Он взирал на гостей единственным глазом, темнеющим в центре лба. Острые кривые клыки высывались из сжатого рта, ложась на подбородок. Руки были так малы, что едва ли могли удержать даже магический жезл, вырезанный из кости. Ног не было; тело карлика, обрубленное по пояс, венчалось засохшими лохмотьями плоти. Под ним свистел и ярился ураган, который поддерживал человечка в воздухе.

Когда правитель повернулся, приветствуя гостей, стало видно, что на затылке у него зияет вздрагивающий рот — присоска.

— Люди меняются, но не настолько, — пробормотал Конан.

— Вижу, вы не в курсе наших последних событий, — Немедий вновь стоял рядом с ними. —

Вскоре после того, как вы уехали, в стране прошли выборы...

Стало заметно — речь пойдет о событиях, о которых ему неприятно вспоминать. Советник боялся, что, поддавшись эмоциям, обронит лишнее слово, — а его тут же подхватят чужие уши.

— Фогаррид мечтал сделать Валлардию свободной республикой, — продолжал Немедий. — Хотел, чтобы народ сам выбирал себе правителя.

— Но при этом думал, что выберут его? — спросила Корделия.

Немедий замялся.

— Шесть веков власть в Валлардии принадлежала королям, — сказал он, словно извинялся за свой народ. — Люди хотели свободы, но... не привыкли к ней. Реформы Фогаррида, его идеи показались многим слишком...

— Мягкими? — подсказал Конан.

— Бесхребетными? — почти одновременно предположила Корделия.

Советник испуганно обернулся.

Если кто-то и услышал эти слова, — совсем, впрочем, безобидные, — то не подал виду.

Все слушали Трибуна.

Мягким, негромким голосом карла приветствовал гостей. Он благодарил их за то, что в трудный момент пришли на помощь Валлар-

дии. Скорбел о людях, погибших под обломками храма. Выражал надежду...

Конан не раз слушал речи правителей и давно понял, что все они написаны на один лад. Поэтому позволил словам Трибуна мягко шелестеть прибором где-то на краю сознания, а сам продолжал разговор с Немедием.

— Валлардии нужен сильный лидер, — произнес советник, словно стремился поскорее замазать и сгладить слова своих собеседников, — слишком неосторожные, на его взгляд. — И недавние события это доказали. Фогаррид... Сами знаете, он вряд ли бы смог справиться с курсантской угрозой.

Последнее явно было ложью, поскольку именно отшельник возглавил армию повстанцев.

«Так вот как ты оказался на обочине политической жизни, друг Немедий, — подумал Конан. — Торренд, Гроциус — все это люди нового Трибуна».

— Ортегиан возглавлял Гвардию фениксов, — продолжал советник. — Возможно, ты помнишь, — отряд для торжественных парадов. Считалось, что для боя не годятся. Он превратил их в лучшее подразделение в армии...

Речь карлы подходила к концу.

В отличие от большинства правителей, которых встречал Конан, Ортегиан оказался краток в речах.

Снова затрубил в рог вивверны глашатай, — на сей раз его платформа стояла на полу, чтобы он не оказался выше Трибуна.

— Пламя защитников! — провозгласил он.

— Чего? — спросила Корделия.

Немедий оживился.

Он даже забыл о своих огорчениях.

— О, это очень интересно! — пояснил советник. — Древняя традиция, которую завел король Оззрик. Много веков она была забыта, да и не удивительно. Правители боялись за свою жизнь...

Кушиты медленно уходили, унося ларец.

Ортегиан покачивался в центре залы.

— Сейчас приведут новобранцев, — продолжал Немедиан. — Из ополчения, которое сейчас собирают по всей стране. Трибун сразится на мечах с тремя из них.

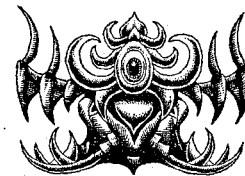
— Хороший способ почаще менять правителей, — сказала Корделия.

— Ну что вы, бой идет не до смерти, — возразил советник. — Это всего лишь представление, даже крови не будет. Трибун должен показать, что он такой же простой солдат, как и все остальные, и будет защищать Валлардию в первых рядах, а не отсиживаться во дворце...

— Чем он будет сражаться? — спросила Корделия. — Посмотри на его руки.

— О, вы сейчас все поймете!

Врата раскрылись, и в залу вошли три человека.

Глава 9

Пламя Верности

Сагурн немало раздумывал, кого из ополченцев представить Трибуну в торжественном ритуале. Он перебирал одного за другим своих подопечных, отбрасывая каждого — селяне, горожане, всякая мирная мелкота, сражающаяся только между собой в кабаках, набравшись перебродившего вина.

Он знал, что чему-то сможет их научить в конце концов, однако слишком мало времени прошло с того дня, как это стадо пригнали в столицу.

Единственный, в ком он не сомневался, был его помощник, Визалиус. Тот знал толк в оружии, знал приемы боя, был сметлив и проворен, силен и неустрашим. Хорош был и Дарий.

Этих двоих Сагурн и хотел сначала взять во дворец. Однако передумал, вспомнив их постоянную вражду и соперничество. То, что было даже полезным в солдатской казарме, станови-

лось абсолютно недопустимым во дворце, да еще в поединке с Трибуном.

Проблему решил случай. Однажды Визалиус упомянул, что брат не меньше его знает тайны хорошего клинка, да и сражаться учил их старый солдат, последние зимы живущий в родном селе, которое покинул мальчиком, вступив в столичное войско.

Услышав его имя, Сагурн вспомнил уже молодого человека, прославленного бойца, на которого он смотрел с почтением в то далекое время, когда только появился в Тизтаре, столице Валлардии. Его ученики не могли быть беспомощными в бою. Разглядывая тренирующегося Визалиуса, в руках которого вращающийся меч превратился в сплошной сверкающий круг, сержант подумал и о привязанности братьев, которая не даст им слишком увлечься боем, забыв другого, превращая ритуальный поединок в оголтелое побоище, где каждый станет красоваться своей силой перед Трибуном.

Братьев не предупреждали о грядущем событии — сержант считал, что неизбежное при этом волнение заранее ослабит их мужество и силы.

Правда, он хотел бы пару раз прорепетировать сам бой, но отказался от этой мысли — обычно запрещал, чтобы ополченцы специально готовились к встрече с Ортегианом.

В торжественный день сержант, одетый в парадную золотисто-зеленую форму, белые сапоги и такой же шлем из толстой кожи, с мечом, рукоять которого была украшена тремя рубинами, взошел на шестой уровень города вместе с Визалиусом.

На том были черные кожаные штаны, не стесняющие движений, белая шелковая рубаша, поверх которой блестела серебряным и медным плетением ритуальная кольчуга и короткие алые сапоги. Голову охватывал тонкий обруч, осыпанный алмазной крошкой.

Он был удивлен, однако от вопросов воздерживался, поскольку первый же остался без ответа, причем молчание сопровождалось грозной гримасой.

Они подошли к боковому входу во дворец, где предупрежденная стража, разглядев пришельцев в окошко, сняла бревно, закрывающее ворота изнутри.

Следуя за сержантом, Визалиус прошел коротким коридором, вдоль которого в настенных скобах горели факелы, по три в каждой. Затем широкая лестница, где камень на ступенях имел пологие выемки с двух сторон, протоптанные за века ногами спускающихся и поднимающихся людей, повела их вниз.

Визалиус дивился гладкости отполированного камня под ногами и сержант, увидев его не-

доумение, коротко заметил, что даже последний недоумок не стал бы тратить алмазный полировочный порошок на полы подземного хода.

В незапамятные времена здесь протекала река, и ее воды сгладили каменное русло. Потом ее отвели, соединив с потоком источника, бьющего на вершине горы и снабжающего водой весь город.

— Да ты сам видел, — продолжал он с неожиданной разговорчивостью, свидетельствующей о скрываемом волнении, — на каждом уровне свой бассейн, единая труба идет от источника, на каждом ярусе бронзовые отростки погружаются в резервуар, а вода течет ниже.

Задержавшись на миг перед разветвлением хода, ведущим в четыре стороны, он решительно шагнул в одно из них, не переставая объяснять.

— Во время войны вода так же важна, как оружие. Можно долго голодать, но без питья осады не выдержать. А мы имеем собственный источник, добраться до которого, минуя город, невозможно.

Ободренный словоохотливостью сержанта, Визалиус осмелился заметить.

— Но разве нельзя забраться наверх по противоположному склону? Или по боковым частям горы, где заканчивается полукруг каждой террасы?

От нелепости подобного предположения Сагурн даже рассмеялся.

— Ты еще не видел гору с той стороны. Там совершенно ровный обрыв, как будто камень срезали ножом, как равняют кусок сыра. А уровни охватывают выпуклую, более пологую часть горы и заканчиваются там, где смыкаются с обрывом на той стороне. Но и это не все — и возле источника, и у концов террас день и ночь дежурят солдаты, так, как и на крепостной стене, установлены метательные машины, котлы наполнены смолой и висят над уже сложенными, только не зажженными кострами. Потому никому, заberi их Дармак, не удастся проникнуть в столицу.

Он вдруг замолчал с недовольным лицом, удивленный и раздраженный собственной болтливостью. Визалиус тоже предусмотрительно молчал, не желая навлечь на себя гнев разом построжавшего сержанта.

Кое-где по стенам сочилась вода, видно, несмотря на то, что реку отвели, влага ушла не вся и просачивалась через найденные в камне пути.

Вдруг Визалиус запнулся на ровном месте, едва не упав. Приглушенный расстоянием, из бокового неосвещенного хода, который трудно было даже заметить, раздался тоскливый вой, полный безысходной тоски и боли.

К нему присоединился гневный крик, мужской голос взывал о помощи и справедливости. Женщина голосила, проклиная убийцу Трибуна, донесли плачущие детские голоса.

Обхватив рукоять меча, Визалиус бросился на помощь, но пробежав лишь несколько шагов, замер, остановленный зычным ревом сержанта.

— Стоять, мерзавец! Ты что, команду получил или капитаном стал, сам решаешь, что делать?!

Незадачливый спаситель с удивлением обернулся, предположив, что Сагурн не разобрал призывов о помощи.

— Разве ты не слышал? Там кричат, возможно, люди гибнут, там дети!

Сержант, глумливо искривив лицо, передразнил спутника.

— Там кричат, гибнут, дети! Клянусь матерью людей, Амириссой, ты один из самых ее дураковатых детей. Там, в конце темного хода, еще более глубокая пещера, в ее стенах прорублены конуры, где содержатся самые опасные преступники, богохульники и те, кто выступил против Трибуна и его законной власти. Он помиловал их, не предав смертной казни, но навечно заточил в темноту.

— Но дети...женщины..., — нерешительно протянул Визалиус.

В ответ Сагурн язвительно проговорил.

— А они не могут быть преступниками? Кроме того, нашлись недоумки, что решили разделить участь своих родных. Уверен, они не пожалели о своей собачьей преданности, но назад дороги не бывает.

Он повертел головой, отыскивая что-то, и со злобой сказал.

— А с солдатами, что должны стоять здесь на страже и запирают двери, ведущие в туннель, разговор будет особый. По распоряжению самого Трибуна, голоса этих людей не должны больше слышать живые. Наверняка эти болваны побежали смотреть из какой-то щели на торжество. Но ничего, они еще сегодня вдоволь повеселятся с моей помощью!

Что-то бормоча себе под нос, он, не оглядываясь, быстро пошел вперед, уверенный, что Визалиус следует позади. Тот действительно шел, потрясенный картинами, невольно встающими перед глазами — крохотные норы, со стен которых капает вода, обступающая день за днем темнота, стареющие лица и тела, теснота и зловоение.

А самое главное — постепенное умирание всякой надежды покинуть это страшное место. Сколько раз, должно быть, те, кто добровольно последовал за любимым человеком, выкрикивали проклятие в невидимое лицо, кото-

рое от жестоких слов искажалось мукой или ненавистью.

Поглощенный своими мыслями, Визалиус очнулся, когда яркий свет ударил в глаза. Они оказались в круглой зале, черные стены которой отражали мелькание огней множества факелов. Посредине стояла длинная скамья и на ней, спиной к входу, сидел человек, одетый так же, как Визалиус. Именно непривычная одежда в первую очередь привлекла его внимание и лишь когда человек стал оборачиваться, по знакомому движению плеч и головы он узнал Рогварда.

Младший брат вскочил и со свойственной ему порывистостью кинулся навстречу. Визалиус обнял его за плечи, стесняясь слегка насмешливой улыбки сержанта, внимательно наблюдающего за ними.

Оба вопросительно посмотрели на него, и Сагурн ответил на невысказанный вопрос.

— Вам оказана высокая честь — участвовать в ритуале Пламя Защитников. Он проводится всегда перед началом крупных боевых действий. Перед гостями и наемниками из других стран, перед жрецами и высшими военными. Помните, там будет Терранд, и лучше вам оказаться в том боковом коридоре, он взглянул на Визалиуса, чем опозорить меня перед Главнокомандующим. Теперь...

Он не успел закончить, прерванный возгласом нетерпеливого Рогварда.

— А что мы будем там делать, да еще в этом шутовском наряде?

Сержант побагровел, светло-голубые глаза его стали почти прозрачными.

— Ах ты, сын вонючки! Ты с кем разговариваешь, кого прерываешь, падальщик? Нужно было взять тебя к себе в отряд, небось бы уже научился, как вести себя со старшими!

Однако осознав, что своими словами он осуждает способы учения другого сержанта, которому подчинялся Рогвард, он сдержался. Да и неумно было пугать послушника перед столь ответственным делом, исход которого неизменно так или иначе скажется на положении самого сержанта.

Он заговорил почти примирительно.

— Слушай внимательно и молчи, у брата учись. Вы, как войдете в зал, головами не вертите, рты не разевайте и глаза не пучьте. Увидите много нового, невиданного вами и удивительного, но ведите себя невозмутимо, как подобает солдатам. Сам Трибун будет вашим противником в поединке.

Тут не выдержал даже Визалиус, и братья, именно что «пуча глаза», от чего настойчиво предостерегал их сержант, громко охнули. Но тот уже беззлобно завершил разговор.

— Бой будет не настоящим, каждый сражается с мечом, который подчиняется воле Трибуна. Да смотрите, недоумки, свои железяки не направляйте на него, а то вам живо руки укоротят! Представьте, что за каждым мечом стоит человек, вот с ним и бейтесь. Теперь посидите, я пойду посмотрю, не пора ли идти и вернуться за вами.

Он вышел в одну из трех дверей, скрывающих все выходы из зала, так что открытым оставался только тот, через который они вошли.

Братья сели на скамью, и Рогвард пробормотал.

— Что-то будет? А вдруг убьем самого влестителя?

Только сейчас Визалиус обратил внимание на бледность его лица, темные круги под глазами и вообще какую-то растерянность во взгляде, доселе ему не присущую. Погас его радостный, открытый взгляд, как будто за эти несколько дней он перенес серьезную болезнь. Визалиус поспешил успокоить брата.

— Это невозможно, вся магия государства его хранит, да и сам он, говорят, колдун великий. Но что случилось, почему у тебя такой вид, будто целый день ходил по кругу, вращая жернова на отцовской мельнице?

С неожиданной страстностью тот воскликнул.

— Великая защитница Эзерия! Почему не помогла ты нам бежать, как советовала мать! — Он с упреком взглянул на брата, — ты остановил меня на пороге свободы!

Но тут же устыдился своего порыва.

— Нет, ты ни в чем не виноват, я не ребенок, за которого отвечают другие, я сам, по собственной глупости, упустил свою возможность остаться свободным.

Визалиус смотрел на него с искренним недоумением.

— О чем ты говоришь? Разве тебе плохо в армии? Неужто ты на всю жизнь хотел остаться в нашем жалком селе, молотить зерно да вырезать фигурки? Ты не понимаешь, перед нами открывается весь мир! Мы научимся сражаться, в войне с курсаитами отличимся, станем сержантами, а потом или останемся здесь, постепенно поднимаясь, или станем наемниками. Нам будут принадлежать другие страны, прекрасные женщины, несметные богатства!

Рогвард с не меньшим удивлением ответил.

— Ты рад подобной жизни? Нас натаскивают, как отец натаскивал Клыкастого охотиться за горными урсанами! Ты видел наших сержантов, разве они богаты? Десятками зим носят они сержантскую форму и лишь единицы, становятся капитанами, да и то, когда прежних убьют в бою. А наемники? Да почти все они не отлича-

ются от животных, грязные, подлые, жестокие убийцы. Это не наш мир! Ты помнишь озеро, в котором мы купались, его прозрачную чистую воду, безлюдные горы вокруг, душистые травы? Там наше место.

Он замолчал, мелкие капли пота выступили над верхней губой. Визалиус раздумчиво протянул.

— Я не знал, что тебе так плохо. Но теперь поздно сокрушаться, нужно приспособливаться к тому, что есть. Тебя что, сажали в Темноту?

Этим словом называли глубокие ямы, заполненные грязной водой, кишашие пиявками и крысами, вылезающими из нор, прорытых в земле над поверхностью воды. В них попадали провинившиеся солдаты и ополченцы, стоя в смрадной воде по горло, а то и по подбородок, в зависимости от роста. Как правило, в ней проводили несколько колоколов. На более длительное время заключали редко и только за самые нетерпимые проступки, граничащие, по мнению армейского начальства с преступлением. Нередко при этом наказанные погибали, не в силах вынести непрерывное бодрствование и захлебываясь в воде.

— И не раз, — с горечью ответил Рогвард, — меня послали за добычей в Нижний город, но я не могу воровать, меня сразу поймали. Мало того, что избил хозяин-булочник и его соседи, так

за то, что возвратился с пустыми руками, наказал сержант. Знаешь, мой еще похуже твоего будет. В другой раз я отказался на учениях метнуть копье в живого человека, какого-то пьяницу, что приволокли с нижнего уровня. Да и еще много чего совершил, что считаю правильным, чему учили мать с отцом, а здесь считается преступлением.

Визалиус, нахмутив густые брови, наставительно сказал.

— Ты сам виноват. Что такое нищий, ни себе, ни другим не нужный? А мы научимся защищать страну.

— Но это человек, — загорячился Рогвард, — не хуже тебя или меня. Боги определяют наш жребий, и разве он виноват, что ему выпало быть пьяницей? А мы убили его, значит, пошли против воли богов.

Визалиусу было жаль брата, он сочувствовал ему и хотел поддержать, как бывало всякий раз, когда младший прибегал за помощью, но он признавал собственное бессилие. И это понимание рождало раздражение при виде унылого, несчастного лица брата.

Он поднялся со скамьи и заходил перед нею, размахивая руками, пытаясь жестикуляцией придать уверенность собственным словам.

— Одни твои речи противоречат другим, ты бормочешь, как малое дитя, сам не понимая,

что говоришь. Конечно, боги определили быть этому человеку никчемным, но вовсе не ты решил его участь, предав смерти, а те же самые всемогущие. И разве не говорили жрецы, которые слышат их голоса и передают нам, что каждый должен повиноваться своему господину? Для нас сейчас главными являются наши сержанты. И это ты идешь против высшей воли, отказавшись исполнить приказ, а не те, кто уничтожил одного-двух никому не нужных оборванцев!

Губы Рогварда расползлись в натянутой улыбке.

— А ты убивал, брат?

Глаза Визалиуса помимо собственной воли скользнули в сторону. Он предостерегающе произнес.

— Мои дела тебя не касаются, — но тут же устыдившись своей уклончивости, как будто он признавал постыдность совершенных поступков, вспыхнул. — Да, на учении убил одного ублюдка из Нижнего города, и если потребуется, сделаю это снова. Хватит ныть! Лучше думай о том, что нам предстоит. Следи за мной, не бойся, не торопись, помни, Темнота — ничто по сравнению с тем, что нам грозит, если опозорим сержанта.

Рогвард согласно кивал головой, не выказывая особого волнения. Было заметно, что думает

он о чем-то весьма далеком от предстоящего ритуала.

Послышались приглушенные проклятия, топот ног и братья увидели разъяренного Сагуерна, побагровевшего от натуги — он пытался докричаться до своих подопечных, одновременно опасаясь, что голос его долетит до дворцовой залы.

— Я прочищу вам уши раскаленными стрелами, — сипел он, — расселись, как две девки у ворот, болтают одновременно, ни себя, ни другого не слыша! Вы бы еще рукоделием занялись, чтоб не заскучать! Поднимайте свои толстые зады и за мной! Да спокойно, вольно, красиво идите, как настоящие солдаты!

Оставив позади первую металлическую дверь, они подошли ко второй, узкой и высокой, сбитой из мореных деревянных брусьев, покрытых выжженным рисунком. Сагуерн оглядел обоих, распрямил плечи, приосанился и толкнул створки.

«Хорошо, что сержант предупредил заранее, а то наверняка бы остановился на пороге», — подумал Визалиус, краем глаза взглядывая на брата, лицо которого не утратило спокойного, почти отрешенного выражения.

Залитая светом зала, казалась бескрайней. Кругом толпились странные люди, какие-то создания, — то ли звери, то ли разумные существа.

Большое множество драгоценных камней напоминало своим сверканием сияющие под солнцем весенние горные цветы, такие яркие, что зачастую полыхающий луг представлялся нереальным.

Глаза присутствующих обратились к вошедшим, которые своей строгостью, невозмутимой торжественностью, жестким единством выделялись среди обличия гостей. Как и требовалось ритуалом, они шли прямо к Трибуну, и даже если бы перед ними возник сам Терранд, его следовало смести, как незначительную помеху, не искажая прямизны пути.

Жесткое загорелое лицо сержанта, на котором из-под белого шлема светились пронзительные голубые глаза и одинаково красивые, похожие лица молодых людей за ним привлекали внимание. Дойдя до Трибуна, сержант склонился в поклоне, немедленно отойдя в сторону, предоставляя тому возможность обратиться к участникам ритуала.

Ортегиан своим негромким вкрадчивым голосом осведомился.

— Рады ли юноши служить нашему великому королевству?

Визалиус поспешил ответить.

— Мы благодарны тебе за то, что ты дал нам такое право, призвав в ополчение. Ты не пожалеешь о своем выборе.

Тот благосклонно покачивал головой, но глаза его не отрывались от лица Рогварда, который лишь поддакивал брату. Составив какое-то впечатление, он задумчиво пожевал губами, заключив.

— Вы оба можете быть хорошими солдатами, только нельзя противиться своей судьбе, она может жестоко наказать упрямых.

И без предупреждения схватив рукояти обоих клинков, висящих в воздухе, взмахнул ими над головой, скрестив так сильно, что искры брызнули голубым фонтаном.

Мечи братьев, удерживаемые крепкими руками, одновременно вылетели из ножен, встречая несущуюся навстречу сталь, отпущенную карлой.

Грозная мелодия битвы зазвучала в притихшем зале, пальцы открытых ладоней Трибуна лишь слегка шевелились, и мечи, покорные магическим посылам, бились с ополченцами так, как будто были зажаты в крепких руках умелых воинов.

Лезвия, встречаясь, скользили одно по другому с неприятным визгом или замирали, дрожа от прилагаемых к ним усилий отбросить противника, сбить с занятой позиции, открыть уязвимые места.

Вдруг Визалиус почувствовал толчок в спину, и ноги тут же слегка согнулись, готовясь

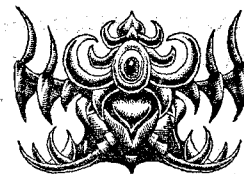

бросить тело назад, к неведомому врагу. Но он вовремя вспомнил слова сержанта, предупреждавшего, что во время боя их могут подстергать ловушки.

Этой доли мгновения, когда он заколебался, принимая решение, было достаточно, чтобы острый меч почти коснулся кольчуги. Однако воин успел отбить его, вызвав довольную усмешку уже было побледневшего сержанта, одобрительные возгласы толпы, а также поощряющий жест Трибуна, вздевшего вверх сомкнутые ладони.

Наконец все четыре клинка странным образом сошлись остриями, образовав подобие остроугольной пирамиды. Над ними вспыхнул голубой огонь, в котором пылал алый череп единорога.

Толпа приветствовала герб страны, и Трибун, выразив одобрение сноровке ополченцев, уверенность, что ему не стыдно будет возглавить их в боевых условиях, отпустил воинов мановением руки.

Глава 10

Королевский дворец

ерранд быстро шагал по дворцовому коридору. Ему было неприятно общество людей — глупые, примитивные существа, почти крысы, если разобраться, и он, отпрыск Черного Иберийца, вынужден пожимать им руки.

Полудраконов боялись.

Наверное, Ортегиан был единственным, кто решился предложить такому, как он, высокий пост в своем государстве. Но Трибун сам был уродом — безногим карликом, и хорошо знал, что внешность и происхождение могут и возвысить тебя, и уничтожить.

Главкомандующий остановился у высокой двери.

Наверное, это было единственное место во всем Дворце, где не стояли на карауле стражники.

Ортегиан любил повторять:

— Если подданные тебе верны, бессмысленно их бояться. Если нет — безумие позволять им охранять тебя.

Просторные покои, в которых веками жили короли Валлардии, теперь были превращены в казну. Новый Трибун поселился в бывшей комнате для прислуги, — то ли хотел показать, как близок к народу, то ли боялся, что если унаследует комнаты Димитриса, то однажды разделит и его судьбу.

Впрочем, дворец был так богат и роскошен, что даже лакеи жили здесь как короли, — поэтому Ортегиан не испытывал никаких лишений.

Единственное, что он приказал изменить в своих апартаментах — двери и окна, на которые маг Гроциус наложил охранные заклинания.

Трибун хотел, чтобы все выглядело как можно проще, но чародей, не посоветовавшись с ним, заказал тяжелые дубовые створки, на которых резчик изобразил целый лес, полный диких зверей.

Ортегиан мягко попенял чародею и попросил заменить дверь. Но Гроциус неожиданно уперся, говоря, что иначе створки будут выбиваться из общего стиля дворца, а это никуда не годится. Скрепя сердце, Ортегиану пришлось уступить.

Стучать не приходилось — благодаря особому заклинанию, магический страж знал, угоден ли хозяину тот или иной гость. Впрочем, Терранд не мог припомнить случая, чтобы Ортегиан, несмотря на огромную занятость, отказался поговорить с пришедшим — будь то даже последний метельщик из Нижнего Города.

Колдовская дверь раздвинулась перед полу-драконом.

Толстые стебли деревьев, вырезанные мастером на дубовых створках, начали гнуться. Безглазые твари, сидевшие на них, заскользили вниз, к подножию. Несколько оленей пробежали в глубине волшебного леса, стаи птиц с тихими криками вспорхнула в далекое небо.

Створки не разошлись в стороны, но изогнулись, словно то был мягкий бархатный полог шатра. Терранд вошел, застав Трибуна за его обычным занятием, — работой.

Сидя за невысоким столом, Ортегиан быстро что-то писал. Его крошечные ручки вряд ли были пригодны для этого. Темная влага воспаряла из чернильницы усилием воли, крошечными каплями замирала в воздухе и ложилась на пергамент тонкой вязью строк.

Карла поднял лицо, взглянув на гостя с мягкой приветливой улыбкой, — и сложно было поверить, что уродливые черты способны на это выражение.

— Как хорошо, что ты заглянул, Терранд, — произнес он, и горсть темных капель, уже зависшая над пергаментом, вернулась обратно в чернильницу. — Вечер был утомительным, не так ли?

Ортегиан положил руку на плечо гостю.

Полудракон вздрогнул. Он так и не привык к этому. Крошечные ладони Трибуна оставались сложенными на груди, но генерал, стоявший в добрых двадцати шагах от него, — явственно ощутил их прикосновение.

Это было тем более неприятно, что полудракон никогда раньше не чувствовал человеческого касания — толстая крепкая чешуя, покрывавшая каждый клочок его тела, обычно защищала от подобных знаков внимания.

— Столько дел, Терранд, — продолжал карлик, не двигаясь в своем кресле, и в то же время мягко увлекая гостя внутрь комнаты. — Мне говорили, что ты уже подготовил лагерь для ополченцев?

— Это так, сир, — отвечал генерал.

Подобное обращение никак не подходило Трибуну, свободно избранному народом. Оно заставляло вспомнить о недавних временах, когда в Валлардии правили жестокие и своенравные короли.

Терранд знал, что Ортегиан не любит этого слова. Но также ему было известно, что Трибун

никогда и никому не сделает замечания по пустякам, — как и не проститслушания в главном.

Поэтому генерал упорно называл правителя «сир». Отчасти для того, чтобы подчеркнуть свою независимость и немного подразнить карлу — как хочу, так и обращаюсь. Но самое главное, генерал хотел провести четкую границу между собой и правителем, — который со всеми вел себя одинаково, будь то чародей Гроциус или лакей.

Терранд не мог разгадать — правда ли Ортегиан не видит разницы между сановником и смердом. Или подобным обращением карла стремился завоевать друзей в каждом встречном, справедливо полагая, что порой нищий оказывается полезнее короля.

А может, Ортегиан так высоко ценил самого себя, что все вокруг него — и бродяги, и императоры, — казались ему одинаково жалкими?

— Генералы спрашивают, разумно ли устраивать лагерь за городской стеной, — продолжал Трибун своим мягким, негромким голосом.

Терранд улыбнулся.

Он знал, в подобных спорах Ортегиан обычно принимал его сторону.

— Шпионы докладывают, что курсаитская армия пока не движется к нашим границам, — ответил военачальник. — Уверен, они создали

магический полог именно для того, чтобы подготовиться к войне. Мы тоже должны воспользоваться этим преимуществом, сир...

Трибун слегка поморщился.

Полудракон наслаждался этим зрелищем, как глотком хорошего вина.

Он не дорожил фавором Ортегиана — полагая, что лишь гордость и независимость делают честь солдату.

— Армия, которую мы собрали, — ополченцы. Они ничего не умеют. Их нужно тренировать — а в казармах едва места хватает. Маршброски, постройка временных укреплений, форсирование рек — как обучить этому новобранцев в городе? Если не подготовить их к бою, проще сразу убить их и забросать курсаитов трупами.

Лезвие топора, глубоко вошедшее в голову Терранда, сверкнуло в свете камина, — словно кровавое солнце, взошедшее за его спиной.

Трибун улыбнулся.

— Именно это я и сказал генералам...

В первый же момент, как военачальник вошел в его покои, Ортегиан понял — предстоит обсудить нечто неприятное. Поэтому поспешил сразу же подчеркнуть, что они с Террандом — союзники.

Теперь можно было перейти к вопросу, ради которого тот пришел.

— Я хотел поговорить о Конане, сир, — молвил полудракон.

Карла поджал нижнюю губу, отчего клыки стали казаться еще длиннее.

— И правда, непростая ситуация, — согласился он.

— Варвар был другом Фогаррида, — продолжал военачальник. — И остался. Он никогда не поддержит нас. Ему нельзя доверять. Пусть уедет из страны как можно скорее.

Ортегиан кивнул.

Это можно было принять за знак согласия, однако он произнес:

— Подумай, как это будет выглядеть. Конан — народный герой. Победитель тирана Димитриса. Валлардийцы любят его — легко любить человека, о котором почти ничего не знаешь.

Карла слегка приподнялся над своим столом.

— Теперь, когда над страной нависла тень курсаитской угрозы — как можем мы прогнать из дворца Легенду? Нам придется считаться с ним. Уважать его...

— И любить? — усмехнулся полудракон.

— Почему бы и нет, — кивнул карла. — Хотя это не обязательно. В конце концов, Терранд, рукопашный бой насмерть так похож на объятия двух влюбленных...

— Не знаю, надо ли идти к Гроциусу, — пробормотал Конан.

Киммериец стоял перед высоким зеркалом, созданным в форме цветка лилии. Северянин пытался застегнуть на плече парадную мантию, — такую подарили всем гостям перед окончанием торжественного приема.

Конан терпеть не мог подобной одежды, чувствовал себя в ней скованно, к тому же, ему не нравилось, когда кто-то другой указывает ему, как одеваться.

Однако отвергнуть подарок было бы неприлично, к тому же киммериец догадывался, что тот был сделан не только из безмерной щедрости, внезапно охватившей Трибуна.

Дворцовая стража не могла запомнить в лицо всех, кто остановился в гостевых покоях. Парадная мантия служила ненавязчивым пропуском, который подсказывал, что перед тобой — верный друг Валлардии, а не курсаитский шпион.

Трибун проницательно догадался, что для наемников его подарок — знак фавора, которым солдат удачи будет гордиться, как шрамом, полученным в бою с мантикорой. Гости не станут разбрасывать свои мантии где попало, и те вряд ли попадут в чужие руки.

Конечно, небольшой риск оставался, но он был ничтожен по сравнению с выгодой простого и изящного плана.

Ортега не хотел наполнить дворец своей малознакомых людей, каждый из которых может оказаться предателем. Но и вводить строгие меры безопасности не собирался, — это значило оскорбить гордых наемников, а что еще хуже, показать свой страх и тем самым свою слабость.

Трибун нашел легкий, красивый способ одновременно и польстить гостям, и не дать затеяться между ними кому-то чужому.

— Ты знаешь, Корделия, что зеркала здесь волшебные? — спросил Конан, наконец справившись с заколкой. — Их заказал еще прадед Димитриса, последнего короля Валлардии. А может, прапрадед... Не помню.

Он провел рукой по холодной поверхности, похожей на застывшее озеро.

— Если здесь отражается аристократ, он выглядит выше и сильнее. Если плебей — кажется маленьким и слабым. Разница не так велика, чтобы человек мог ее заметить и обвинить зеркало во лжи. Но Какое-то ощущение все же остается...

— Как боль после пощечины, — подсказала Корделия, которая гордилась тем, что умеет поддерживать умный разговор.

— Можно и так сказать, — не стал спорить Конан.

Помимо воли, он залюбовался девушкой. В памяти всплыла старая пословица — шелк соз-

дан для того, чтобы женщина, одетая в него, казалась обнаженной.

Алая ткань стекала по совершенному телу Корделии, оставляя открытой ложбинку между высокими грудями. Черные волосы, похожие на лепестки роз, стекали на плечи, подчеркивая загорелую гладкую кожу.

Накидка заканчивалась чуть выше округлых колен, и слегка колебалась с каждым движением девушки, — словно туман, который вот-вот рассеется, оставив красавицу в первозданной нагоде.

Ноги обхватывали золотые сандалии, с длинными тонкими ремешками, застегнутыми крест-накрест. К правому бедру аквилонка пристегнула длинный кинжал, залитый черной кровью дракона, — единственный вид оружия, которое было разрешено оставить наемникам во дворце.

Девушка перехватила взгляд Конана и улыбнулась.

— Уверена, у Гроциуса ты будешь очень очень скучать, — сказала она. — Поэтому пойду с тобой.

Киммериец хмыкнул.

Возможно, старый колдун пригласил его только из вежливости, и уже забыл об оброненных случайно словах. Однако выбора не оставалось. Оставшись в своих покоях, он рисковал нанести Гроциусу тяжкое оскорбление.

Серьезная ошибка в сложной политической игре, которая всегда ведется у подножия трона.

Когда киммериец вышел в просторный коридор, глаз резануло зрелище людей в одинаковых мантиях.

«Точь-в-точь выводок цыплят», — подумалось Конану.

Мысль о том, что он сам выглядит точно так же, испортила настроение. Словно клеймо на лоб поставили. Плащ, подаренный Трибуном, теперь играл еще одну роль — показывал, что все собравшиеся словно принадлежат хозяину.

Поистине, сложно представить, как много значений может иметь самый простой жест, а тем более такой, как подарок!

В башню чародея вела черная лестница, извивающаяся, словно змея.

Двое солдат стояли у ее подножия, и на их лицах, сквозь натянутую маску спокойствия, проступал страх к тому, кого они должны были охранять.

Они ничего не спросили у киммерийца, и даже не ответили на его приветствие. На краткий миг Конану почудилось, что перед ним не люди, а всего лишь фантомы.

Пройдя мимо стражников, киммериец поставил ногу на первую ступень, и тут же за-

мер. Алая вспышка раскатилась по черному мрамору, горячей волной коснулась стен и утонула в них.

— Что скажете о сегодняшнем приеме?

Голова чародея Гроциуса покачивалась высоко над полом, — именно там, где должна была бы находиться, будь у колдуна тело.

— Скучно, много людей и вино плохое, — отвечала Корделия.

Девушка сидела на широком диване, вытянув на нем одну стройную ногу, и небрежно спустив другую на уложенный коврами пол.

Конан мог бы поклясться Кромом, что чародей задал вопрос ему, а не аквилонке.

— Полностью с тобой согласен, милая Корделия, — отвечал чародей, откровенно любуясь девушкой.

Скажи она, что солнце встает на западе, и состоит из взбитых сливок, — маг и тогда полностью разделит бы ее мнение.

Мужчина становится удивительно податлив и глуповат, при виде красивой полуобнаженной девушки. Конан озабоченно спросил себя — неужели он сам ведет себя точно так же, и был рад поздравить себя с тем, что нет.

— Людская суэта хороша для тех, кто людьми питается, — продолжал чародей. — Знал я

одного мозгожора, — ленточного червя, которые живут в головах людей и постепенно поедают содержимое черепа.

Конан поперхнулся сливой.

— Очень любил ходить на всякие сборища, — невозмутимо рассказывал маг. — Светские там приемы, театр уважал, а вот гладиаторские бои не жаловал, — говорил, туда лишь тупицы ходят, мозги, мол, у них невкусные.

Тут поперхнулась Корделия, поскольку была большой любительницей арены, и часто выступала сама.

— Хороший был червь, — молвил Гроциус. — О философии говорить любил.

Он подлетел к столику, на котором стояли напитки, и тут же один из серебряных бокалов приподнялся ему навстречу. Несколько капель вина упали в рот мага, потом сосуд опустился обратно.

— Жаль, умер. Говорил ему, нельзя нападать на поэтов — отравился, бедолага, стихами.

Оставив своих слушателей в недоумении, — была то правдивая история или салонная шутка, — маг обратился к высокой полке, на которой, среди драконьих черепов и алхимических ступок Конан заметил доску для хорда'тек.

Эта игра чем-то напоминала вэндийские архии, за тем лишь исключением, что в ней участвовало более сотни фигур с каждой стороны.

— Не хотите ли сыграть? — спросил чародей. — Как видите, у меня нет тела; если бы вы знали, сколько внимания человек тратит своим ногам, рукам, даже застежкам на камзоле! Лишившись всего этого, я вдруг понял, что мой разум изнемогает от скуки. Я должен делать несколько дел одновременно, иначе просто засыпаю... Вы знаете правила?

Выучить основы хорда'тек можно было за несколько поворотов клепсидры. Однако требовались зимы тренировок, чтобы научиться хотя бы сносно играть в нее.

— Фогаррид показывал мне, — ответил Конан.

Гроциус уже обернулся к доске, та дрогнула, готовая взмыть с полки и опуститься на стол, — но при упоминании отшельника лицо чародея скривилось, и фигурки для хорда'тек жалобно застучали внутри ларца.

— Фогаррид, — пробормотал колдун. — Да, Конан, твое положение при дворе весьма и весьма... Двусмысленно, я бы сказал. Ты — друг старца, а наш любезный Ортегиан был его непримиримым противником. Значит, сейчас ты в стане врага... Или нет? Уверен, наш карлик, прекрасный лицом и сильный станом, сумеет вывернуться из этого щекотливого положения.

Гроциус хихикнул, явно смакуя гадости, которые говорил о Трибуне за его спиной.

— Готовься, милый Конан, завтра чуть свет Ортегиан позовет тебя к себе и станет прощупывать. Наверняка ему не терпится надеть на тебя ошейник со своим именем, но тут одна заковыка — если предашь Фогаррида, в глазах нового Трибуна тебе невысока цена. Останешься верен старцу — стало быть, ты враг всему дворцу.

Чародей довольно улыбнулся.

— Хотел бы я посмотреть на ваш разговор. Конечно, я могу это сделать с легкостью, — ведь все заклинания, защищающие дворец, созданы мной, и в этих стенах для меня нет секретов. Да вот беда, больно уж уродлив наш карлик, не хочется лишний раз глаза портить. Потому, уж не обессудь, стану просто подслушивать. Вот и милую Корделию приглашу, — стану на нее любоваться.

Гроциус одинаково легко называл «милым» и Конана, и аквилонку, и своего Трибуна. А судя по тому, сколько гадостей он наговорил про Ортегиана, — оставалось только гадать, что маг станет рассказывать о киммерийце и девушке за их спинами.

— Итак, хорда'тек! — провозгласил чародей. — Идеальная забава для тех, у кого нет ни рук, ни ног, ни всего остального...

Он печально вздохнул, и несколько сот фигурок, уже вылетевшие из своего ларца, чуть не грянули об пол.

— Но все к лучшему, — продолжал Гроциус. — К слову, я должен рассказать тебе о случившемся, — вернее, о том, как все это видится из нашего крошечного сосредоточия мерзости, который называют дворцом...

Демоны, черви, фениксы, амазонки — все выточенные из черной и белой кости, — быстро занимали места на шестиугольных клетках.

— Я дам тебе фору в пол-армии, — деловито сообщил маг. — Не стесняйся и не возражай. Для начинающего это вполне нормально.

— Нет, — покачал головой Конан. — Будем на равных.

— Мудрый выбор, — согласился Гроциус. — Если проигрывать, — так потом хоть можно будет сказать, что начинали наравне. Позору меньше.

Он снова хихикнул, и на его подбородок упало несколько капелек слюны. Заметив это, маг стер их легким заклинанием.

— Мы мало общались с тобою в прошлом, — продолжал маг, делая первый ход. — Но насколько я помню, ты мало знаешь о наших богах и нашей истории...

Люди в Хайбории верили в разных небожителей и, честно говоря, Конану никогда не было особенно интересно, чем один бог отличается от другого.

К тому же все мысли киммерийца были прикованы к доске — в отличие от мага, ему было

сложно делать несколько дел одновременно, тем более, он давно не упражнялся в хорда'тек.

— В Валлардии верят во многих богов, — продолжал Гроциус.

Однако, взглянув на сосредоточенное серьезное лицо киммерийца, маг усмехнулся и продолжил.

— Не стану докучать тебе подробным рассказом о том, чем занимается каждый из них и как им всем поклоняются. Главное, что ты должен знать... Нет, этот ход сделать нельзя, видишь сфорса? Он закрывает дорогу молнии... Так вот, главное в нашей религии — Благое предопределение.

Конан играл прескверно.

То подолгу смотрит, смотрит на доску, а потом зевнет фигуру, стоявшую перед самым носом. Тронет демона — окажется, что ход, который он задумал, сделать нельзя, а передвинуть все равно надо — таковы правила.

Много раз Гроциус предлагал Конану переиграть, вернуть феникса или химеру, которых тот проморгал, заслушавшись историей про богов, — но киммериец всякий раз упорно отказывался, и с каждой терцией увязал все глубже.

Будь это *архии*, партия не продлилась бы слишком долго. Но даже и десять десятков фигур рано или поздно должны закончиться, и становилось ясно, что этот миг не за горами.

— Многие верят — все, что посылают нам боги, имеет свой, особый смысл. Если судьба улыбается доброму человеку, говорят — небо наградило его. Когда несчастья обрушиваются на злого, все шепчутся — это наказание. Ты уверен, что не хочешь переиграть? В этом нет ничего зазорного, даже наш Трибун нередко берет свои слова обратно, хе-хе... Ну хорошо. Нет так нет. Как тебе будет угодно.

Еще три фигуры Конана были сняты с доски и оказались в груди, лежащей рядом — довольно большой.

— Если же горе выпадает человеку добродетельному, люди и здесь найдут этому объяснение. Боги испытывают его, говорят они. Но все это пустые слова, столь же ничтожные, как попытка стареющей женщины удержать вытекающую сквозь пальцы молодость...

Конан почти дотронулся до высокого дракона, но в последний момент передумал и подвинул червя. Стоит ли говорить, что и этот ход оказался ошибкой, стоившей киммерийцу шести фигур сразу.

— Наша вера основана совсем на другой идее, — продолжал маг Гроциус. — Мы верим, что каждому из нас великий Радгуль-Йоро дарует судьбу, которая для него является самой лучшей. Заметь...

Колдун с усмешкой взглянул на Конана.

— Речь идет не о самом удачном жребии, какой только возможен в мире. Подобная идея — бред и вымысел. Ведь у всякого из нас свои таланты. Милая Корделия наверняка будет рада мускулисту, богатому и обаятельному ухажеру. Ты же, Конан, вряд ли обрадуешься, если подобный субъект станет посылать тебе гирлянды цветов. Я прав? Нет наилучшей судьбы, которая бы подходила для всех, у каждого она своя, и именно ее посылает нам Радгуль-Йоро.

Его глаза описали круг.

— Нередко человек жалуется на богов. Говорит, что его соседям досталось больше. Хочет обменяться жребием с тем, кого совсем не знает. Но если бы удалось заглянуть в душу тем, кому все завидуют — мы поймем, что и они так же недовольны судьбой... Счастье состоит в том, чтобы понять — оно у нас уже есть. Другого никогда не будет, да и не нужно.

Его глаза изогнулись в тонкую линию, став похожи на царапину, оставленную кинжалом на камне.

— Ты думаешь — это говорит тот, у кого осталась лишь голова. Да, моя участь может показаться весьма плачевной. Я не могу позволить себе ни одно из удовольствий. Женщины? Им я способен служить разве что в роли игрушки для утех, а это вряд ли доставит мне радость.

Колдун помолчал, с сожалением взглянув на девушку.

— Вино? — продолжал Гроциус. — Лишь крошечные капли, которые тут же исчезают на языке. Изысканные кушанья? Да, я все еще чувствую вкус. Но представь, как омерзительно, когда все, пережеванное тобой, тут же вываливается наружу из отрубленной шеи. Я знаю магов, оказавшихся в том же положении, что и я. Многие из них не оказывают себе в пиршествах.

Усилив воли он пододвинул к себе разрезанную наполовину грушу и осторожно лизнул сочную мякоть.

— И правда, наше преимущество в том, что мы можем есть бесконечно, не боясь ни рези в желудке, ни лишнего жира. Но великие боги, как же отвратительно это выглядит со стороны!

Корделия тут же пояснила вслух, как именно, отчего Гроциуса слегка покорило. По его лицу промелькнуло отражение мысли:

«Как же ты прекрасна, милая Корделия, — пока молчишь».

Смахнув это чувство, словно соринку с парадной мантии, чародей продолжал, обращаясь к Конану:

— Человек, не знающий нашей веры, скажет, что боги были ко мне жестоки. Или же я сам заслужил это наказание своими грехами. Но в Валлардии верят — участь, которая мне доста-

лась, самая лучшая для меня. Да, я мог быть обычным человеком, с руками, ногами и...

Он бросил взгляд на Корделию.

— И всем остальным, — поспешно добавил он, не дав возможности девушке пояснить, чем именно. — Но в целом эта судьба оказалась бы для меня несравненно хуже, чем та, что послана богами.

— Иными словами, бог в состоянии создать любой мир, — заметил Конан. — Какой захочет. Но он хочет создать только наилучший мир, поэтому он может создать только один-единственный мир, и на самом деле у него нет выбора.

— А в кого верят курсаиты? — спросила Корделия.

Когда девушка была в Валлардии в прошлый раз, она не очень-то утруждала себя вопросами о местных богах.

— В том-то и дело, моя милая аквилонка, — отвечал чародей. — На другом берегу реки почитают тех же богов, что и мы. И в этом основа нашего противостояния. Как вы оба наверняка знаете...

Корделия не знала.

— При великом короле Оззрике...

Подобно тому, как всех собеседников он называл «милыми», — каждый из тех, о ком заходила речь, удостоивался у Гроциуса титула «великий». Исключение, по всей видимости, состав-

ляли люди, которых чародей знал лично — о них он говорил только гадости.

— Его империя объединяло много стран и народов, в том числе, Валлардию и Курсайю. В то время люди верили в одних и тех же богов. Так продолжается и сейчас — но наши соседи смотрят на жизнь и судьбу совсем по-другому.

— Не хотят радоваться божественным оплеухам? — спросила девушка.

Гроциус строго взглянул на нее.

— Негоже говорить так о Радгуль-Йоро, — произнес он, про себя, без сомнения, желая, чтобы великий бог прямо сейчас отвесил Корделии парочку. — Курсаиты верят, что боги мало чем отличаются от нас. Они бессмертны, почти всеильны — но так же подвержены злу и порокам. День и ночь предаются похоти и разврату, хитрят и обманывают друг друга, чтобы захватить больше власти. И точно так же должны поступать люди.

— Нравятся мне эти ребята, — пробормотала Корделия.

— Курсаиты доходят до того, что прославляют мошенников, которым — якобы! — удалось обмануть богов. То, что для нас — священные тексты, у них превращается в глупые сказки, что на потеху толпе зудит странствующий бард. Эти люди смеются над великим Радгуль-Йоро, передавая из уст в уста историю о том, как один

хитрый кожевник, по имени Петракл, заставил небожителя отдать ему в жены свою дочь Дандару, а потом еще украл у громовержца сапоги молний, в которых плясал на свадьбе.

Конан нахмурился.

— Теперь я понял, почему не было траура, — сказал он.

— Наши враги смеются над нами, — голова Гроциуса качнулась в воздухе, словно он пожал плечами. — Ведь если наша религия истинна, значит, все те, кто умер под обломками, — обрели свою истинную, самую лучшую судьбу. Мы даже не можем оплакать их... Все, что нам остается — это призыв к отмщению.

По лицу Конана пробежала тень, но он не стал спорить.

— Теперь вы видите, как коварны курсаиты, — продолжал Гроциус. — Для того, чтобы бороться с ними, физической силы мало...

Он с усмешкой взглянул на Конана.

Партия подходила к концу, и беседа тоже. Киммериец понял, что скоро из «милого» собеседника превратился для Гроциуса в новую тему для злословия, — стоит только покинуть комнату мага.

— Нужен еще разум, а это совсем другое...

— Ты прав, — подтвердил Конан.

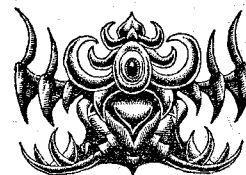
Он сделал последний ход, и костяные фигурки на доске вспыхнули и задвигались. Лазоревое

свечение поднялось над столом, и воинство Гроциуса, до последней пешки, с жалобным стуком скатилось прочь. Над князем киммерийца поднялся золотой луч, означавший победу.

— Готово, — сказал Конан.

Он встал, коротко поклонился и направился к выходу. Гроциус в растерянности смотрел ему вслед, не в силах понять, в какой момент проиграл.

Глава 11

Ядовитая кровь

онану не спалось.

День, проведенный в обществе Немедия и других сановников, был слишком утомительным. Хотелось прогуляться, вдохнуть полной грудью пряный ночной воздух, посмотреть на далекие звезды.

Выйдя из своих покоев, киммериец увидел человека, который как раз собирался постучать к нему.

Светлые курчавые волосы топорщились на затылке незнакомца, небрежными локонами спускались на плечи. Хозяину непокорной шевелюры удалось пригладить волосы только над лбом и висках — видно, при помощи ароматического масла.

Человек был молод, светлый пушок появился на щеках и подбородке. Куртка темно-рыжего цвета и такие же штаны выглядели поношенными, но крепкими. На поясе болтался малень-

кий кинжал, годный лишь для отважной битвы с крысами. Им, подумал северянин, и хорошего куска мяса за обедом не отрежешь.

— Эй, киммериец, — громким шепотом позвал юноша, — подойди ко мне, у меня для тебя есть сообщение.

Меньше всего Конану хотелось снова с кем-то общаться.

— Вот как? — спросил северянин.

Похоже, незнакомец обиделся.

— Я что, — забормотал он, — хотел старой женщине помочь. Мне вообще во всей истории нет никакого интереса.

Конан подошел ближе.

— Вот, просила передать, — с этими словами юноша протянул киммерийцу одну из золотых монет, которые тот оставил старухе в трактире. — Стражники ее поймали с деньгами, а их у нее отродясь не водилось. Обвинили в воровстве, утром повесят. Она меня как бы вроде знает, увидела и просила разыскать тебя. Если подтвердишь ее слова, глядишь, и помилуют.

— Ладно, пошли скорее, — вздохнул киммериец.

«Интересно, как побирушка оказалась в Валлардии?» — подумалось ему.

— Пойдем тайным ходом, так быстрее. И не хочу я, чтобы меня видели в компании чужака. Ты хоть и помогаешь нам, а все ж существо низ-

менное, — не валлардиец, а так, наемник. Иди за мной.

Парень подошел к стене и открыл потайную дверь. Оттуда пахло сыростью и каким-то странным неуловимым запахом, который киммериец никак не мог распознать.

Они очутились в неярко освещенном коридоре. Небольшие факелы крепились вдоль стен. Плесень украшала пол и потолок.

Юноша шел быстро, он хорошо знал все развилки.

— Так короче, — бросил он Конану, хотя тот ни о чем не спрашивал. — Вот, через двор перейдем, и окажемся в подземной тюрьме, где держат воров и разбойников.

Провожатый подошел к смутно видневшейся на фоне стены узкой дверке и с сомнением поглядел на крупную фигуру киммерийца.

— Не узковат ли ход? — пробормотал он себе под нос. — Здоровый ты, однако. Голову наклони, низко здесь очень.

Он отпер дверь. Конан подошел к открывшемуся выходу, нагнулся и стал протискиваться сквозь узкий лаз.

Внезапно дверной проем расширился. Парень из всей силы ударил киммерийца в спину. Тот вылетел внутрь. Тут же дверь за ним захлопнулась, и он остался один в странном незнакомом месте.

Казалось, совсем недалеко находится река или болото. Конан оглянулся. Позади него темнела сплошная каменная стена. Возможно, при дневном свете и удалось бы разглядеть потайную дверь, но не сейчас.

«Место негодяй выбрал опасное, в темноте поди разбери, где тропа, а где топь. Сидеть здесь и дожидаться утра просто глупо, — размышлял Конан. — Уж наверное, кто-то сейчас заявится, чтобы убить меня. Найти бы палку, тогда вернее можно будет определять дорогу».

Стало свежо, назойливые комары и мошкара лезли в глаза, садились на лицо. Громко заквакали лягушки, потом наступила тишина. Из трясины вышел газовый пузырь, лопнувший на поверхности, и жабий хор залился с удвоенной силой.

Вдали показались неверные огоньки, что быстро перемещались с места на место, давая призрачную надежду заплутавшему путнику. Высокая сухая осока шумела при каждом дуновении ветерка. Ветер разогнал облака, и луна осветила болото.

Послышались легкие шаги. Человек шел быстро и уверенно, словно под его ногами была ровная дорога, а не коварная зыбь.

Киммериец напрасно вглядывался в темную фигуру. Укутанный в плащ, с низко опущен-

ным капюшоном, почти полностью закрывающим его лицо, человек был неузнаваем.

— Кто ты? — спросил киммериец. — Что тебе нужно?

Незнакомец стал медленно поворачиваться, снимая капюшон. Конан замер, глядя на черное безжизненное лицо, на котором горели красные без век и зрачков глаза. Рот монстра разинулся в страшном вопле, рвущем барабанные перепонки.

Низко летя над землей, существо устремилось к Конану. Тварь вырвала из своей груди кусок темно-коричневой гниющей плоти. Кровь, хлынувшая из раны, брызнула на лицо киммерийца.

Он почувствовал, как алая жидкость стала разъедать кожу. В глазах помутилось. Северянин вытащил меч и принялся рубить им, в тщетной надежде, что хотя бы заденет врага.

Ядовитая кровь мешала смотреть. Конан с трудом мог уследить за быстрыми танцующими движениями неприятеля. Но ему удалось заметить, что тот движется быстрее, когда хотя бы одной ногой стоит на болотной воде.

Телом киммерийца овладевала странная медлительность. Сказывалось действие отравленной крови, прожигающей кожу и попадавшей в тело. Еще немного, и силы покинут его.

Злость придала северянину сил.

Не обращая внимания на брызжущую во все стороны ядовитую кровь, он подскочил к человеку в плаще, схватил в охапку и рывком отбросил прочь, к стене, на холодные камни.

Конан сразу ощутил, что поток ядовитых капель ослаб, а потом иссяк вовсе. Киммериец присел на землю, вытирая лицо и руки от кровавых брызг.

Жжение прекратилось, и северянин почувствовал себя немного лучше.

— Никак, победу празднуешь, Болотного человека победил, — услышал он чей-то голос. — А что ж про старуху-то позабыл? Не пришел ей на помощь, бедняжку-то и повесили.

Киммериец поднял голову и увидел чуть поодаль фигуру своего провожатого, который с невольным восхищением смотрел на усталого, покрытого ранами воина, и кучу мокрого тряпья, что некогда была хитрым и жестоким болотником, погубившим на своем веку немало невинных людей.

Конан шагнул к незнакомцу, но в тот же момент холодные камни разошлись под его ногами, как раскрываются ворота крепости. Северянин ушел в топь сначала по пояс, потом по самые плечи.

— А казался таким умным, могучим, — слышался издевательский голос. — Сдохни, грязный варвар.

Еще только он складывал гибкие пальца в кулак, в который для надежности вложил кусок тяжелого драконового металла, как подобно камню, выпущенному из пращи, из трясины вылетела рука Конана.

Он ухватился за противника, увлекая в топь, оперся на его тело, напряг силы и выполз на сухую землю. Тщедушную фигуру с глухим бульканьем поглотила трясина. Он даже не сопротивлялся. Видно, Конан, когда переползал через него, сломал ему шею или позвоночник.

Вконец обессилевший, киммериец подполз к стене и прислонился к ней. Лунный свет упал ему на лицо.

«Если ты такая всемогущая, Эзерия, вели своей серебряной жабе перенести меня на кровать в мои покои», — пробормотал киммериец, впадая в забытие.

Он проснулся утром, полный сил, без единой царапины. Разорванная ночью мантия лежала целой на скамье рядом с кроватью. Меч, который покрывали следы ржавчины от ядовитой крови болотника, сверкал на солнце.

На столе Конан увидел большое блюдо с фруктами и сладями. Большая серебряная жаба замерла с куском сладкой дыни, который она уже наполовину объела. Встретившись взглядом с киммерийцем, она недовольно заквакала, тяжело прыгнула со стола и исчезла.

Конан никому не рассказывал об этом происшествии, так как и сам не был до конца уверен, действительно ли видел серебряную жабу, посланницу богини Эзерии, или она ему причудилась.

Но в чем он мог поклясться, так это в том, что фрукты на подносе были объедены и обмусолены кем-то весьма неопрятным.

Глава 12

Магический барьер

В покоях Трибуна не было ни одного зеркала. — Знаю, ты ожидал встретить другого человека, — произнес правитель, мягко приглашая своего гостя сесть.

Конана передернуло от мягкого внезапного прикосновения, когда невидимая рука коснулась его плеча.

— Боюсь, ты видишь во мне лишь узурпатора. Мерзкого уродливого карлика, который присвоил победу великого Фогаррида и воцарился там, где должен был править отшельник... Я прав?

Подобные мысли напрашивались.

Однако они были несправедливы. Фогаррид больше всего мечтал о том, что Валлардия станет свободной республикой, и должен был понимать, — выбор народа может оказаться не в его пользу.

И уж тем более, нельзя осуждать Ортегиана за его внешность, — ибо мы получаем ее от богов, и почти над нею не властны.

— Таково было решение народа, — осторожно отвечал киммериец.

Конану не понравилось, что правитель заставил его чувствовать себя виноватым. Да, Ортегиан явно умел играть чувствами людей, словно умелый музыкант на арфе, — не удивительно, что ему удалось стать Трибуном.

Правитель тихо кивнул.

— Рад, что ты это понимаешь, — сказал он. — По-твоему, народ ошибся?

Конан посмотрел в распахнутый глаз Ортегиана.

— Боюсь, что да, — отвечал он.

Крохотные ручки карлика, похожие на младенческие, сошлись на груди.

— Мне приятно, что и здесь мы с тобой сходимся, Конан, — произнес он.

Киммериец приподнял одну бровь.

— По-твоему, Фогаррид был бы лучшим правителем, чем ты?

Трибун медленно опустился в кресло.

— Конечно, — тихо ответил он.

— Тогда почему ты сам пошел на выборы?

Карла печально улыбнулся.

— Мало кто может это понять, — произнес он. — Но, уверен, что ты поймешь.

Конан нахмурился.

Он привык смотреть в лицо и смерти, и неизвестности. Но в этот момент ему почудилось, что острый глаз Трибуна вывернул его наизнанку и увидел все, что киммериец бережно хранил в душе.

Люди обычно видели в нем лишь высокого, мускулистого варвара, и не могли допустить мысли, что природа, так щедро оделившая этого человека силой, — могла подарить ему хоть капельку ума.

Нет, им казалось, будто перед ними всего лишь дикарь, тупая груда мускулов, которую и в повозку-то запрячь нельзя, ибо по скудоумию обязательно свалится в канаву.

Наверное, только самые близкие друзья знали настоящего Конана — умного, проницательного, хорошо знающего людей.

В юности он не зря считался лучшим вором Шадизара — а в этом ремесле нельзя преуспеть с помощью грубой силы. Здесь нужны ум, хитрость и самые разные навыки — от умения вскрыть сложный замок до знания зодчества и мебельного ремесла, ибо как иначе найти тайники с сокровищами.

Конан также хорошо разбирался в искусстве, истории и драгоценных камнях — грош цена вору, который не знает стоимости украденного. Иными словами, за внешностью варвара скры-

вался целый свод таких знаний о Хайбории, о которых даже мечтать не мог иной мудрец-книжник.

И все же для прохожих на улице киммериец оставался всего лишь неотесанной дубиной, который и штаны-то надел не наизнанку по чистой случайности.

То, что Ортегиан вдруг увидел Конана настоящего, не понравилось киммерийцу и настояжало его. Он давно привык к надежному щиту, которым для него служила внешность.

— Ты спрашиваешь себя, почему я так высоко оценил тебя, — продолжал Трибун, и вновь Конана охватило неприятное чувство, что собеседник читает его мысли. — Ведь мы видим друг друга впервые... Тот, вчерашний вечер, когда я выскакивал, как демон из преисподней Зандры, на потеху гостям, — конечно, не в счет...

— Твое мнение для меня лестно, — отвечал Конан.

— ...Однако ни капли лести в нем нет, — подхватил Ортегиан. — Видишь ли, ты варвар. А оценить ум варвара можно по тому, как он относится к цивилизации.

Киммерийцу стало интересно.

— Мы, дети городов, получаем от рождения два драгоценных дара, — пояснил Трибун. — Это цивилизация и культура. Первое — наши

арены для гладиаторских боев, могущественная магия, дороги, система водопровода, иными словами все, что делает нашу жизнь лучше...

Он улыбнулся, предлагая киммерийцу продолжить.

— А культура — то, что совершенствует не нашу жизнь, а нашу душу? — подсказал Конан.

— Ты прав. Когда варвар сталкивается с цивилизацией — она его уничтожает. Этот плод слишком сладок, чтобы от него отказаться, но он губителен для тех, чья — как ты выразился, «душа», — недостаточно крепка...

Серебряный колокольчик зазвонил над столом Трибуна.

— Остался от моего предшественника, — пояснил тот, нисмало не смутившись. — Мне предлагали убрать эту безделушку, вроде бы правилу не пристало иметь подобное в своей комнате. Но я нашел ее чрезвычайно удобной...

Ортегиан развел руками.

— Боюсь, нам придется прерваться. Тебя уже с нетерпением ждет Гроциус. А наш разговор мы сможем продолжить в другое время...

— Значит, Ортегиан все-таки уговорил тебя остаться с нами, — заметил чародей.

Он говорил так, словно Конана пригласили в летний день прокататься верхом.

Корделия, только зашла в покои волшебника, снова раскинулась на диване, — словно позировала придворному живописцу.

Девушка как-то рассказывала киммерийцу, что однажды ее пригласили для этой цели в замок правителя Офира. К несчастью, всякий раз, когда аквилонка скидывала одежду, у нее и художника находилось гораздо более интересное занятие.

Корделия рассказывала об этом, естественно, намеками, по-девичьи смущаясь и краснея, — ибо в каждой женщине мирно уживаются два вроде бы противоречивых стремления, слыть целомудренной и быть порочной. Конан понимал ее недомолвки только через раз, поэтому так и не смог понять — с кем в конце концов застала девушка своего избранника, с рабыней нобилия или же с ним самим.

Спросить киммериец так и не решился. Она была уверена, что в ее истории все совершенно понятно.

Так и случилось, что ценители искусства остались без портрета, а сам художник — или без головы, или без другой, не менее важной части тела. Конан этого тоже не понял, но на этот раз потому, что к концу рассказа задремал.

В любом случае, в тот раз в Офире Корделия научилась принимать самые красочные позы — то на усыпанном подушками ложе, то на ковре,

то на шкуре дикого зверя, — и не упускала случая блеснуть этим талантом.

Конан еще не встречал мужчину, который оказался бы против.

Маг, хотя гости не успели пробыть у него и пары терций, уже успел предложить аквилонке изысканного вина, разлить его по бокалам — про Конана он впопыхах забыл, — и подать девушке кусочек сладкой фуйаджеры, сообщив, что этот фрукт очень полезен для сердца, в котором, как известно, сосредоточены мыслительные способности человека.

Корделия отведала фуйаджеры, поблагодарила — при этом переврала название плода в четырех местах, превратив его в совершенно непечатное слово, — и томно переложила стройные ноги, что делала всегда, если на нее смотрели ценители прекрасного.

Киммериец напомнил Гроциусу.

— Ты хотел поговорить с нами о курсаитах?

— И правда, Конан, — отвечал Гроциус. — Знали бы вы, оба, как я рад, что вы теперь с нами.

Естественно, он забыл, что уже это говорил.

Конан мог бы поклясться, что в разговоре с другими людьми чародей не раз пожалуется на то, что ему навязали глупого варвара, который даже своего имени написать не сможет, если в нем больше одной буквы.

— Ортегиан хотел назначить тебя военным советником, — продолжал Гроциус. — В честь твоих былых заслуг и потому, что народ тебя, любит... В Валлардии это еще никому удачи не приносило.

Он ядовито хихикнул, явно намекая на то, что и Ортегиана скоро постигнет та же судьба, что и недавнего любимца толпы — Фогаррида.

— Да вот сразу стало понятно, что Терранду это не по душе. Наш военачальник, отважный, но очень не любит, когда кто-то трогает его маршалский жезл. Странненький предрассудок, не так ли? Вот и пришлось Трибуну пойти на попятный. А жаль, — армия у нас теперь из одних ополченцев, а им было б лучше, вести их в бой человек, а не какой-то чешуйчатый...

Корделия слушала невнимательно, ее совершенно не интересовал рассказ мага.

— Вот почему Ортегиан попросил тебя помочь мне. — продолжал маг. — Валлардийская армия давно бы уже перешла границу Курсаи.

Эти слова показались ему чересчур резкими, и маг поспешил смягчить их.

— Разрушенный Храм считался самым безопасным местом во всей Валлардии. Его охраняли сами боги. Если вражеские шпионы смогли пробраться туда и уничтожить нашу святыню — что они сделают потом? Сегодня никто не чувствует себя в безопасности. Мы должны

положить конец курсаитской угрозе раз и навсегда...

Конану показалось, что точно такие же слова он уже слышал. От кого? От Трибуна? Немедия? Да и есть ли разница.

— Но перейти в наступление не удалось? — предположил Конан.

— Это так. В тот же день, когда обрушился храм, мы начали получать странные сообщения с границы. Будь это одно, две, даже три послания — вряд ли кто-нибудь поверил бы подобным докладам. Даже такой наивный молодой человек, как наш общий друг Немедий...

Чародей вновь сухо засмеялся.

— Но вести приходили от всех форпостов. Каждый из командиров рассказывал о случившемся своими словами. Одни видели в этом знак богов, — некоторые даже расценили его как добрый, и только потом, узнав об обрушении Храма, поняли свою ошибку. Другие считали, что пробудились речные демоны, которых Радгуль-Йоро погрузил в сон несколько тысяч зим назад. Да, предположений и догадок в те дни было очень много! И лишь немногие поняли — за таинственными событиями на границе стоят некроманты курсаитов...

Чародей прокашлялся.

— Над границей начал подниматься странный туман. Заметьте, тогда мы еще не знали,

что в обрушении Храма повинны курсаитские лазутчики. Потом все фрагменты головоломки сложились вместе. Многие думали, что с помощью этого занавеса наши враги пытаются что-то спрятать, возможно, приближение своих войск. Однако барьер так и остался прозрачным; но в то же время, с каждым днем он становился все плотнее, пока однажды наши дозорные не сообщили, что сквозь него невозможно проникнуть.

— Какую магию использовали те, кто его создал? — спросил Конан.

Он сидел, полузакрыв глаза, и внимательно слушал.

Лицо чародея помрачнело, — словно кто-то бросил горсть песка в речное отражение.

— Я так и не смог этого определить, — сказал Гроциус. — Я много раз допрашивал пограничников, и мне известно, что Терранд с Трибуном за моей спиной делали то же самое. Курсаитские маги должны были подойти очень близко к нашим форпостам, чтобы возвести этот барьер.

Мне казалось, если я узнаю, какие ритуалы они проводили, — это позволит мне узнать природу магического занавеса и разрушить его. Да что там обряды — хватило бы простого намека, упоминания о том, что какой-то солдат видел вспышку над лесом, или из земли вдруг начали

выбираться змеи — но нет! Вдоль границы с Курсаей стоят шестнадцать форпостов, но ни один, ни один человек так ничего и не заметил. Курсаиты действовали очень осторожно...

Впрочем, стоит ли удивляться, если вспомнить, что им удалось проникнуть даже в Храм...

Глава 13

Отшельник

Наемники покинули Уединенные Дворцы и спустились в лагерь. Конан, едва отделавшись от навязчивых слуг, наперебой старавшихся угодить гостю самого Трибуна, решил заняться главным делом, ради которого, собственно, и явился в Валлардию. Он слишком давно не видел своего старого друга Фогаррида, свергшего Димитриса и не сумевшего воспользоваться плодами своей победы.

Первым делом, очутившись на новом месте, Конан изучал возможности отступления, если к такому придется прибегнуть, и потому легко отыскал боковую галерею, выходившую к узкой, неудобной и потому редко используемой лестнице. Она выводила к той части пятого, Жреческого уровня, где обитали почти на заворках, перед солдатскими постами на краю террасы, простые маги для простых людей.

Они могли истолковать сон, сделав предсказание ближайшего будущего, заговорить кровь, прочитать знаки на сожженных панцирях черепах и свернутых стеблях тысячелистника, не имея сил для вызова духов и уж тем более распорядиться ими.

На эту окраину выходили безглазые задние стены огромных дворцов настоящих колдунов, известных магов, повелителей стихий, тех, с кем говорят сами боги. Здесь, между причудливо настроенными домишками, деревянными, глиняными, склеенными из обломков гранита, вились только протоптанные тропы да толпились кучками возле дверей желающие узнать или изменить судьбу.

Почти круглый толстяк с детскими ручками и ножками, лицом цвета подгнивающего персика расхваливал покупателям духов ворот — деревянные фигурки в виде черных драконов со скрещенными мечами из блестящей бронзы. Достаточно было прибить их к дверным створкам, как зловредные духи в ужасе убегали от дома предусмотрительного хозяина.

Схватив особо крупного дракона угрожающего вида, он сунулся было к Конану, но сразу остановился, поняв, что у того едва ли есть постоянное место, которое следовало охранять.

— Наемник, — бормотнул он под нос, расстроенный потерей умения узнавать покупателя

ля и теми усилиями, что пришлось потратить, покинув насиженное место.

Северянин только усмехнулся, переступив через узкую сточную канаву, достаточно чистую — на верхних уровнях особые служители баграми и специальными толстыми шестами с перекрестьями на конце, к которым привешивались на коротких цепях пять — восемь крючьев прочищали рвы, вылавливая нередко не только утопленных котят, но и новорожденных детей.

Всем было известно, что последних использовали в черных магических ритуалах, а потому уборщики, зацепив крошечное тельце, торопились сжечь его в специальных печах, установленных в глубокой пещере, где соединялась вся система стоков.

Каждый при этом сжимал в руке серебряный амулет Ордины, чтобы чары грозного колдовства, пропитавшие младенца, не перешли на него. Сам этот факт был свидетельством небрежности мага, караемой законом, однако никто не осмеливался обсуждать находку, а тем более устанавливать нарушителя — могучего и не прощающего черного колдуна.

Внезапный и сильный порыв горячего ветра поднял с подноса торговца тончайшие, прозрачные и в то же время необычайно крепкие пластинки листьев огненного дерева. В поднятом

пыльном вихре заплясали вырезанные фигурки мужчин и женщин — полных, что свидетельствовало о достатке, мускулистых, с длинными густыми волосами и широченной улыбкой на лице.

По желанию купившего маг произносил заклинание и ожившая душа фигурки вселялась в человека, принося тому удачу и благоденствие. Тайно торговали и другими — черными, тощими, скрюченными, безглазыми, безрукими и с другими уродствами. Их покупали те, кто желал расправиться со своими недругами, соблюдая при этом тайну, опасаясь мести со стороны внезапно заболевшего человека и его родственников.

Славная девушка в длинной голубой накидке, выцветшей и истончившейся от долгой носки, робко предлагала прозрачные, плоские синие раковины, тогда как сам маг-старик с золотистыми глазами, вытиравший все время набегавшую произвольную слезу, дребезжащим голосом предостерегал, что скоро наступят опасные дни.

Конан вспомнил, что пришло время для трех дней в зиму, когда на ночном светиле отчетливо можно будет увидеть очертания трехлапой жабы. Тогда открываются двери подземного царства, и духи предков, родственников, всех людей, о которых забыли, выходят на сво-

боду. Голодные, озлобленные, возненавидевшие оставленный мир, они ищут себе жертвы в течение трех дней.

Никто не может быть уверен, что в один из этих дней дух не вселится в тело приглянувшегося человека, изгнав его душу. Иногда он ведет себя так, что никто не замечает подмены, нередко же человек меняется и понять причину этого может только опытный колдун.

Раковины же речного моллюска старус, надетые на шею, считались верным средством против такой замены. Конан выбрал две на серебряных цепочках, обе густо синие сверху, светлеющие по мере приближения к ребристому белоснежному краю, похожие на морскую волну, на миг застывшую после удара о скалу. Он положил в длинную ладошку две монетки, и улыбнулся девушке, бледные щеки которой внезапно порозовели, и тут же забыв о ней, отправился дальше.

Она же, не обращая внимания на покупатель, смотрела вслед необычному, не по здешнему красивому мужчине, как будто ожидая, что он поманит ее за собой, в те дальние страны, которые он наверняка видел не раз, а она ими не полюбуется никогда.

Киммериец миновал четвертый уровень с роскошными домами знати, тихими в это утрен-

нее время. Затем прошел третий, где армейские занимались своими делами.

Сейчас улицы были тихими и безлюдными, если не считать бесшумного скольжения прислуги, уже возвращавшейся с рынка, нагруженной корзинами с фруктами, съедобными улитками величиной с ладонь, которых следовало остерегаться из-за ядовитости единственного шилоподобного зуба, свежей рыбой, все пытающейся в тенетах плетеных корзин отыскать путь домой, к воде.

Ветви высокого колючего кустарника с мелкими душистыми цветами сплелись над тропой, спасая от солнца и давая приют множеству странных тварей с длинными складчатыми телами, шестью темными непрозрачными крыльями, на концах которых располагались выпуклые зеленые глаза, и такими тонкими лапками, висящими, как волосы, что от легчайшего движения воздуха они путались между собой в невесомый серый жгут.

Конан не знал их названия и поначалу слегка опасался длинных хоботков, свернутых трубочкой.

Но они были так пугливы, разлетаясь при его приближении с тонкими щебетом, смешно пряча тельца за белыми цветами, одновременно выставляя крылья с перепуганными глазами, что северянин лишь забавлялся, наблюдая их

неловкие попытки слиться с шуршащими стенами туннеля.

Конан понимал, почему дорогой этой никто не пользовался — ступени то и дело исчезали, под ногами осыпалась смешанная масса песка, камней и сухой глины. Местами дорожка становилась опасной из-за крайней крутизны.

Киммериец глубоко вдавливал каблуки сапог в оползень, иногда с шипением боли хватался руками за колючий кустарник. Но продолжал идти этим, самым коротким путем.

Никто во дворце не высказывал недовольства Фогарридом или пожелания, чтобы гость воздержался от встречи с ним. Однако Конан считал благоразумным как можно меньше людей посвящать в свои планы, стараясь пройти к старому другу незамеченным.

Громкие команды, приглушенный стук копий о деревянные мишени, пение летящих стрел, лязганье мечей — все звуки боевого лагеря третьего уровня оставались справа.

Лишь на короткое время Конан вышел из туннеля на узком краю террасы, врастающей в гору, сливаясь с ней, и тут же вновь скрылся в зеленом прикрытии.

Солдаты охранного поста, расположенного на конце каменного крыла, были заняты наблюдением за подступами к городу. Лишь один из них обратил внимание на Конана, но не остано-

вил его. Все знали, что он вхож к Трибуну, а может быть и личный гость главнокомандующего.

Во втором городе, прежде чем вернуться на тропу, следовало обойти несколько нескладных строений, загораживающих дорогу. Нежно звучала семиструнная цитра царин, звонко отбивал такт бронзовый молоточек равиоса.

Невидимый музыкант ударял по шестнадцати бронзовым прямоугольным пластинкам разной толщины, двойным рядом расположенным на высокой подставке. Слышалось хлопанье ладоней и одобрительные выкрики мужских голосов.

Завернув за ближайший дом, Конан невольно остановился, привлеченный красочным зрелищем. На пороге дома, в плетеном кресле сидела нарумяненная и набеленная матрона, обмахивавшая лицо веером из белых перьев.

На маленькой площади танцевала девушка в полупрозрачных шальварах, приспущенных на бедрах и коротенькой облегающей рубашке. Босые ступни с черными крашеными ногтями мягко касались пыльного утопанного клочка земли, тонкие щиколотки охватывали медные извивающиеся змеи, плоские головки которых с высунутыми жалами то скрывались под сборками стянутых тесемками внизу штанин, то вновь появлялись, поблескивая зелеными камнями глаз.

Исчезновения гадюк были настолько естественными, что распаленным солдатам представлялось, как они извиваются под тонкой тканью, стараясь заползти повыше. Раздавались весьма вольные комментарии, на которые пляшущая не обращала внимания, отдавшись сладострастному танцу, почти не двигаясь с места.

Смуглые бедра колыхались, демонстрируя плавный переход к тонкой талии, нежный живот, покрытый алой татуировкой.

Тонкие руки, затянутые браслетами, изгибались так, что казалось, они сами превратились в змей, подобных тем, что прильнули к щиколоткам.

Красивое лицо было слегка запрокинуто и четыре толстые косы тяжело свисали к земле, вздрагивая и оплетая друг друга. Струны цитры трогал нежными пальцами золотоволосый мальчик, толстый бело-розовый евнух выводил мелодию бронзовых пластинок.

В окружающей толпе виднелись солдаты, отпущенные с дежурства. Горожане, в зависимости от характера и общественного положения искренне веселились или делали вид, что лишь приостановились на миг, спеша по своим делам, далеким от разнузданных увеселений.

Иногда кое-кто шмыгал за спину хозяйки, солдаты заходили группками, со смехом, подталкивая друг друга локтями. Выходили неви-

димо, из второй двери, дабы не смутить особо чувствительных отцов семейств.

Конану нравилась девушка и ее танец, вместе с которым она отстранялась от толпы, грубой и неизбежной действительности, оставаясь в том мире, который создала для себя. Северянин понял, что она была слишком прекрасна и слишком много людей привлекала содержательнице притона, чтобы та посмела удовлетворить многочисленные просьбы мужчин о встрече.

Танцовщица была свободна и сама выбирала тех, кого одаривала мгновением своей любви. Он посетовал на то, что слишком задержался, высмотрел новый поворот к тропе и вскоре почувствовал зловоние и опасный, угрожающий, скандальный шум Нижнего города.

Странные фигуры мелькали между жалкими хижинами, смешав день и ночь, и оглядываясь через плечо так же настороженно, как будто полночная мгла и безжалостный преследователь дышали в затылок.

Обнаженные торсы со следами ножевых ранений, рваными зажившими бороздами чьих-то когтей, человеческих, звериных или от особой плетки с крючьями на конце, мелькали среди грязных рубаш, рваных туник, шкур, наброшенных на плечи и завязанных толстыми веревками у горла и вокруг пояса.

Они подавали знаки, понятные лишь друг

другу, о чем-то сговаривались, так же злобно поглядывая на приближающихся посторонних, как два объединившихся против всех падальщика, занятых трапезой.

Из покосившейся глиняной харчевни доносился запах, едва ли лучший, чем от расположенного поблизости кладбища. Конан невольно задумался о составе блюд, изготавливаемых расторопным здоровяком хозяином, привычно сменившим между грубыми столами, видными в распахнутые двери.

Вместо ноги, потерянной в неведомом бою, поверх штанины была прикручена деревяшка, сработанная не искусным мастером, заменявшим неумение старанием. Стянутая железными скобами, расширяющаяся кверху опора явно была сделана на века.

Женщины с ведрами, набирающие воду в нечистом бассейне, ходили здесь свободно — они были своими и по установившейся незыблемой традиции не подвергались опасности, даже если были женами и дочерьми самых жалких мастеровых, ничего общего с преступным миром не имевшими.

Нечистоты непринужденно выплескивались за двери хижин, собираясь и застаиваясь в подобию канав, которые со временем обвалились, превратившись в смрадные болота.

Конан поторопился выйти из города, следуя

тем же путем, что и ведомые Сагурном ополченцы. На плато поискал глазами отряд Корделии, но не увидев девушку, стал забирать влево, обходя пылающую Золотую гору.

Отшельник жил за нею. Его обиталищем стала Змеиная гора, высокая, но не слишком крутая, обильно поросшая тисовым лесом, плетущимся кустарником сориатио, нижние тяжелые ветви которого, увешанные плодами опускались до земли, создавая прохладные убежища для жителей змеиного царства.

Такое соседство было весьма удобно для отшельника, отпугивая праздных посетителей. Тех же, кто шел за делом, был гостем, змеи, страшные на вид, неизвестных пород, не пугали — они не были ядовиты, о чем знали немногие, сохраняя тайну не только по просьбе Фогаррида, но и для собственного удобства — для многих посетителей были нежелательны лишние встречи.

Ступая с камня на камень легко, ощущая собственную силу и ловкость, наслаждаясь прохладой полутемного леса, Конан быстро достиг плоской вершины.

К ней со стороны, противоположной лесу, примыкала, возвышаясь над ней, череда горных отрогов. Видны были только ближние, да и то не полностью, вершины терялись в белом пухлом месиве не то облаков, не то плотного тумана.

Киммериец испытывал растущее нетерпение, желая увидеть старика, услышать наконец его собственное мнение относительно событий в стране, отстранивших бывшего вождя от власти.

Воин на мгновение задержался у кромки леса, почти скрытый кустарником, наблюдая за Фогарридом, сидевшим на камне перед маленькой площадкой, засыпанной песком.

Тонкой палочкой, к которой была прикреплена другая, плоская, он выровнял песок и, закрыв глаза, бросил горсть разноцветных камешков.

Подняв веки, он оглядел сложившуюся фигуру, соединив чертой каждый камень. Развернув лежавший возле свиток, он внимательно сравнил свой узор с нарисованным там и довольно покачал головой, подбирая камни и выравнивая площадку.

Длинные белые, отдающие желтизной старости волосы отшельника свесились вперед, открывая тощую шею, под натянувшейся белой рубахой стали видны позвонки.

Конан испытал неожиданную острую жалость к одинокому старику. Он не был похож на того человека, кто смог повести за собой толпы людей, захватить своим порывом и свергнуть правителя, власть которого казалась непоколебимой.

Тот на мгновение замер, почувствовав, что не один в своем убежище и медленно повернул голову. Сама эта неспешность говорила о том, что старик не ожидает визита, который мог бы заинтересовать его или принести добрую весть.

Но при виде Конана камни и палочка выпали из рук, он вскочил с неожиданной прытью и кинулся навстречу гостю, уже стремительно пересекавшему поляну.

Они обнялись и северянин, сжимая сильными руками плечи Фогаррида вновь с тревогой ощутил, как тот сдал за то время, что они не встречались.

— Мальчик мой, — заговорил старик, и Конан подумал:

«Даже голос, Кром, даже голос его изменился! Откуда такая слабость, этот дрожащий звук, как будто заранее умоляющий о прощении? Во что его превратили дворцовые ублюдки вместе с предателями из поганого валлардийского народа?»

Он был настолько зол, что обвинял всех подряд и попадись ему под руку любой житель города, пары добрых оплеух ему было не избежать.

— Мальчик мой, — донесся сдавленный голос, — ты забываешь о своей силе и моей старости!

Кипя гневом против обидчиков, киммериец

слишком сжал отшельника, почти заставив задышаться, и тут же разжал кольцо рук.

Они улыбались, вглядываясь в лица друг друга. Старик одобрительно заметил.

— Ты повзрослел, стал еще красивее и мужественнее.

Молодой мужчина хотел было сказать в ответ что-то ободряющее, но промолчал, остановленный жестом отшельника.

— Не надо, Конан, не утешай меня и не лги. Я постарел, стал болен, но разума, слава защитнице Эзерии, не потерял. Да и в ребенка не превратился, чтобы ждать пустых слов, которые не изменят печального факта — я стар и нередко вижу, как в окне по ночам мелькают крылья вестника смерти Зингуна.

Он засмеялся и сжал пальцами мощное запястье друга.

— Не печалься, бог подземного царства Ортикс еще не указал на меня своим перстом, а потому пусть пока полетает проводник душ. Пойдем лучше в дом, у меня есть ледяное вино и жареная на костре рыба, сам наловил недавно.

— Рыба? — изумился Конан. — Да еще сейчас пойманная? Ведь здесь нет реки!

Довольно посмеиваясь, Фогаррид поманил его за собой, скользнув в почти невидимую расщелину. Конан протиснулся вслед за ним и не

вольно замер в восхищении. Отсюда в далекой вышине отчетливо видны были замершие Уединенные дворцы, над которыми светилась голубизна неба, совсем иного, чем затянутое непроницаемым пологом над уходящими вдаль краями.

Дикое, буйное торжество вьющихся стеблей сориато, стремившихся вверх, цепляясь за каждый уступ, сплетавшихся усиками над площадью, создавая непроницаемый купол, защищало наблюдателей от тех, кто мог бы смотреть на гору из замка.

Здесь из-под земли, шевеля разноцветные обкатанные ровные камешки, вытекала речка, скользившая по короткому руслу к небольшому спокойному озеру.

Возле берега неподвижно застыла на воде лодочка из коры деревьев, способная выдержать вес одного человека. В ней лежали две удочки и сачок, стояло ведро для улова. Фогаррид был доволен, видя удивление Конана.

— Здесь мое настоящее место, — сказал отшельник. — Я должен бы раньше понять это, не покидая своего дома и не стремясь заниматься делами, в которых ничего не смыслю. Нет ничего хуже простака, пытающегося услужить, а вместо этого приносящего только несчастья.

Возвратясь на лужайку, он заметил.

— Об этом месте не знает никто, — и доба-

вил с неожиданной горечью, — там трон неудавшегося царя.

Он заботливо расправил ветви сориато, и расщелина исчезла в цветущем, разукрашенном плодами пологе.

Каменный дом старика представлял собой приземистое строение, возведенное несколько веков назад его предками. Часто он пустовал, но не находилось охотников занять его в отсутствие хозяев, слишком неприветливым было это место, окутанное мрачными легендами, называющими его настоящими собственниками змеиных королей.

Дверей в доме не было, и во время холодов вход закрывался звериными шкурами. Семь окон имели разные размеры и располагались на разной высоте. Древний мастер просто оставлял свободные места в кладке, когда вспоминал о возникающей иногда необходимости взглянуть на мир из окна.

Внутри было прохладно и просторно. Огромный очаг с подвешенным на цепи котлом в половину роста человека мог накормить большую семью. Только вот поленья в нем давно прогорели, превратившись в спрессованную труху, даже легкую золу вымело время. И печь высилась посреди комнаты немым укором одинокому хозяину. Возле нее из дюжины камней было небрежно сложено жалкое подобие мону-

ментального соседа, которым довольствовался Фогаррид.

За печью стояла широкая, сколоченная из тиса кровать, покрытая старым, но чрезвычайно ярким одеялом, сшитым явно не в этом веке.

Трехлапая жаба Ордина и ее божественная хозяйка Эзерия серебрились на высоком столике в углу, здесь же стояли боги солнца, неба и земли. Чуть ниже, на короткой полочке, прибитой к ножкам, восседал покровитель домашнего очага Доарк, вырезанный из белого яшмы — камня, приносящего благоденствие его обладателю.

Справа от входа на широком срезе ствола стояли оловянные таз и кувшин для умывания, на сучьях, оставленных дровосеком, висели сковороды, медные кружки, плетеная бутылка с вином.

Хозяин с гостем расположились за вторым столом, стоящим возле остывшего очага, на котором в оловянном блюде лежали румяные рыбки истирс, коротенькие и почти круглые.

Фогаррид поставил блюдо между трапезничаящими, разломал на несколько кусков плоскую серую лепешку и разливая холодное вино пояснил.

— Эти красотки водятся только в моем озере. Почти без костей и вкусны необычайно.

Однако Конан уже оценил угощение и только согласно кивнул головой, хрустя поджарен-

ной корочкой. Старик ел мало, с удовольствием наблюдая, как наслаждается едой его друг.

Отпивая маленькими глотками кисловатое терпкое вино, отшельник заговорил первым.

— Прости, что по моей вине ты ввязался в эту неразбериху, да еще война со дня на день начнется. Держись от всего подальше, а еще лучше — уезжай, ни на кого не обращая внимания.

— Но почему не ты? — задал Конан главный вопрос, сформулировав его коротко и не совсем ясно.

Однако Фогаррид ответил сразу.

— Я не смог, не справился ни с противниками, ни со сторонниками. Знаешь, мне нужно было раньше позвать тебя, кто знает...

Прижав влажный выпуклый бок кружки ко лбу, он проронил, — нет, все так, как и должно быть.

Конан поинтересовался.

— Но кто был твоим врагом?

И отшельник ответил тоскливо.

— Ах, если бы я знал! Знал наверняка! Я подозревал то одного, то другого, но казалось, что все только и ищут случая помочь, все суетятся, дают советы, делают вроде бы правильные дела, а с каждым днем положение в стране становится все хуже.

Конан задумчиво покачал кружку, наблюдая, как зеленоватое вино лижет ее стенки.

— Но был же кто-то, кому ты полностью доверял?

Фогаррид оживился.

— Конечно! Главным помощником стал мне Гроциус, именно тот, кого я больше всех опасался. Но это человек необычайного ума, насмешливый, даже язвительный, но преданный. Все, что думает, скажет открыто, не боясь опалы, как в свое время, говорят, поступил с тираном. Он и мне, бывало, говорил неприятные вещи, но все было искренне, а как подумаешь-то и правильно, умнее, чем сам я придумал. Кроме него, Немедий, советник мой, прекрасный мальчик, умный, добрый, горячий слегка, но это бы прошло со временем. Я рад, что и того, и другого оставили во дворце, они много пользы принесут. Еще один, дровосек...

— Кто? — изумился Конан.

Фогаррид с достоинством ответил.

— В моем совете были люди всех уровней и занятий, и каждый высказывал дельные мысли.

Северянин с сомнением вглядывался в старика, чувствуя неуверенность за его словами, растерянность человека, который делал все, как считал правильным, и вдруг обнаружил, что бестолково топчется на месте, затягиваемый в трясину мелочей, пустяков, ничтожных проблем, решить которые, однако становилось не-

возможным, несмотря на сыпавшиеся со всех сторон умные советы.

Отшельник, прихватив бутыль и кружки, предложил вдохнуть свежего воздуха. Они присели на поваленный ствол, удобно опершись на сухие ветви. Конан проследил за выводком золотистых змей, шествующих через поляну, и спросил.

— Не думаешь ты вернуться во дворец? Все же у тебя немало сторонников, а сейчас, накануне войны, важно единство страны. Хотя я провел здесь совсем мало времени, все же успел заметить, что не все верят в виновность курсайтов. Даже в окружении Трибуна. Об ополчении и говорить нечего — одни стремятся на войну, плачут гневом против убийц, других занимает только собственная судьба и дом. Они считают, что храм обрушился сам по себе, а если не трогать курсайтов, то и они войной не пойдут.

Фогаррид пожал плечами.

— Я мало что знаю. Но если Гроциус считает, что людей в храме погубил кто-то из них, то так оно и есть. Он никогда не ошибается, поверь мне.

Конан стремительно вскочил, выхватывая меч и призывая старика к спокойствию — над его плечом он увидел слившуюся с белой сухой ветвью чудовищную змею, короткую и толстую с плоской головой, никак не меньше кулака крупного мужчины.

Она свесилась к его шее, изгибаясь и как будто стараясь заглянуть в глаза. Фогаррид, обернувшись и поняв, кто через секунду станет жертвой клинка, вытянул обе руки, преграждая путь лезвию с криком.

— Нет, оставь, она не опасна!

Конан успел удержать меч в полете, шагнув в сторону и скосив несколько веток. Смуглое лицо старика побледнело, как будто это он избежал смертельной опасности.

Северянин в растерянности наблюдал, как он отломил кусочек от лепешки, которую захватил с собой, и протянул несимпатичной твари, широко раскрывшей рот.

Конан, испытывая неловкость от своего не принятого заступничества, усмехнулся.

— Рога Нергала! Однако, друзья у тебя весьма опасные, да и, прости за прямоту, жутковатые. И разве змеи едят хлеб?

Он снова опустился на ствол, наблюдая, как вдумчиво и не спеша приятель отшельника заглатывает угощение. Успокоившийся Фогаррид подмигнул.

— Этот все ест. Я зову его Агусом, мы давние приятели, он живет здесь, кажется, целую вечность. Во всяком случае и дед и отец его знали. Это наше место, я кормлю его здесь, разговариваю, а он слушает, больше ведь некому.

И вновь Конана захлестнула жалость — че-

ловек, стоявший во главе государства, не находит иного собеседника, кроме змеи.

Он представил вдруг, как отшельник, окрыленный поддержкой тысяч людей, долго бежал вперед, к цели, чувствуя, как за ним ширится людской поток. И наконец он обернулся, впервые увидел перед собой бескрайнее море лиц, вопрошающие глаза и понял, что ему нечего сказать им.

Киммериец уже знал ответ на заданный вопрос и не удивился, услышав слова Фогаррида.

— Нет, я никогда не вернусь. Я хочу забыть все и спокойно дожить время, отпущенное мне богами. Уходя из дворца, я чувствовал, там что-то неладно, независимо от моих ошибок, как будто кто-то темный, невидимый прячется в углах, сумеречных галереях, подвалах, наблюдая за каждым. Но для чего? Что хочет сделать это существо, когда и почему осталось для меня тайной. Впрочем, возможно и не существует ничего странного, а это только мои фантазии, не знаю. Но повторяю — уезжай отсюда. Есть много других мест, где тебе будет лучше. Я беспокоюсь за тебя.

Он внимательно и слегка опасливо вгляделся в лицо Конана светлыми, почти прозрачными глазами, и наконец признался.

— Знаешь, я ведь никогда не верил гаданиям. А тут отыскал в сундуке старый свиток и

коробку с заговоренным песком, палочками и камешками. Стоит бросить камни, соединить их линией и в свитке обязательно отыщется такой же узор и его толкование. Я знал, что ты скоро приедешь и много раз гадал на тебя. Так вот, ни разу не изменившись, появлялся один и тот же рисунок — страшная и тайная опасность. И маленькая семиугольная звездочка, которая говорит о том, что есть единственный способ избавиться от врагов. Однако, это возможно только в том случае, если ты свой удар направишь к нужной цели, иначе поразишь друга. Подумай над этим.

Отдав Агусу последний кусок, он стряхнул крошки с ладоней и легко опершись о плечо Конана поднялся. Он стоял перед северянином выпрямившись, распрямив плечи, ветерок шевелил белые густые волосы, бросая пряди на смуглое лицо и светлые запавшие глаза.

Конан, тоже поднимаясь, подумал вдруг, что видит его в последний раз.

— Иди, — сказал старик, — не беспокойся обо мне. Я уже никому не опасен, так зачем вредить отшельнику? Ты же будь осторожен.

Он заговорщицки улыбнулся.

— Во дворце никто не знает, что ты здесь?

Конан кивнул.

— Ну, и правильно, — одобрил Фогаррид. — Никому и не говори, что мы виделись. Одно я

усвоил твердо — чем меньше болтаешь, тем меньше врагов наживешь. Иной раз подумаешь — пустяк, почему не рассказать, а глядишь — именно знания этой малости кому-то и не хватало для цельной картины. А тебе как раз его незнание и было выгодно.

Северянин ответил.

— Я буду помнить. Прощай, друг мой.

Слезы блеснули в глазах старика, они вновь обнялись. Конан заскользил быстрыми шагами вниз по склону. Несколько раз обернувшись, он видел стоявшего в начале спуска старика.

Потом деревья и плетение кустарника скрыли его непроницаемой стеной. На душе было тяжело, печалила судьба друга. Как мог Фогаррид с его решительностью, умом, отвагой добившись победы, потерпеть поражение? Кто и зачем помог ему, подтолкнул к провалу?

Он выглядит не только опустошенным, но и попросту больным. Уж не черное ли колдовство наслано на опального вождя? Но для всего должна быть цель, кому же выгодна смерть Фогаррида, уже переставшего быть соперником всем?

Конан вспомнил Немедия и заторопился еще больше — только с ним можно поговорить откровенно. Тут же вспомнив слова старика, мысленно поправился — не откровенно, а так, чтобы узнать нужное, не показав собственной заинтересованности.

Глава 14

Сон Гроциуса

Бонкий печальный крик, то ли зов о помощи, то ли просто жалоба, адресованная неизвестному, случайному слушателю, мешал Конану сосредоточиться, натянуть лук так, чтобы подстрелить фазана небесной голубизны, с золотыми кольцами на перьях хвоста.

Поле, усеянное цветами тамариска и невысокими кустами геккоса с растрепанными алыми, красными, багровыми головками цветов переливалось разноцветными волнами под теплым ветром.

Фазан побежал, раскрывая крылья и поглядывая хитрым глазом на охотника, вдруг понявшего, что заунывные крики издавала именно эта птица. Но голос звучал настолько по-человечески, что Конан промедлил, боясь ошибиться и попасть в невидимого человека.

Птица стала терять очертания, превращаясь в крохотную ветряную воронку, становившуюся

все больше, поднимаясь к самому небу, вдруг почерневшему. Страшный крик мучимого существа заполнил пространство, ледяным буровом ввинчиваясь в уши.

Конан очнулся ото сна, обливаясь потом и задыхаясь под тяжестью огромного одеяла. Руки непроизвольно сжимали несуществующий лук, ноги отыскивали твердую землю для упора.

Придя в себя и поняв, что находится в замке Трибуна, северянин сбросил одеяло и поднялся на локте, прислушиваясь. Ничем не нарушаемая тишина успокаивала, но спать уже не хотелось.

Белое холодное пламя заполнило узкое окно напротив кровати. Конан вспомнил, что сегодня предсказанный день, когда распахнутся ворота подземного царства и заброшенные, озлобившиеся духи будут в течение трех дней искать себе обиталище на земле.

Он невольно потрогал раковину на груди, висящую на цепочке, отметив, что вторая, подаренная Корделии, защитит ее душу от происков нечисти.

Он захотел посмотреть на трехлапую жабу, покровительницу людей, которая ясно видна только в этот день. Однако, не считая возможным предстать перед Ординой и Эзерией обнаженным, как спал, начал натягивать короткие штаны, прыгая на одной ноге.

И вдруг замер в неудобной позе плясуна, начавшего танец и скрученного судорогой. Тот самый вой, что слышался во сне, бился теперь в коридоре за закрытой дверью.

В коротких штанах, босиком, зажав меч в правой руке и горящий факел, сорванный со стены в левой, он скользнул в замковую галерею, куда выходила дверь комнаты.

Стены переходили в перекрытие дугообразной формы, соединяясь далеко наверху, в непроглядной темноте. Узкие окна по сторонам длинной арочной галереи освещала луна, бросая четкие плетения теней на каменный пол. Конан отбросил ненужный, только мешающий движению факел, и осторожно двинулся вперед.

Однако кричавший вновь замолчал. Киммериец чувствовал под ногами плиты ледяного пола, необычный холод которого жег даже ступни, огрубевшие от частого хождения босиком.

Колкий и такой же холодный ветер пронесся вдоль арки, ударился о стену позади и отступил, просочась сквозь окна. Лишь возле одного из них закрубилось облако, как будто сила ветра иссякла, не дав ему взобраться к бронзовой фигурной решетке.

Конан остановился, крепче сжимая меч. На его глазах туманный сгусток принял очертания необычайно высокой и красивой, несмотря на полноту, молодой девушки. От нее шло сияние,

затмевающее рассеянный свет луны. Огромные, почти нечеловеческие неподвижные глаза, высокие изогнутые брови, рот, такой крохотный, что казался нарисованным красной краской сердечком.

Волны золотых волос касались пола, ноги в тонких сандалиях плавно переступали по камням в сладострастном танце. Резко сбросив плащ, она осталась в золотом поясе, низко надетом на бедрах, с которого спускалась масса серебряных цепочек с нанизанными на них драгоценными камнями.

Ритм танца ускорялся, высокая грудь колыхалась, тяжелые бедра раскачивались, сверкающие цепи вились вокруг бедер. В какое-то мгновение танец стал непристойно-вызывающим и пораженный Конан не заметил, как человек в черной мантии на коленях подобрался к ногам красавицы и вонзил в полное бедро длинный нож.

Кровь залила его лицо, прижавшееся к ране ртом, захлебываясь кровью, пальцы глубоко погрузились в белую пухлую плоть. В то же мгновение девушка вырвала длинную прядь своих волос, превратившихся в хлыст из сыромятной кожи и с силой ударила по спине коленапоклоненного мужчину. Подняв к ней окровавленное лицо, он завыл, тонко и жалобно, тем криком, что слышался Конану во сне.

Но не эта дикая картина заставила северянина окаменеть — лицо человека принадлежало Гроциусу, не тому подобно, что носил лизарден, а молодому, полному сил, не искалеченному мужчине. Хлесткие удары осыпали елозившего на коленях человека, в клочья разрывая черный плащ, он кричал страшным тонким голосом, полным боли, ненависти, но не старался ни отбиться, ни убежать, все пытаясь вновь охватить полные ноги девушки.

«Помоги мне Кром, — подумал Конан, — он похож на собаку, уже укусившую и прыгающую вновь и вновь, чтобы вцепиться зубами в рану. Бешеный пес! Да что здесь происходит?»

Неожиданно он понял, что ни один из двоих не обращает на него внимания, как будто они находятся в этой призрачной галерее одни. Он сделал несколько шагов, и люди вдруг осыпались, как осыпается сложенный из камней рисунок. После сияния, исходящего от женщины, ему показалось, что арка темна, а луна спряталась за тучи.

Потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к прежнему свету, и в его неверном дрожании Конан увидел Немедия, осторожно выглядывающего из-за одной из колонн, стоявших в простенке между окнами.

Северянин почти обрадовался знакомому лицу и громко окликнул советника, однако тот,

не слыша, продолжал настороженно озираться. Наконец он покинул свое укрытие. Конан удивился серому жреческому одеянию на нем, какое носили лишь недавно посвященные в сан, почти ученики магов.

Он набросил на лицо глубокий капюшон и двинулся вперед, держа на вытянутых руках плоскую шкатулку из бальясового дерева. Лишь одно мгновение видел Конан его лицо, когда советник неожиданно обернулся, прижав ларец к груди, но мелькнувшее выражение непонятного иступления, страха, торжества поразили его.

Темнота, поднимаясь от пола, стала громоздиться вокруг Немедия. Конан не сразу понял, что это стены какого-то гигантского строения, постепенно поглощающие советника.

Это видение исчезло так же неожиданно, как и первое. Но прежде чем оно рассеялось, Конан увидел длинную тонкую иглу, которую чьи-то пальцы медленно вгоняли в макушку Немедия.

Сквозь тело, ставшее прозрачным, видно было, как она проникает все глубже, скользя внутри позвоночника и дойдя до уровня сердца, взрывается десятками острых сверкающих шипов.

Не желая больше наблюдать за этим кошмарным видением, северянин решил вернуться в комнату да привалить к двери тяжелый

стол на всякий случай. Однако, осмотревшись, понял, что все двери исчезли, остался только бесконечный арочный коридор да мертвое лунное свечение.

Придя в бешенство, испытывая неприятное ощущение человека, над которым смеются исподтишка, спрятавшись по углам и давясь от хохота, наблюдая за его страхом и бестолковыми метаниями, он решительно двинулся вперед, держа меч наготове.

Снова порыв ветра ударил в лицо, на этот раз почти сбивающий с ног, и он увидел, что стоит на вершине горы, какой никогда не видел ни он, ни другой смертный. Каким-то образом было понятно, что она находится под землей несмотря на бушующий ветер.

Мрачные голые скалы громоздились вокруг, ртутные озера застыли в расщелинах. Внизу, у подножия горы, переваливался тяжелыми жирными волнами черный пар, сползающий по каменным уступам подобно аморфному живому существу.

Из тумана выныривали, тут же исчезая, отвратительные огромные твари и каждая держала в лапах, перебрасывая через плечи, шеи, сворачивая кольцами обнаженные человеческие тела.

Конан не мог понять, живы ли эти люди, настолько изломанными, странными были их по-

зы. Перед киммерийцем мелькнуло плоское лицо, которое единственный узкий глаз пересекал вертикальной щелью.

По бокам топорщились восемь закрученных спиралью зубов, оканчивавшихся острыми шипами.

Головы не было, лишь этот плоский костяной лист лица, прикрепленный к неожиданно нежной длинной шее. Вокруг нее свернулось тело мальчика и острия шипов то и дело погружались в него, окрашиваясь кровью.

Конан понял, что ребенок жив, и бросился на монстра, желая отнять его жертву. Однако меч свободно прошел сквозь тело, похожее на ослиное, и существо скрылось в темноте.

Багровый трепещущий столб, усеянный глазами, скользя на трех коротких лапах аллигатора, тащил за собой на длинном хвосте насаженные на шипы мужские бледные, с синеватым отливом тела, держа в каждой из четырех рук женщину с широко открытыми, безумными, застывшими но живыми глазами.

Жесткий металлический блеск прорезал туман и стало видно, как коричневые твари, похожие на гигантских улиток, рассекают грудь сваленных возле них мертвецов, бросая извлеченные сердца в багровую, дымящуюся в круглом озере киноварь, мгновенно поглощающую приношения.

«Неужели и сейчас, из всей этой груды мяса я не получу того единственного, что мне нужно?» — затмевая остальные чувства, пронеслась мысль в голове Конана.

Она была настолько чужеродна, что сначала он подумал, что слышит чей-то голос, однако тут же понял, что не голос, а сама мысль помимо его воли овладела сознанием. Киммериец почувствовал вдруг, что превратился в иного человека, а его тело таинственным образом исчезло.

Он вытянул тонкие бледные руки с пальцами, усеянными перстнями, провел рукой по костистому лицу, постепенно впадая в пучину дикого, неконтролируемого ужаса. Порыв ветра бросил ему на лоб прядь длинных волос, и вытянув ее перед глазами дрожащей рукой он увидел голубой цвет. Тупо, скосив глаза, рассматривал он чужие волосы и вдруг закричал:

«Гроциус! Чем я прогневил тебя, Митра, что ты заключил меня в тело этого ублюдка?!»

На миг сознание оставило его, и вновь он очутился в галерее дворца. С острой радостью, едва не плача, он ощутил собственное сильное тело, сжал мускулистые руки, обеими ладонями захватив меч, почувствовал босыми ногами ледяной холод.

«Будь ты проклят богами, Гроциус, — подумал он, — что тебе нужно, в какой омут ты пытаешься затянуть меня?».

Он уже стыдился мгновенной слабости, и гнев огненной волной поднимался к голове. Он желал только одного — отшвырнуть лизармена, схватить за голубые локоны голову мага и трясти до тех пор, пока тот не объяснит происходящее.

Да только вот беда — двери исчезли, и он остался замурованным в проклятой арке. Заставив себя успокоиться, киммериец пошел вперед, но конец галереи неуклонно отдалялся, несмотря на то, что он несколько раз принимался бежать.

В один из таких порывов он споткнулся, и грохоча мечом, начал падать лицом вниз. Долгая выучка позволила собраться уже в полете, и он удержался на ногах, сделав несколько длинных стремительных шагов.

Обернувшись, он увидел бьющиеся на камнях, прошитые единой золотой нитью семь человеческих сердец, каждое из которых имело по три разноцветных глаза — черный, желтый и оранжевый.

Он наклонился рассмотреть их поближе, и в тот же миг лес выброшенных щупальцев опутал его грудь и плечи, сдавливая, выбивая воздух из груди и меч из рук.

Конан попытался выпрямиться, но тонкие мохнатые нити лишь сильнее стянулись, врезаюсь в тело. Другие извивающиеся цепи подпол-

зали к ногам, уже касаясь пальцев. Киммериец понял, что как только те соединятся, он станет беспомощным спеленатым коконом, с которым можно делать все, что заблагорассудится.

Подпрыгнув, он стал в круг сердец, на время оставив новую опасность позади. И тут же, упершись ногами в пол, благодаря богов за обнаруженные выемки, дающие устойчивость, он напряг плечи так, что жилы вздулись канатами на передавленных мышцах, напряженной шее и побагровевшем лбу. Ему казалось, что кровь брызнет из раскрытого рта, пытавшегося захватить воздух, легкие и голова разорвутся не выдержав напряжения.

И когда стало ясно, что запас сил иссяк, ему удалось вдруг вздохнуть, омыть кровь свежим воздухом и удавливающие путы лопнули, мягкими клочьями, сочившимися желтоватой слизью, опали на сердца, превратившиеся в гнилые куски мяса.

Шатаясь, он отошел в сторону, и тут только заметил, что не выронил меч, хоть и не мог им воспользоваться.

Барабанные удары грохотали в черепе — то успокаивалась kloкочущая кровь, руки и ноги дрожали от напряжения, пересохшие губы хватили холодный воздух. Конану чудилось, что его захватил колдовской морок, в котором лишь он остается живым уязвимым человеком, и вы-

хода отсюда нет и когда-нибудь ему придется сдаться.

«Но кому? Кто и зачем затеял все это? Почему напоминания о Гроциусе рассыпаны там и тут? Неужели он затеял эту дикую игру с непонятной целью», — толпились мысли, на которые не было ответа. Глубоко дыша, он постепенно успокаивался, все более утверждаясь в том, что причиной ночных происшествий был именно маг.

И мрак непонимания рассеялся в то мгновение, когда он вспомнил случайные слова Долабеллы — мысли великих магов бывают настолько сильны, что могут начать жить собственной жизнью, воплощаясь в видимые образы. Особенно часто случается это во сне, когда воля колдуна ослаблена, и сонные химеры вползают в реальный мир.

«Однако, если это действительно его сны, желания, то не безумен ли Гроциус? Только извращенный ум способен породить эти омерзительные вожеления. Даже естественное стремление обрести тело не должно сопровождаться такой жестокостью», — размышлял Конан, медленно бредя вдоль бесконечной стены, слегка ударяя по ней мечом, чтобы по звуку отыскать пропавшие комнаты.

Прежде, чем северянин увидел его, он почувствовал неприятный запах, похожий на тот, что издают сорванные гниющие цветы.

Громада человека маячила в лунном свете, и в темной массивной фигуре было нечто странное. Какое-то раздражающее несоответствие обычным представлениям об облике людей. Однако Конан настолько обрадовался встрече с кем-то, кто не относился к уже виденным тварям, что не придавая значения кольнувшему внутреннему предостережению, шагнул навстречу, окликая человека.

Последовавшее молчание и неподвижность незнакомца, столь необычные в подобных обстоятельствах, заставили киммерийца остановиться. К нему вновь возвратились возникшие в первый момент опасения, но у него не было причин для нападения. Северянин выжидал в некоторой растерянности.

Именно эта необычная для него нерешительность позволила мужчине нанести первый удар. Огромное человекообразное существо вдруг прыгнуло вперед так стремительно, неслышно и внезапно, что северянин не успел даже поднять меч, который держал в опущенной руке.

Незнакомец почти летел по воздуху, и над его широкими плечами, сливаясь с ними, колыхалось темное облако.

«Что за конская грива?» — мелькнуло на краю сознания Конана, когда нападавший ударил его с такой силой, вышибая дух, будто был сотворен из камня.

Киммериец рухнул на колени, и меч, отброшенный в сторону, зазвенел по мраморным плитам, которыми был выложен узор пола. Уже второй раз за ночь он не мог дышать, нестерпимая боль раздирала легкие, казалось, что они залиты кипящей смолой, тут же застывшей.

Опершись на ладони и свесив голову, он смог с трудом вздохнуть, и несмотря на ощущение когтей, терзающих грудь, почувствовал легкое движение воздуха за спиной. Не раздумывая, не пытаясь дотянуться до меча, он упал навзничь, сильно оттолкнувшись ногами, скользнув по полу навстречу врагу. И тот, не ожидая стремительного встречного броска, проскочил мимо, одним длинным шагом перелетев тело Конана, и не встретив предполагаемого сопротивления, впечатался в боковую колонну.

Опора треснула, но удержалась, лишь выпало несколько крупных каменных кусков, да зашуршала струя мелких осколков и песка. За эти мгновения Конан, оправившись от удара, успел подхватить с пола меч и, не дожидаясь нового нападения, бросился на черного человека. Он надеялся, что от удара тот скорчится, как произошло с Конаном и потеряет драгоценное время.

Однако этого не случилось. Черный отошел от опоры, будто только прислонился к ней, а не ударился так, что едва не снес с места. Он спо-

койно ожидал киммерийца, замахнувшегося на него мечом.

Северянин хотел собрать все силы в один мощный удар, и отрубить врагу растрепанную голову, больше похожую на неопрятную вязанку хвороста.

Клинок скользнул вдоль плеч, и Конан с удивлением почувствовал, как меч, не останавливая движения для того, чтобы перерубить плоть и позвонки, легко понесся влево, увлекая за собой его тело.

Стремительно совершив полный оборот, чтобы не упасть, Конан вновь очутился перед безмолвным врагом. Только так, вблизи, он с замедлением сердца понял, что казавшиеся растрепанными волосы на огромной голове являются плотным облаком черного пара, постоянно меняющего очертания.

«Безголовая тварь! Опять видения Гроциуса? Почему я здесь? Однако этот слишком реален для того, чтобы быть видением!» — прыгали отрывочные мысли, пока Конан, зажав меч обеими руками, переступая ногами, делая маленькие шажки, пытался ударить острием в сердце Черного, но тот уворачивался, не отходя далеко, со стремительностью потревоженной змеи.

Послышалось сдавленное бормотанье, тихонький смех, за спиной человека мелькнул голубой всполох. Конан мог поклясться, что Гро-

циус где-то рядом, наблюдает за поединком. Возможно, он действительно спит, но желание погубить Конана настолько сильно, что мысль воплотилась в действие независимо от самого мага.

Киммериец не заметил, как разомкнулась пряжка, удерживающая плащ противника, и черная материя скользнула к его ногам. Тело врага было покрыто длинной и густой золотистой шерстью, лишь треугольник на груди сиял белизной кожи. На нем поблескивали девять глаз, по три в ряд, один над другим. Два круглых отверстия окружали толстые вывороченные губы, сложенные складчатыми валиками.

Уши, закрученные сухими листьями, уныло свисали вдоль глаз, под каждым торчал маленький мясистый, постоянно подрагивающий шарик с подобием ноздрей. На широком поясе из кожаных пластин висел длинный нож с грубой металлической рукоятью. Наконец стали видны сильные руки, сжимающие меч, тут же взлетевший, чтобы встретиться в воздухе с клинком Конана.

Помня силу полученного удара, он был готов к обрушившейся на него тяжести, и удержал меч, несмотря на то, что рука заныла, закипев колючими мурашками.

Киммерийца раздражала невозможность угадать по глазам противника его намерения, что

всегда помогало в бою. Мутно-желтые, серые, красноватые они постоянно и не одновременно меняли выражение. Одна тройка демонстрировала безразличие, вторая — настороженность, следующая — ярость и тут же выражения менялись, перекатываясь волнами из зрачка в зрачок.

Сталь пела, занимаясь своим делом, при каждом ударе щедро разбрасывая искры, безголовый рубил без устали, как дровосек. Конан чувствовал, что постепенно слабеет, и если не примет немедленных мер, то наверняка погибнет. Для исполнения задуманного требовалось лишь несколько мгновений, однако в течение этого времени он становился уязвимым, и противник мог легко покончить с ним.

Сделав вид, что потерял равновесие, он качнулся в сторону, меч безголового последовал за ним и в то мгновение, пока клинок догонял противника, он пригнулся, пропуская острое лезвие над собой, и кинулся бежать.

Стуча пятками по камням, Конан чувствовал холод между лопатками, почти наяву ощущая, как сталь вонзается в тело. Черный бежал бесшумно, как и раньше, но Конан знал, что тот очень близко позади. На бегу согнувшись, он бросил тело назад, моля Крома, чтобы меч Черного не оказался на этой же высоте. Впрочем, это было сомнительно, учитывая незаурядный рост преследователя.

Он правильно рассчитал время и попал прямо под ноги монстра. Тот, не удержавшись, тяжело рухнул вниз, однако Конана уже не было на этом месте. Не выпуская меча и опираясь на другую руку, Черный поднимался, выворачивая голову в поисках неприятеля.

Конан, замерший позади поверженного врага, сорвал кинжал с его пояса, вцепился в складчатую верхнюю губу и растянул ее вверх, до самого лба, закрывая глаза твари.

Тяжелым ножом он пригвоздил губу так, что осталась видна только металлическая рукоять. Безголовый впервые подал голос, страшно завыв. Левая рука подломилась, другой, с мечом, он попытался вытащить кинжал, но тут же вспомнил о враге и вскочив, завертелся вокруг себя, пытаясь создать клинком непреодолимую преграду.

Зажав рукоять ножа свободной рукой, он дергал его вперед, взвизгивая от боли. Конан мог убить его в любой момент, но счел это бесчестным, все равно, что сражаться со слепцом. Сильным ударом он лишь вышиб клинок из руки безголового и подняв его, молча наблюдал за усилиями противника.

Лунный свет померк, безголовый замолчал, остановившись и прислушиваясь к чему-то, вспыхнул ярким пламенем погасший факел, который Конан бросил в начале галереи. Снова

прошелестел ветер, и черный человек исчез, превратившись в сгусток тумана, вынесенного за окно.

Северянин стоял перед своей приоткрытой дверью, за которой помаргивали маленькие светильники в блюде с водой, освещаая фигурки богов и духов.

Напоследок оглядевшись, он вернулся в тепло комнаты, внимательно оглядел свой меч, на котором не осталось никаких следов битвы, и лишь теперь заметил, что клинок безголового в какой-то момент исчез из его руки.

Глава 15

Башня

Трибун стоял у края дворцовой башни. Серая каменная плита поднимала его высоко к небу, словно ладонь Бога.

— Я часто прихожу сюда, — произнес он.

Много веков назад, эта площадка предназначалась для обороны дворца. Архитектор задумал расположить здесь стрелков с заговоренными луками, архимагов, которые стреляли бы во вражескую армию за десятки миль, котлы с кипящим маслом, чтобы лить его на головы осаждающих, — но вот уже девять веков замок был погружен в сонный покой забвения, и даже недавняя гражданская война, волей богов или их безволием, не коснулась его. Теперь здесь лежали лишь покрытые пылью камни.

— Ты никогда не замечал, Конан, — чем выше ты поднимаешься, тем более ничтожным чувствуешь себя? — спросил Трибун.

— Пожалуй, — ответил киммериец.

Холодный ветер перебирал складки багряной мантии, стекавшей с плеч Ортегиана.

Он поднял глаза.

— Иногда мне кажется, что, будь я чуть выше, мог бы дотянуться до звезд и потрогать их...

Трибун посмотрел на свои руки.

— Но все мы слишком ничтожны для этого, не так ли?

Правитель повернулся к киммерийцу.

— Я обещал объяснить, почему, — сказал он, подлетая ближе. — Почему замахнулся на место Фогаррида, хотя считаю его более достойным правителем.

Конан опустил на край стены.

— Наш мир подчинен колесу изменений, — произнес Ортегиан. — День сменяется ночью. Вслед за осенью приходит весна. Но есть перемены, которые так велики, что мы их не замечаем.

— Какие?

— Ты много странствовал, Конан, и знаешь — почти у каждого народа есть легенда о Золотом веке. В ту далекую эпоху люди были равны богам. Но со временем мельчали, пока не превратились в нас...

— По-твоему, это не просто сказка?

— Да, варвар. Когда-то, очень давно, народом правили по-настоящему достойные люди.

Такие, как король Оззрик. Ему повиновались не из страха, и не в надежде на выгоду. Люди шли за ним, ослепленные его величием, в надежде приобщиться к тому, что он делал...

Ортегиан поднял единственный глаз к центральной башне дворца — туда, где на барельефе был изображен легендарный правитель.

— Те, кто всходили на трон после Оззрика — я говорю не только о нем, такой цикл повторяется снова и снова, и во всех странах, — эти правители унаследовали не только скипетр, но и уважение народа. Поколение сменялось за поколением, и безумным королям взбрело в голову, что они заслужили эту честь лишь по праву рождения...

Трибун указал рукой к подножию башни.

— По мере того, как аристократия вырождается, народ все меньше верит в нее. И наконец наступает момент, когда толпа, плебс, вскипает уверенностью, что способна сама позаботиться о себе. Опасная и безумная ересь...

Он усмехнулся, перехватив взгляд Конана.

— Ты спрашиваешь, кто я такой, чтобы рассуждать о власти аристократии. Да, в семье Гасиусов все были гончарами. Знаешь, почему меня приняли в Отряд Фениксов? Моя способность передвигать вещи на расстоянии оказалась незаменимой при уборке навоза... Вот с чего я начинал, Конан. И, признаюсь тебе, то, что

делаю сейчас, я не могу назвать ни более приятным, ни более чистым...

Трибун окунул взгляд в небо, словно тем самым надеялся обрести хоть крохотную каплю его непорочности.

— Аристократ не тот, кто родился с лазурной кровью, а тот, кто способен увлечь за собой народ. Димитрис, король с родословной почище, чем у дорогого коня, — был в душе ничтожеством, и народ растоптал его, почувствовав вонь, такую же, как ежедневно исторгает сам. Отшельник Фогаррид — кажется, сын ткача...

— Плотника.

— Не суть важно. Он истинный аристократ. Люди шли за ним потому, что увидели в нем величие, которого никогда не будет в них самих...

— Почему же Фогаррид проиграл выборы?

— В этом самое печальное, Конан. Я застал колесо истории в самой нижней точке цикла. Мне досталась бесхребетная Валлардия. Народ разучился подчиняться избранному. Стоит им увидеть того, кто лучше их, как они вскипают от ненависти и спешат втоптать его в грязь.

— Но Фогаррида любили.

— Во время войны. Толпа обожает рушить. Наверное, это единственное, что она по-настоящему хорошо умеет делать. Они пошли за отшельником, — но были готовы идти только до тех пор, пока надо было разрушать. Затем, до

вольные собой, люди расплзлись по норам, словно тараканы.

Пальцы Трибуна сжались, словно он представлял, как давит одно из этих существ.

— Когда их позвали строить! создавать что-то! просто работать! они обрушились на Фогаррида с еще большей ненавистью, чем на Димитриса совсем недавно. Когда избранный говорит сегодня с народом, — толпа затыкает уши грязью, чтобы не слышать его.

Снова налетел ветер.

— Я не потомок Оззрика, — негромко сказал Ортегиан. — Ни по крови, ни даже по духу. Толпа избрала меня, потому что я им близок. Грязный, уродливый гончар, который начал службу стране с того, что собирал навоз фениксов. Сложно поверить, что эти прекрасные птицы гадят так много и с таким крепким запахом...

Он усмехнулся, потом на его лицо снова вернулась скорбь.

— Народ должен пережить много страданий, Конан. Метаться от голода. Утонуть в крови. Только тогда он поймет, что не способен управлять страной. И вновь, смиренно и с благодарностью, склонит голову перед лучшими — такими, как Фогаррид...

* * *

Если хочешь что-то узнать — иди на базар, к месту, где собираются женщины набрать из водостока чистой питьевой воды.

Одна бросит слово, вторая ее поддержит. Глядишь, в разговор вступят мужчины. А любопытному только и остается, что слушать, да пытаться отсеять небылицы от правды.

Конан решил спуститься к городским воротам.

В последнее время, все больше людей хотело попасть в столицу, спрятаться за ее крепостными стенами. Простой народ, напуганный падением Храма, готовящейся войной, искал спасения, где мог.

Попав в столицу, беженцы старались найти приют. Кто-то спешил к родственникам, другие искали прибежище на постоянных дворах. Третьи, у кого денег поменьше, тоже не оставались без крыши над головой. Хозяева домов и лачуг — ремесленники, мелкие торговцы, — были не прочь потесниться. Лишние деньги никогда не помешают.

Конан шел по мрачным, пустынным улицам.

Даже Барбра, всегда сидящая у входа своего дома, закрыла двери и окна. По улице не витал запах ее лепешек.

«Надоело кормить солдат даром, — подумал Конан. — А все прочие спрятались по домам, боятся нос высунуть».

Северянин не заметил, как свернул в безлюдный переулок, заканчивавшийся тупиком.

— Эй, Конан, — раздался звонкий девичий голос.

Киммериец обернулся. Посередине широкой улицы, ведущей к следующей террасе города, стояла высокая светловолосая девушка. Несмотря на теплое время, на ней был широкий светло-зеленый плащ.

— Зачем идешь за мной? — мрачно спросил северянин. — Следишь вот уже пару кварталов.

— Люблю, чтобы все было правильно, — рассудительно пояснила незнакомка. — Ладно, думаю, сам уже все понял. Ты здесь никому не нужен.

Она широко распахнула руки. Гладкая бело-розовая кожа сморщилась и приобрела оттенок морской волны. Длинные золотистые локоны встопорщились острыми иглами, шея вытянулась, покрылась зеленоватой чешуей. На щеках прорезались жабры. Челюсти выдвинулись, придавая морде существа вид туповатой упертости. Руки срослись с полами плаща, превратившись в широкие крылья. Тварь с глухим карканьем взлетела и закружилась над Конаном.

— Не нужен, ты здесь в мире живых никому не нужен, пошел прочь, проклятый варвар.

Повторяя это, создание попробовало спикировать на спину киммерийца, но тот был насто-роже.

Острый меч северянина полоснул по одному из светло-зеленых крыльев. Брызнула алая, похожая на человеческую кровь. Существо пронзительно заверещало и рухнула на землю.

Конан не хотел убивать поверженного врага. Кроме того, хотелось узнать, кто послал за ним монстра.

Киммериец подошел поближе и склонился над телом твари. Но стоило ему поднести руку, как существо выбросило вперед руку-крыло, захлестнув вокруг ног Конана.

Петля, с быстротой молнии связав щиколотки ног, стала со страшной скоростью разворачиваться крепкой сетью, поднимаясь вверх. Тварь издала торжествующий вопль и потащила спеленатое тело киммерийца по мостовой.

Несколько раз Конан больно ударялся головой. Вдруг сеть, стягивающая тело киммерийца, зацепилась за острый камень, несколько дней назад расколотый тяжело груженой повозкой.

Тварь, не ожидая сопротивления, неловко остановилась и повернула голову к жертве. Та не проявляла признаков жизни.

Монстр боялся подойти к лежащему без движения киммерийцу, но сдвинуть его, чтобы вновь поволочь за собой, оказалось непростой задачей.

Сперва нужно было освободить зацепившуюся за камень сеть.

Конан, незаметно для летучей твари, напряг мускулы, и невод, уже надорванный в одном месте, стал расходиться. Киммериец почувствовал, что тенета уже так сильно не сжимают его.

Между тем летучее создание оставалось в неведении: глядя на практически бездвижное тело киммерийца, трудно было понять — жив он или мертв.

Тварь стала медленно подходить к поверженному врагу, крепко удерживая конец плетеной ловушки. В тот же миг, когда враг наклонился над Конаном, киммериец напряг все мускулы, и сеть распалась на мелкие сухие клочки.

Северянин протянул руку, ухватив наклонившегося над ним врага за крыло.

Странное существо не ожидало нападения. Киммериец выхватил меч и занес над головой крылатой твари. Крыло отвалилось и осталось в руках Конана. Тот настиг врага и одним замахом меча снес ему голову.

Тварь упала на мостовую, и камни поглотили ее.

Конан остановился перевести дух и оглядеться. Все было тихо. Киммериец сорвал пучок широких листьев с невысокого куста и вытер с лица начинавшую подсыхать кровь чудовища.

Глава 16

Речные духи

удьба учит нас тому, чему мы меньше всего хотели бы научиться, — заметил Трибун, подлетая к окну и распахивая тяжелые занавеси. — Что до меня, моей единственной мечтой в детстве было создать вазу, которой бы мог гордиться мой отец. К несчастью, он умер прежде, чем я поступил в учение, иначе как знать...

Неловкая тишина повисла в парадной зале. Никто не решился ответить, ибо поворот судьбы, описанный их правителем, мог привести только к одному результату — Ортегиан остался бы лепить горшки в Нижнем городе, в на королевском троне Валлардии сидел бы кто-то другой.

Возможно, один из них.

— Есть несколько вопросов... — карла задумался. — Как это принято говорить?

Чародей Гроциус, к которому был обращен вопрос, пояснил, вложив в короткий ответ всю

изысканность и витиеватость потомственного царедворца:

— Государственной важности.

Никто из собравшихся не мог быть уверен до конца — на самом ли деле Ортегиан забыл эту формулировку (Трибун и правда подчас позволял выскользнуть из головы деталям и фактам, которые не считал важными), или же слегка подсмеивается над колдуном.

— Вот именно, — с превеликой серьезностью кивнул карла. — Подобно любым государственным делам, они скучны, длинны и совершенно бесполезны как для нас, так и для народа; однако если мы не станем ими заниматься, наша страна рухнет, а мы все окажемся под ее обломками... Знай я, сколь хлопотно быть Трибуном, остался бы чистить навоз в стойлах фениксов.

Он усмехнулся, и вот на сей раз всем было ясно, что это неправда.

Дверь распахнулась, с таким шумом и торжеством, словно с другой стороны ее высаживали тараном, по меньшей мере, человек восемь. Генерал Терранд вошел в парадную залу, на ходу просматривая свитки пергамента.

— Прошу прощения за то, что опоздал, сир.

Как любой человек, который извиняется не искренне, он делал это легко и без запинки.

— Новые донесения с границы с Курсаей.

Жрец Долабелла вскинул голову и спросил с таким видом, словно новости о грядущей войне касались только его лично, остальные же были здесь из пустого, праздного любопытства.

— Что сообщают? — спросил он.

Терранд взглянул на жреца с таким недоумением, будто этот вопрос ему задала цикада, случайно залетевшая внутрь.

Полудракон замер, словно споткнулся. Ему казалась нелепой сама мысль о том, чтобы отчитываться жрецу — вроде генерал и вошел-то в парадную залу только затем, чтобы предстать перед светлые очи Долабеллы и почтительно сообщать ему о событиях в стране.

Но и промолчать было бы неправильно, поэтому Терранд взглянул на Ортегиана.

Тот быстро пришел на помощь.

— В самом деле, друг мой, — произнес он, и своим мягким, порой едва слышным голосом тут же сгладил неловкость. — Нам всем здесь интересно, что сообщают ваши люди.

На самом деле, лазутчики подчинялись непосредственно Трибуну — как и соглядатаи, рыскающие по улицам городов в поисках шпионов. Однако Ортегиан великодушно подарил Терранду честь стать хозяином новостей.

— Послание из Ханрашского форпоста, — ответил полудракон. — Прислали только что, поэтому я и задержался.

— Это на прямой линии от нас до ущелья Мангориза, — пробормотал Трибун.

Он полузакрыв глаза, вызвав в памяти карту долины.

— Если курсаиты перейдут в наступление, их армия должна пройти через Ханраш.

— Да, сир.

— Хорошо...

Ортегиан перевел взгляд на военачальника.

— И что сообщают?

Долабелла был недоволен.

Трибун вел себя не так, как полагалось правителю. Он не проявил ни волнения, ни даже особого интереса к тому, что собирался сообщить Терранд. Тревожные новости из Ханрашского форпоста! Ведь это могло означать, что через пару колоколов вражеские войска атакуют один из приграничных городов.

Жрец не понимал, что беспокоиться не о чем. Будь новости и правда такими важными — Терранд сказал бы все с порога, не став извиняться за опоздание. Значит, речь идет о чем-то не очень срочном.

Но жрец не мог оценить таких тонкостей, и не умел делать из них правильных выводов, — отчасти оттого, что был в дворцовом окружении человеком новым, и еще не успел как следует изучить ни Терранда, ни Трибуна. Будучи правой рукой Гарквануса, он, однако, никогда

не сопровождал его на подобные собрания — как и его нынешний помощник не пришел вместе с ним сегодня.

Долабелла хотел даже поторопить генерала, но делать этого не стал, поскольку тот вновь развернул пергамент.

— Странные существа появились на реке после рассвета, — произнес Терранд. — Черепахи с людскими лицами.

Крохотные пальцы Трибуна пробежали по его подбородку. Он всегда делал так, если напряженно думал о чем-то. Военачальник уже начал следующую фразу, но Ортегиан, вдруг быстро наклонившись вперед, спросил:

— Лица были у них вместо морд?

Терранд скрипнул зубами.

Он досадовал на себя за то, что не задал этого вопроса сам.

Наскоро пробежав глазами свиток еще раз, полудракон ответил:

— Лазутчик не сообщает. Надо ждать подробный отчет от командира форпоста.

— А это добрых четыре колокола, — пробормотал Трибун. — Досадно, досадно! Но что же, делать нечего, не ехать же нам самим в Ханраш. Продолжайте.

Долабелла поднял тонкую руку.

— Не понимаю, — произнес он сварливым голосом человека, который всю жизнь привык

вещать людям высшую истину, сообщенную ему богами, — и вдруг столкнулся с тем, что не может разобраться в самых простых делах. — Где же еще может быть лицо у черепахи, если не на морде?

Ортегиан с раздражением обернулся.

Он простил Долабелле первую выходку — когда тот вмешался в его разговор с Террандом. Простил и забыл. Но жрец снова прервал разговор, и это уже выходило за всякие границы.

Трибун был очень терпелив и вежлив с теми, кто мог принести государству пользу; однако он не видел ни малейшей причины вести себя так с людьми, которые только мешали другим работать.

Чародей Гроциус кашлянул.

— На панцире, мой милый Долабелла, конечно же, на панцире, — отвечал он. — Если у речной черепахи человеческое лицо, в этом нет ничего необычного. Значит, одна из крестьянских девиц согрешила с духом воды. А им и делать-то нечего, кроме как кувыркаться с низшими демонами, — после того, как наш любезный Терранд увел в ополчение всех мужчин. Но когда глаза, рот и нос оказываются у твари на спине...

Он не закончил и лишь прицокнул языком.

— Это знак мощного колдовства, — сухо сказал Трибун. — Продолжайте, Терранд.

— Их сопровождали мертвецы, сир. Одни шли по воздуху. У других ноги были наполовину в воде.

— Тела или призраки?

— Трупы, сир. Наполовину разложившиеся. Лазутчик твердо уверен — у одного отвалилась кисть руки, и упала в воду. Поднялись брызги. От блазней такого не бывает.

— Тоже плохо, — заключил Ортегиан. — А черепахи, что, напали на форпост?

— Все к этому шло. Над крепостью подняли флаг и трубили к бою. Наш человек видел, как готовились к бою баллисты. Но твари так и не выбрались из воды.

— Вот как? — заинтересовался Трибун.

Ортегиан снова полужакрыл глаза.

— Барьер их остановил, сир. Оказалось, они были по другую его сторону. Река широкая, и солдаты сперва не поняли, что монстрам их не достать. Твари все еще плавали вдоль магической стены, когда лазутчик отправил это сообщение с ястребом. Очевидно, существа тоже не могут справиться с силой преграды, и, так же, как и мы, не видят ее.

— Значит, это не было подарком от курсайтов, — заметил карла. — Те, верно, позаботились бы открыть дверь перед своим отрядом. Просто водные духи, потревоженные действием заклинания.

Могло показаться, что доклад окончен; однако Терранд все еще держал свиток раскрытым.

— Две черепахи хотели выбраться на другой берег, — молвил полудракон, чуть понизив голос.

— Да? — Ортегиан напрягся. Единственный во всей комнате, он понял, что сейчас последует самое важное.

— Они не смогли, господин. Барьер удержал их на середине реки.

Трибун поднялся с кресла и заскользил вдоль залы.

— Значит, существуют две стены, — пробормотал он. — Они образуют невидимый коридор вдоль реки. Хотел бы я знать, для чего курсаитам это понадобилось...

— Я рад, что ты согласился сопровождать меня, Конан, — молвил Трибун. — Это древняя традиция Валлардии. Перед великой войной правитель должен предстать перед людьми вместе со знаменитым героем или святым... Ты станешь талисманом, символом удачи, которого ждет народ.

Высокая лестница вела их к вершине дворцовой башни.

Черные ступени вздрагивали под ногами идущих, вспыхивали раскаленным всполохом

света, и волна алого сияния уходила в стороны, тая в высоких стенах.

— Еще раз хочу извиниться перед тобой за то, что не смог предложить пост военного советника, который ты, без всякого сомнения, заслуживаешь. Но Терранд не простил бы этого ни мне, ни тебе...

Почетный караул, обычно сопровождавший Трибуна, остался внизу. Даже самым доверенным воинам было запрещено приближаться к Цестерце. Честно говоря, Ортегиан был бы рад и вовсе избавиться от эскорта. Тогда, на приеме в честь иноземных гостей, он лишний раз доказал всем, что в состоянии владеть мечом не хуже, а то и лучше других воинов.

Но и здесь новый правитель срывал сладкие плоды с горького древа ошибок своего предшественника. Отшельник слишком приблизился к народу. Он выходил к людям, словно простой смертный, а не как наместник Радгуля-Йоро на земле, — и, как обычно бывает в жизни, получил именно то, чего хотел добиться. Это и стало причиной его падения.

Постепенно народ переставал испытывать к нему тот благоговейный трепет, который вызывали у простых людей короли Валлардии. Да, многие мечтали о свободе, но никто, положив руку на сердце, не знал, что это такое. Людям хотелось, чтобы кто-то по-прежнему руководил

ими, решал за них, отвечал за несчастья и неудачи, которых не избежать.

Фогаррид не мог, да и не хотел исполнять эту роль. День за днем он терял ту невидимую ауру, которая окружает лидера и делает его таковым.

Ортегиан понимал, что не может позволить себе допустить такую ошибку, — поэтому окружал себя внешними признаками величия, которые презирал сам и считал ничтожными.

Одним из них была Цестерца — летающая платформа, ждавшая их в дворцовой башне.

— Люди до сих пор верят, что только потомок Оззрика может коснуться ее и не умереть, — заметил правитель. — И подчинится она не всем из них. Лишь тому, в ком ощутит силу и величие древнего короля.

Он посмотрел на свои руки.

— Стоило мне дотронуться, как она взмыла в воздух. Стоит ли говорить, после этого народ полюбил меня еще больше... Для них это было знаком, что я достоин сесть на трон валлардийских монархов. Бедные глупцы, они не подозревают — каждый из них способен оседлать Цестерцу. Она готова служить тем, кто достаточно храбр или безумен. Ко мне, скорее, относится последнее...

Холодный ветер ударил в лицо Конана, заставив прищурить глаза.

Они оказались на вершине одной из башен.

— Время от времени, я летаю над городом, — пояснил Трибун. — Сомнительное удовольствие, признаюсь, — постоянно боюсь упасть.

Ортегиан усмехнулся.

— Не самые подходящие мысли для человека, который парит над людьми, словно бог? Иногда я спрашиваю себя — боится ли Радгуль-Йоро... И если да, то чего.

Ноги Конана скрипнули на обломках камня.

— Вот, рассуждаю тут о богах, а сам стану сейчас метельщиком, — заметил Трибун.

В первый момент киммериец подумал, что собеседник шутит.

Ортегиан сложил руки на груди, медленно воспарив над каменным полом. Его глаза наполовину закрылись и приобрели далекое, отсутствующее выражение, — как в те моменты, когда он фехтовал с новобранцами.

Маленькие вихри взметнулись на серых плитах. Они подхватывали лежавшую на полу пыль, играли с маленькими каменными осколками, поднимали ввысь и, смешивая, превращали в темное облако. Конан видел такие в Челпашской пустыне — но те, в сотни раз больше, были созданы природой или капризом богов, а не волей человека.

— Слуг сюда не пускают, — пояснил Ортегиан. — Считается, будто они недостойны даже

взглянуть на Цестерцу. На самом деле, настоящая причина в другом, — кому — нибудь непременно захочется дотронуться до летающей плиты, несмотря на зловещее предание. Или же это произойдет случайно. Тогда легенде конец; а вместе с ней и мифу об избранности короля.

Кружащиеся потоки воздуха поднимались все выше, унося с собой пыль и обломки камня. Добравшись до края башни, темное облако начало снижаться, пока не скрылось из глаз.

— Там, чуть ниже, небольшой балкон, куда никто не выходит.

Трибун отряхнул руки, словно выносил мусор именно ими, а не усилием разума.

— Неприятно, конечно. Все это придется заматывать одной из горничных. Не люблю оставлять начатое на полдороги, но другого выхода нет...

Они зашагали дальше, по небольшому каменному мостику, соединявшему две башни.

— Раньше здесь убивались рабы, — пояснил Ортегиан. — Потом их убивали. К счастью, Фогаррид успел отменить рабство. Оно и так стоило Валлардии слишком дорого. Наши уголья заброшены, горожане нищают. Невольники трудились плохо, да у них и не было причин стараться. А мой любимый народ вообще разучился брать в руки что-нибудь, кроме куса хлеба да кубка вина...

Конан понял, о чем умолчал его собеседник. Если бы отшельник не издал такого указа, это пришлось бы сделать его преемнику. А такой шаг, без сомнения, сильно разочаровал многих землевладельцев и других богачей.

Трибун разгадал мысли Конана.

— Самим рабам, впрочем, тоже пришлось несладко, — произнес он, словно в ответ на невысказанные слова киммерийца. — Как ни парадоксально, но они тоже разучились работать. Одно дело, трудиться из-под палки, и совсем иное — найти в себе силы, чтобы терпеть те же лишения, но уже по доброй воле. Свобода — великое испытание, друг мой, и мало кто способен его пройти.

На их пути попало несколько камешков, и Трибун отправил их вниз.

— Когда ни поднимусь, такое впечатление, словно и не убирал в прошлый раз, — пробормотал он. — О чем мы говорили? Ах да. Знаешь, я не раз слышал о том, что освобожденные сами приходили к своим прежним хозяевам и просили снова забрать их в рабство.

Тяжелая бронзовая дверь закрывала вход во вторую башню. Попасть сюда можно было только через узкий каменный мостик, по которому только что проследовали Конан и его спутник. Птица Харгрэд, выкованная кузнецом на широких створках, щерила клыкастый клюв и распа-

живала крылья, похожие на листья проклятого черного дуба.

Широкая площадка открывалась перед порогом, и Трибун, прежде чем подойти к замку, привычным движением смахнул с нее пыль и обломки камня.

— Дворец крошится, — деловито сообщил он, словно они пришли осмотреть, амбар с квашеной капустой, а не собирались взойти на летающую Цестерцу. — Я сотни раз говорил Гроциусу, что это от защитных заклинаний. Кой прок в магической броне, если из-за нее на нас однажды потолок свалится? Но он не желает слушать...

Ортегиан подлетел к дверям и приложил ладонь к лицу птицы Харгрэд.

— Знаю, в Офире давно уже разработана магия, которая не разрушает стены. Очень дорогая, а, главное, надо долго упрашивать местных чернокнижников.

Замок щелкнул, и створка начала открываться.

— Ее и правда могу открыть только я, — пояснил Трибун. — Конечно, не потому, что я избран... Вернее, я избрал сам себя, когда поручил Гроциусу наложить на дверь новое заклятье...

Правитель на мгновение задумался, и Конан понял, о чем размышлял Ортегиан. Стал бы чародей помогать ему, имея тот сам хоть малей-

ший шанс завладеть тронном Валлардии? К несчастью для колдуна, люди не смогли бы принять в качестве своего короля живую голову. Трибун хоть и был безногим карлой, но все же почти походил на человека.

— И давно надо съездить в Офир, и понимаю, что пора, да все времени нет, — рассказывал Ортегиан, зажигая шандалы на стенах. — Так всегда бывает — навалятся срочные дела, а ты думаешь — ну потом, потом, а так и выходит, что до главного никак руки не дойдут.

Летающая Цестерца оказалась весьма некадиста.

Конан повидел много, и уже, казалось бы, не должен был ничему удивляться — а все же платформа не оправдала его ожиданий. На память пришли слова, которые любит повторять Корделия — сильный человек ничего не ждет, поэтому не бывает разочарован.

— Угу, — совсем по-простонародному подтвердил Трибун. — Снизу-то она кажется красивой. А здесь...

Цестерца представляла собой толстую гранитную плиту — грубо отшлифованную, и почти без отделки.

Сверху на ней угадывался герб Валлардии, и то, лишь если присмотреться как следует. То ли мастер решил, что негоже топтать патриотический символ, пусть и монаршими ногами, — то

ли просто лень стало изображать то, чего и так почти никто не увидит.

— Про ее облик тоже есть легенда? — предположил Конан.

— А как же, — карла, кряхтя, взгромоздился на плиту.

Киммериец понял, что могущественная магия, окружавшая Цестерцу, частично лишала Ортегиана сил, поэтому, находясь рядом, тот не мог летать так же быстро и легко.

— Создайте правителя, а уж мифы вокруг нарастут сами, как грязь в купальне... Но чего же ты стоишь, Конан? Лезь сюда. Перила не предусмотрены, как и лестница.

Северянин взобрался наверх, а Трибун пояснил:

— Королей, конечно же, рабы поднимали на паланкине.

Киммериец выбрал место так, чтобы оказаться позади Ортегиана, и теперь ждал, что тот поднимет Цестерцу в воздух. Но правитель с мягкой улыбкой покачал головой.

— Попробуй ты, — молвил он.

Конан не имел ни малейшего представления о том, как управлять летающей платформой. Однако он почувствовал, что не время задавать вопросы. Северянин расслабился, ощутив, как все его тело открывается мирозданию. Его разум стал чист и прозрачен, и в нем осталось только одно слово:

— Небо!

Киммериец не мог сказать, как все произошло.

Тяжелая плита дрогнула, и внезапно вспарила под ними, так легко и свободно, словно совсем ничего не весила. Массивная створка затворилась сама собой, пропустив их, замок щелкнул, и птица Харгред провожала Цестерцу немигающим взглядом.

— Что в этом сосуде? — спросила Корделия.

По взгляду, которым угостил ее чародей, можно было прочитать ответ:

— Ничего такого, что ты бы смогла понять.

Над низким алхимическим столом, черным от капель пролитой кислоты и изгрызенным повсюду осколками заклинаний, которые порой вырываются из сосуда даже у самого опытного чародея, — поднималась узкая прозрачная колба, наполненная густым туманом.

— Все же удалось отколоть кусочек барьера? — спросил Конан.

Гроциус улыбнулся, как специалист, получивший похвалу от такого же знатока.

— Уверяю, это было совсем непросто, — отвечал он. — Будь у меня руки, я наверняка лишился бы их — возможно даже, вместе с плечами и кусками торса. Как видишь, дорогая Кор-

делия, в том, что у тебя нет тела, есть и свои преимущества — ты не можешь потерять его снова...

Ни Конан, ни аквилонка — к радости для себя — не могли похвастать таким преимуществом, поэтому колба с клубящимся туманом не вызывала у них такого же восторга, как у чародея.

— Я принес в жертву четырех грифонов, — продолжал Гроциус. — Каждый из них перед этим сожрал трех девственниц. Возможно, с девицами-то и вышел перебор, — взрыв был таким сильным, что сжег всех моих учеников, которые сопровождали меня... Жаль, я потратил много времени, пытаясь научить их основам магии. К счастью, остались другие.

Туман в колбе начал темнеть, как предгрозовое небо.

Чародей пояснил:

— Некоторые верят, что могущественные чары раскрывают свои тайны лишь тем, кто готов пожертвовать ради этого чем-то важным... Или кем-то. Поэтому, дорогая Корделия, пожалуйста, держитесь подальше.

Конану он этого не предложил, как и дорогим не назвал.

Облачка тумана сгустились в хрустальных объятиях колбы, вспыхнули и превратились в оскаленный белый череп, который, сверкнув об-

сидиановыми глазницами, оскалился в злоеющей гримасе.

Корделия испуганно вскрикнула, — поскольку именно этого от нее ждал Гроциус, что же до киммерийца, то он знал, — злоеющее изображение появилось не внутри колбы, а на ее стенках. Этот нехитрый фокус сотворил сам колдун, чтобы произвести впечатление на зрителей.

— Ты когда-нибудь пытался изучать магию, Конан? — спросил Гроциус, поднимая со стола большую реторту, наполненную темной бурлящей жидкостью. Она кипела, хотя все горелки оставались потушенными, и Конан понял — перед ними кровь алой вивверны, которая начинает бурлить, только соприкоснувшись со стеклом.

— Нет, — отвечал киммериец. — И сомневаюсь, что у меня есть к этому задатки.

— Напрасно, — заметил Гроциус, и северянин к своему удивлению понял, что чародей сказал это не из желания польстить своему собеседнику (а царедворцы делают это, как известно, почти по привычке, вряд ли осознавая, кому и какие делают комплименты). — Я чувствую в тебе большую жизненную энергию...

Кровь вивверны вскипела, и колба начало плавиться. Прежде, чем магическая жидкость пролилась, Гроциус поднес ее к большой чаше, в которой уже лежали череп балакра и три пера

феникса. Крупная капля расплавленного стекла упала на них, заставив сразу же почернеть, а затем и вся жидкость обрушилась в широкий сосуд сверкающим водопадом.

— Эта черта столь редко встречается в людях, — продолжал чародей, — что при обучении колдовству ей почти не уделяют внимание. И правда, нет смысла требовать у ученика качеств, которых нет почти ни у кого. Однако такой подход приводит к...

Черепу начали лопаться. Мозг кентавров, засушенный в них, вываливался наружу, рассыпаясь крохотными кусочками.

— Аппетитно выглядит, не так ли? — коротко усмехнулся Гроциус. — В такие мгновения я чувствую себя поваром... Так вот, я говорил о том, что человек, обладающий большой жизненной энергией, — как ты, Конан, — обычно не знает, что эта способность может позволить стать ему великим магом. Пожалуй, если бы я уже не рассказал о том, как погибли мои прежние ученики, я бы предложил тебе стать одним из них... Но теперь, полагаю, ты вряд ли на это согласишься.

Киммериец не стал возражать.

— Когда наш любезный Трибун, чья мудрость равна разве что его красоте... Еще два пера... Так. Когда он сказал, что ты поможешь мне решить эту маленькую задачку, которую задали

нам курсаиты с их магическим барьером, я сперва думал, будто он всего лишь навязал мне докучную обязанность, развлекать высокого гостя.

Шесть горелок вспыхнули по углам стола. Каждая из них пылала своим цветом — алым, оранжевым, густо-синим, светло-сапфировым и черным. Огонь последней был совершенно прозрачен, и Гроциус поспешил предупредить:

— Осторожно. Многие мои ученики заканчивали свой курс здесь, лишившись пальцев или всей руки. После этого приходилось отдавать их на Арену — нет смысла возиться с теми, кто не в силах почесать у себя за ухом. Мне хватает хлопот с самим собой; а зрители всегда рады посмотреть, как мантикоры пожирают людей, не способных даже защититься.

Вещества в чаше полностью расплавились. Гроциус поднял сосуд, и начал осторожно выливать булькающую в нем жидкость на каждую из горелок. Могло показаться, что сейчас она зальет огонь и потушит его; но заговоренная влага растекалась лужицей в воздухе, в нескольких локтях над играющими языками пламени.

— Я говорил о тебе, Конан... Теперь я вижу, что ты можешь быть мне очень полезным. Твоя жизненная мощь усилит действие заклинаний, и вещество, из которого курсаитские колдуны

создали свой барьер, раскроет нам свои тайны.. Конечно, не исключено, что при этом ты ослепнешь, превратишься в муху или же просто умрешь. Пообещай, что в таком случае станешь являться призраком по ночам не мне, а Ортегиану; именно он предложил мне твою помощь. Дорогая Корделия, отступи, пожалуйста, вон в тот угол комнаты... Вот так. А теперь, Конан, посмотрим, сможет ли твоя энергия и мое колдовство раскрыть эту маленькую тайну...

Последняя капля алхимического снадобья упала на трепещущее пламя. Несколько мгновений ничего не происходило, и киммериец чувствовал, в каком напряжении находится Гроциус, нетерпеливо следящий за игрой магического огня.

Корделия встала рядом с Конаном, — не смотря на призыв колдуна отойти подальше, — похожая на каплю живого огня, она была готова в любой момент броситься в бой. Заговоренный меч девушки остался в ножнах — воительница понимала, что в этом испытании он вряд ли сможет принести пользу.

Вместо клинка, аквилонка вынула из сумки белый, отшлифованный ветром череп стигийского жреца. В его затылке зияли три маленьких круглых отверстия — там, куда попали ее

стальные шарики, выпущенные из пращи. Два девушка смогла потом вынуть, а третий так и остался внутри, глубоко войдя в кость.

Алые молнии пробегали по мертвому лицу черепа, и временами казалось, будто он жив.

Гроциус бросил на амулет недовольный взгляд — без сомнения, увидев в нем явное сходство с самим собой. Однако почти сразу же магическое пламя вспыхнуло с новой силой, заставив колдуна забыть обо всем другом.

Шипящие стрелы огня вырвались из каждой кадьницы. Они растекались высоко над столом, по воздуху, словно под ними пласталась не видимая глазу плита.

— *Tridaros!* — воскликнул чародей. — *Kouros Ulma!*

Шесть огненных лучей сошлись в середине, и столб рокошующего огня вознесся к расписным сводам залы. Кадьницы погасли, пламя исчезло — и только белая, пульсирующая звезда вспыхивала и гасла над головами людей.

— *Empitricum!* — прошептал колдун.

Выбрал ли он не то заклинание?

Или, может быть, прочитал его недостаточно четко?

Яркий всполох, мерцавший под сводами залы, вдруг забуллил, наполняясь изнутри алыми пенящимися волнами. Казалось, невидимое копье пронзило его, заставляя истекать кровью.

Два или три мгновения белая звезда продолжала пульсировать, с каждым толчком наполняясь багряной влагой, и наконец лопнула, озаряя залу сверкающими брызгами цвета заката.

— *Pantikea!* — сдавленно выкрикнул чародей, но было ясно, что ритуал вышел из-под его контроля.

Силы, разбуженные Гроциусом, теперь подчинялись не ему — а неведомому магу, создавшему волшебный барьер. Алые капли стекали по граням мироздания, образуя прозрачную полусферу, в которой оказались заключены люди. На высоте человеческого пояса, брызги останавливались и растекались кругом, чертя вокруг пленников широкое вспыхивающее кольцо.

Черные молнии родились на сводах кровавого купола.

Они тянулись к людям, ломались и шипели, разбрасывая золотые искры, вонзались в тела и проходили насквозь.

Гроциус с глухим вскриком покатился на пол, став в этот момент похожим на высушенную голову, какие делают шаманы в Черных Королевствах.

Корделия высоко подняла череп жреца, и обсидиановые стрелы погрузились в него, минуя девушку. Пустые глазницы загорелись алым огнем, рот мертвого лица приоткрылся, и толстые трещины пробежали по белым костям.

Конан крепко сжал меч. Киммериец помнил слова колдуна:

— Человек, обладающий большой витальной энергией, может стать великим чародеем...

Северянин представил, как вся его жизненная сила перетекает в холодное лезвие меча. Тяжелый клинок вспыхнул, переливаясь изумрудными искрами. Конан скорее почувствовал, чем увидел, как трескается над его головой кровавый купол. Черные молнии поблекли, свернулись, и с холодным шипением растаяли в тяжелом воздухе залы.

Осколки разбитых колб покачивались на обуглившемся столе.

Глава 17 Немедий

Зоветник Немедий раскрыл глаза в то самое мгновение, как зеленый квадратик света лег на стену напротив изголовья кровати. Как случилось почти каждое утро, он порадовался точности собственного сознания, умению просыпаться в определенное с вечера время.

Если зеленый свет оставался на стене, значит, солнце еще не восходило, лишь заря затеплилась.

Мягкое сияние оранжевого треугольника означало появление солнца, красного круга — восход его над горизонтом, когда между ними еще не прорезалась разделяющая линия небесной голубизны.

Для каждого сезона существовало свое чередование цветов, фигур и мест на стене, так что едва открыв глаза, Немедий знал, какое время дня царит за стенами Уединенных Дворцов.

Поверхность огромного окна, от пола до арочного соединения под самым потолком, покрывало бронзовое фигурное плетение, дело рук искусного мастера, ибо этот металл трудно поддается сложной обработке.

Не было ячейки, похожей на другую и в каждую была вставлена тонкая пластина слоющегося разноцветного камня, отшлифованная до прозрачности мушиного крыла и обработанная специальным составом, придающим ей необычайную прочность.

Дверь отворилась без стука, вошел старый слуга. Силан сопровождал Немедия всю его жизнь, начиная с детства, проведенного в доме родителей. Он поклонился, негромко кряхтя и не замечая этого, все еще представляя себя braveм мужчиной средних зим, каким был когда впервые увидел маленького мальчика, своего будущего господина.

Немедий, видя постепенное угасание сил старого друга, попытался предложить ему помощника, но предложение было встречено удивленным непониманием, перешедшим в обиду.

Ему пришлось оставить все как есть, лишь стараясь не обременять Силана лишней работой. Улыбаясь сквозь белые усы и бороду, слуга поставил медный кувшин с водой возле такого же блестящего рыжиной таза. Погода отличная,

объявил он, как раз для той важной поездки, что предстоит господину.

Помогая Немедию умыться, он сообщил, что младшие советники, составляющие эскорт, уже готовы и ждут возле выхода из дворца.

Советник, чувствуя удивительную легкость после умывания ледяной водой из горного источника, облачился в серую рубаху тонкой шерсти, такие же штаны и короткие черные сапоги.

На плечи набросил белую мантию советника, скрепленную на плече заколкой, изображающей щит со струящейся по нему голубой молнией — знак отличия высшего сановника.

Силан, прикрывающий узкую деревянную кровать грубой накидкой, оставил свою работу, почтительно замерев, когда Немедий, выйдя во вторую комнату, дверь в которую редко закрывалась, склонился перед черной каменной фигурой бога войны.

Тот угрожающе вздымал вверх руки с зажатými в них трезубцем, мечом, колчаном со стрелами и громом, изображенным в виде соединенных извилистой линией аметистов пурпурного цвета вперемешку с алмазами.

Советник просил военной мудрости, силы и мужества для себя и всех соотечественников в предстоящей войне. Дворцовые слуги внесли на подносах еду и вино, но Немедий отмахнулся, не желая терять времени.

Силан неодобрительно покачал головой, но промолчал, по опыту зная бесполезность попыток воздействовать на своего господина.

Тот следовал своему учителю Фогарриду, аскету во многих жизненных вопросах. Именно поэтому ложе его больше походило на постель простого сержанта, а комната была почти пуста — столик с лавкой, грубый сундук для одежды и резные кипарисовые ларцы с особо ценными кинжалами и древними рукописями.

На особой полке, напротив изголовья кровати, так, что при пробуждении глаза останавливались на разноцветных отсветах, касающихся фигурки, стояла серебряная статуя прекрасной лунной богини.

Эзерия на вытянутых руках держала своего главного духа — трехлапую жабу Ордину. Им возносились главные тайные молитвы Немедия, касающиеся лишь его самого и могущие показаться постороннему странными детскими и нелепыми.

Он прошел сложными переходами дворца, попав на небольшую внутреннюю площадь, где уже ожидали сопровождающие — два младших советника и три стража.

Поглощенный важностью предстоящего дела, Немедий не замечал ни убожества эскорта, ни скуки, достаточно явственно проступающей на лицах. Он с удивлением воззрися на два

роскошных паланкина, уже поднимаемых носильщиками. Оборотив лицо к советникам, он раздраженно спросил.

— Куда мы собрались? Проведать друзей, поваляться на траве возле источника или мы должны проверить состояние армии? Вы думаете, что творите? Перед началом войны, перед лицами юношей-ополченцев мы предстанем праздными бездельниками, из любопытства высунувшими свои трусливые носы из верхнего города!

Он обратился к старшему стражу:

— Немедленно подай нам коней!

Старый вояка, хорошо знавший Фогаррида и его ученика, был готов к такому обороту, почти не сомневаясь, что Немедий откажется от крытых шелком носилок.

Он коротко ответил.

— Все готово, — и из-за угла замка, где были расположены конюшни, немедленно вывели трех одинаковой масти коней.

Деревянные плоские седла, части которых скреплялись жилами, были обиты толстой мягкой тканью, помещаясь на чепраки и попоны, чтобы не сбить спину коня.

Под мордами лошадей блестели ожерелья из серебряных и золотых блях. К правой задней ноге, сразу над копытом, привешивался колокольчик, который должен был отгонять несчастья, клубившиеся в воздухе.

Немедий одобрительно посмотрел на стража, запоминая его лицо и легко оттолкнувшись, ловко и привычно уселся в седло. Советники с недовольными лицами копошились возле своих лошадей, которые, чувствуя их неуверенность, выгибали шеи, склонялись к земле, осаживались на задние ноги.

Наконец главный страж велел остальным помочь и небольшая кавалькада тронулась в путь. Они спускались по крутой боковой тропе, ведущей прямо к городским воротам, выходящим на тренировочное плато.

Не было необходимости спешить — когда бы ни приехал посланник Трибуна, он будет вовремя. Да и не пристало одному из высших сановников лететь по городу вскачь, хотя Немедия привлекала именно такая езда.

Попадавшиеся по пути люди узнавали его, ближайшего помощника Фогаррида. Некоторые подбегали, чтобы быстро проговорить слова одобрения, готовности отдать силы войне с нечистыми курсаитами, иные отводили глаза — бывшие соратники, они не поддерживали своего вождя, теперь сожалея и стыдясь собственной неверности.

Лишь эти обстоятельства позволили младшим советникам следовать за ним, не теряя пристойного вида. Они забыли те времена, когда скачка была не только привычна, но и дос-

тавляла удовольствие. И не потому, что были слишком стары — годы обоих едва перевалили за сорок. Но случайно очутившись во дворце, они уже опасались покидать его даже на короткое время.

Их терзал страх, что происками очень скоро появившихся врагов, они лишатся спокойных мест.

Ведь здесь не нужно больше тесать мраморные глыбы и сгорать под зноем пустыни, добывая драгоценные камни, чем раньше занимались Скарсон и Вердиций.

Так случилось, что заслугу, оказанную другими, им удалось приписать себе, получив благоволение короля Димитриса. Они не блистали ни умом, ни храбростью, ни иными особыми добродетелями.

Обоих отличало редкостное умение правильно подобрать момент, чтобы показаться нужными. Потому, оставаясь на низшей ступени иерархии — младших советников, они мирно переходили от одного правителя к другому.

Немедий, горячий, резкий, недопустимо наивный для политика, был из тех немногих, с кем эти двое не могли найти общего языка.

Скарсон и Вердиций видели, как к их спутнику с радостной ободряющей улыбкой подходит народ. Оба, чувствуя себя невидимыми тенями за его спиной, испытывая вполне понят-

ное раздражение, они тихонько переговаривались.

Скарсон, вытирая пухлое белое лицо шелковым платком, поманил к себе спутника одним из трех пальцев, оставшихся на правой руке — остальные откусила, как мечом отсекала, разумная тварь, одна из многих, что строят свои города в глубине песка, охраняя волшебные камни.

Люди не раз пытались наладить с ними обмен, но те ни в чем не нуждались. Твари считали камни хранилищем души рода и стремились безжалостно истреблять всех, покушавшихся на их святыню.

Лошади успокоились, и мужчины могли негромко переговариваться, не привлекая к себе внимания Немедия. Длинная тонкая шея Вердиция склонила маленькое смуглое лицо, обрамленное прядями жестких, блестящих на солнце черных волос к мучнистому плоскому лицу своего коротенького спутника.

Молодой насмешливый страж, едущий позади, хихикнул, забывшись — он представил нелепую картину проникновения тонкого носа одного в пухлый полуоткрытый рот другого, как будто синеватый жук собрался опустить хоботок в медовый раскрывшийся цветок. Поймав сердитый взгляд старшего, он постарался придать лицу серьезное выражение.

Мысли юноши потекли среди приятных воспоминаний, оставшихся после посещения второго яруса города. Там некогда блиставшая красавица Ренса предоставляла услуги юных красоток всем желающим в своем обширном каменном доме.

Скарсон ядовито заметил:

— Посмотри, этот юнец, должно быть, чувствует себя Трибуном. И что нашел в нем старик Фогаррид, тот уж во всяком случае дураком не был. А ведь хотел протащить его в свои преемники. Правда, и сам долго не задержался!

Его булькающему хохотку вторило сухое потрескивание смеха собеседника. Посмеявшись всласть, он возразил.

— Нет, он не глуп, только по-детски наивен, восторжен и политически слеп. Как можно не понимать, что Трибун терпит его только потому, что он был близок нашему старому отшельнику, еще не потерявшему всех сторонников? Он не хочет вызывать ничьего недовольства, вот и придумывает Немедию занятия наподобие сегодняшней инспекции, не изгнал его вовсе из дворца, а только отстранил на обочину, чтоб дитя забавлялось, не мешая взрослым. Разве такое сопровождение подобает главному советнику? Посмотришь, нас встретит какой-нибудь паршивый сержант, капитан даже не озаботится выйти к такому ничтожному инспектору.

Скарсон поерзал на неудобном сидении, пытаясь шире развести ноги, промокшие от своего и лошадиного пота.

— Все знают о действительном положении Немедия при дворце, кроме него самого. Действительно, что он понимает в войсках, да и не позволит ему Терранд особо распоряжаться в своих делах, которые только сам и контролирует. Немедий, не задумываясь, пойдет впереди войска и без сожаления отдаст свою жизнь. Он уверен в виновности курсаитов, а слова Трибуна воспринимает как откровения самого Радгуль-Йоро, пусть не обрушит он на нас своего гнева и помилует за совершенные проступки.

Слегка косящие мутные глазки Вердиция уставились на него.

— Так ты тоже не веришь?

Толстяк поежился.

— Не то, что не верю, а как-то все сомнительно. С чего бы курсаитам разрушать храм, вызывая войну? Шпионы доносят, что они не стали сильнее, да и раньше выступали сторонниками переговоров.

Заметив, что главный страж как будто прислушивается к разговору, толкнул носком сапога стремя приятеля, заключил речь словами.

— Однако Трибуну виднее. Разве дано нам знать, какими тайными сведениями он располагает?

Другой подхватил.

— А ритуал вопрошения? Сам бог подземного царства Ортикс отпустил Гарквануса, чтобы тот подтвердил курсаитскую подлость. Нам остается только воевать.

Страж, не обращавший внимания на бормотание двух неуклюжих седоков, сжав каблуками сапог бока лошади, послал ее к воротам, чтобы выехать из города впереди Немедия. По каменистому плато до самой реки копошились группки ополченцев, предводительствуемые солдатами или сержантами.

У окончания спуска их ожидал Сагурн, сперва решивший идти один, но затем, желая оказать хотя бы подобие торжественной встречи Немедию, вызывавшему смешанное чувство раздражения и симпатии, прихватил с собой Визалиуса.

Младшие советники переглянулись, видя подтверждение своих предположений, но благоразумно промолчали. Немедий, даже не заметив скудости встречи, спрыгнул с коня, горя нетерпением начать обход.

Скрывая недовольство, Скарсон и Вердиций тоже сползли с коней, которых принял по распоряжению сержанта первый попавшийся на глаза ополченец.

Ранний час не избавлял от страшного зноя, на который ни сержант, ни Визалиус не обраща-

ли внимания. Багровое солнце, лишь немного поднявшееся над горизонтом, зажгло своими лучами пологий склон Золотой горы, обращенный к столице и оранжево-желтые волны чарнакии тяжелыми торжествующими валами перекатывались через валуны и впадины отрога.

Воды широкой темноводной реки Акторса были непригодны для питья. Алые камни, лежащие у ее истока, в верховьях Мертвого ущелья, источали ядовитые испарения, которые отравляли реку.

Мысль о том, что нельзя захватить горстями текущую воду, поднести к губам, ощущая языком ломкий холод, сводила с ума человека, изнуренного жаждой.

Отнюдь не толстый Немедий обливался потом, с завистью глядя на мускулистые, темные от загара тела Сагурна и Визалиуса. Солнце давно вытопило из них лишний жир и воду. На обоих были только белые короткие штаны и сандалии из грубой кожи, удерживаемые на ногах ремешками, сходявшимися в круг на щиколотках.

Сагурн предложил Немедию шляпу, сплетенную из травяных стеблей, но тот самолюбиво отказался, видя непокрытые головы встречающих.

Скарсону казалось, что вся кровь, имеющаяся в его полном теле, хлынула к голове, разбух-

шей подобно шару, готовящемуся разорваться. Он прикрыл было макушку своим шелковым платком, завязав края лихими ушками, но был вынужден отказаться от своей затеи.

Вердиций потянул его за руку, прошептав, что он похож на торговку гнилыми овощами в Нижнем городе, и если Немедий обернется, беды не миновать. Он запросто может отправить их назад во дворец, и тогда придется объясняться с Трибуном, а тому только повод дай, он мигом отделается от обоих бесполезных недотеп.

В дополнение к его словам заметив сдержанную усмешку главного стража, Скарсон поспешил сорвать платок, решив лучше умереть на солнце, чем потерять нынешнее благоденствие. В конце концов, не так далеки те времена, когда он ковырялся в песках под еще более жестоким солнечным огнем.

Сагурн и Немедий быстро шли впереди, оживленно переговариваясь, видно было, что мужчины испытывают взаимную симпатию. Даже Визалиус иногда позволял себе короткое уместное замечание, которое встречало одобрение старших по званию.

Серая пыль давно покрыла сапоги посланников Трибуна, белый плащ, зацепившийся за колючий куст, Немедий небрежно передал одному из стражей, которые были обязаны сопровождать его постоянно.

Он все же надел зеленую прохладную шляпу, последовав примеру Сагурна, который тактично дал ему возможность отступить от первоначального решения, не уронив собственного достоинства, для чего напялил травяной колпак, заметив:

— Только молодая солдатская голова может выдержать такую жару, а мы уже слабы для этого.

Немедий был благодарен ему, а Скарсон с Вердицием попросту ликовали. Оскальзываясь на мелких камешках, они спустились к ближней группе, где молодые ополченцы из рыбацкой деревни, с первых шагов привыкшие почти жить в воде, изнывали в бесплодных стараниях обойтись без нее. С огромным камнем, привязанным к спине, их заставляли нырять в Акторсу и на дне только с помощью пальцев освобождаться от него.

Сержант, внутренним чутьем безошибочно определяя время, которое возможно пробыть в ядовитой воде, подсчитывал выплывающих со сжатыми губами и глазами, посиневшими лицами учеников и давал им сигнал вытаскивать тех, кто не справился.

Не придя в себя, задыхаясь от напряжения, они тянули за привязанные длинные веревки, поднимая тяжесть человека и камня. Сержант всегда успевал захватить самый последний мо-

мент, когда еще мгновение промедления раскрыло бы рты находящихся на глубине, принеся неминуемую гибель.

Сагурн одобрительно заметил:

— Отличное упражнение на выносливость. Возможно, им придется скрываться в воде или болоте, вот там и пригодятся навыки учебы. Здесь даже если не выдержит, глотнет воды, все равно спасут противоядием, а на войне необученный точно погибнет.

Он не пояснил, что спасенных неизбежно ожидают дворцовые катакомбы, ибо даже после противоядия жить им остается недолго, они теряют память и разум, пригодные только на короткое время обваливать камень.

На этот раз обошлось без происшествий, и все ополченцы, кроме одного, самого молодого, вынырнули вовремя. Сразу же выдернули застрявшего, который казался меньше, чем прижатая к нему глыба.

Некоторое время его в беспамятстве тащили по отлогому берегу, и длинные тонкие руки и ноги беспомощно загребали кучки крупного песка.

Глядя на его бледное лицо и сине-черные круги, заливающие глазницы, Немедий воскликнул:

— Да он совсем мальчишка! Возможно ли брать таких в армию?

Сагурн, ожегши взглядом помощника — тому велено было следить за приближением людей Трибуна и не спускать в воду слабейших — ответил с неколебимой убежденностью:

— Самыми лучшими становятся те, кто начал заниматься с детства. У нас, конечно, нет времени возиться с детьми, но чем человек моложе, тем быстрее он может развить тело. Не забывайте, что они горят желанием участвовать в войне, а дух умножает силу.

Незаметно для советника Визалиус подал знак и ополченцы стали нестройно выкрикивать:

— Смерть курсаитам, безбожникам и разрушителям храмов!

Едва очнувшийся мальчишка подскочил, еще не совсем понимая, что происходит, но услышав крики товарищей, впел в общий хор свой писклявый голос, хорошо и давно затвердив, какие чувства и каким образом следует выражать, чтобы не оказаться для лучшего усвоения урока в Темноте.

Молодые лица, несмотря на неприятно изможденный вид, выражали искренность, казалось, они пылают гневом против врагов, и Немедий неожиданно для себя тоже выкрикнул:

— Смерть курсаитам! — испытывая неподдельное желание возглавить этих юных патриотов, уже видя себя бегущим впереди с поднятым мечом и флагом Валлардии.

Захваченный этим чувством и в душе соглашаясь с Сагурном, он вспоминал собственное детство, когда отец, дед, старшие братья попеременно таскали его в горы, оставляя одного на крутых спусках, швыряли на середину ледяных озер, где от холода останавливалось дыхание, смеялись над его слезами и мольбами об отдыхе.

Не испытывая особой любви, он все же чувствовал к ним благодарность за то, что мог почти в любой ситуации постоять за себя.

Раздался чей-то душераздирающий крик, и Немедий, а за ним вся свита, поспешили к группе людей, которые топтались возле высоко установленного на подпорках бревна.

Обмазанное толстым слоем жира, оно служило для выработки равновесия. Ополченец должен был пройти по нему, не свалившись вниз, на уложенную гору колючего кустарника. Шипы его были настолько острые и твердые, что напоминали кинжал.

Ученик сорвался и упал так неловко, что колючка пронзила горло, и после первого страшного крика он только хрипел, вместе с остатками дыхания расставаясь со своей кровью. Алая влага билась тонкой струйкой и вытекала через рот булькающими пузырями.

Немедий не успел слова сказать, как баграми с острыми крючьями растащили наваленный кустарник, несколько человек подхватили

пострадавшего и понесли на руках к травнику. Тот сидел на одном из камней почти у городских ворот, разложив возле себя мешочки со снадобьями и почти не выпуская из рук широкий свиток с заклинаниями. На небольшом костерке постоянно кипела вода.

Скарсон, заглянувший в лицо парнишке, когда его проносили мимо, заметил приятелю:

— Все, конец воину. Перед Немедием притворяются, что живой, сейчас колдун над ним поворожит для вида и тело сбросят в пропасть.

Так и случилось — травник, осмотрев ополченца, сперва отошел, однако, вспомнив наставления Сагурна, возвратился, делая вид, что заговаривает рану и прикладывает мази.

— Дождается, пока мы отойдем, — пробормотал Вердиций, и как только они, спустившись ниже, скрылись за валунами, солдаты отволокли труп к месту обычного погребения ополченцев — краю короткой бездонной узкой щели.

Визалиуса раздражало бессмысленное хождение, однако он не смел выказать недовольство.

Сагурн тоже понимал бесполезность затеянной инспекции, но не мог послушаться указаний самого Трибуна. Кроме того, он не желал наносить оскорбление Немедию, который ему все больше нравился. Старый воин понимал, советника явно заняли пустяками, чтобы не путался под ногами.

Сержант показал свою группу, атлеты-юноши с минимальной страховкой — тонкой веревкой, охватывающей талию и привязанной к дереву, прыгали через глубокий провал.

Все невольно залюбовались одним из них. Казалось, Дарий, разбегаюсь медленно и лениво, настолько плавными были его движения, и неожиданно взлетел над краем пропасти, сверкая на солнце блестящим от пота смуглым телом.

Испугавшись, что он не достигнет противоположной стороны, Немедий охнул, но юноша сгруппировался в воздухе, как будто шагая по нему, и приземлился далеко от края. Так же блестяще выдержали испытания остальные участники группы Сагурна.

Советник Вердиций, желая показать заинтересованность порученным делом, осведомился, где отдыхают ополченцы, и был награжден удивленным и почти презрительным взглядом сержанта, ответившего коротко.

— Конечно здесь, на плато.

Тот повертел головой, отыскивая признаки казарм, но кроме недавно раскинутой и пока пустой палатки Терранда не увидел ничего, похожего на прибежище людей. Он снова вопросительно уставился на Сагуерна, пояснившего:

— Как и положено воинам в походе, они ночуют возле костров, для которых сами и набирают топливо.

Сержант не стал вдаваться в подробности, объясняя, что редкие деревья на плато рубить запрещено и за дровами приходится снаряжать экспедицию в Нижний город, впрочем, как и за продовольствием. Наученные долгим опытом горожане сторожат припасы особенно строго с появлением в столице пришлых ополченцев — своих кормит семья.

Попавшегося на воровстве неизменно учат плетью, однако не нанося увечий — каждый помнит о собственных сыновьях, которые находятся в том же положении. Поэтому в большинстве случаев довольствуются куском хлеба и тонким, в палец длиной ломтиком вяленого мяса с солдатского стола.

Больше младшие советники вопросов не задавали, лишь толстяк Скарсон, содрогнувшийся от скудости продовольствия, пробормотал на ухо Вердицию.

— Их слишком много, разве всех прокормит казна или Нижний город, где живут самые бедняки.

Пожав плечами, тот ответил.

— Да это и не требуется, как не нужны нелепые учения. Ополченцы не предназначены для ведения боя, кроме немногих лучших. Они служат массой, в которой должно захлебнуться войско курсаитов, а уж настоящие солдаты будут сражаться.

Глава 18

В поисках тайной двери

Конан несколько раз возвращался в широкий коридор, которым шел в ту ночь с незнакомцем, повторял весь путь и останавливался на том месте, где должна была быть дверь. Не до блеска дубовые панели казались ровными, без единой трещинки или царапины. На всякий случай киммериец даже постучал по ним, но услышал характерный глухой звук. Тот ясно говорил, что там, за обшивкой, находится каменная стена и ничего более.

Слуги, спешащие по своим делам, не без удивления смотрели на чужеземца. Но тут же опускали глаза и шли мимо, будто бы ничего не замечая. Все знали, что киммериец — гость самого Трибуна, потому не стали ни о чем спрашивать.

«Дворец прошит заклинаниями, как кожаный доспех клепками, — размышлял Конан, направляясь к террасе, расположенной на юго-за-

падной стороне замка, — Теперь даже опытный маг не найдет следов этой двери».

Это уединенное место ему посоветовал Немедий. Здесь можно было отдохнуть от мелькания чужих лиц, пустых разговоров, притворства и людской глупости.

Киммериец легко сбежал по каменным ступеням. С трех сторон терраса была открыта ветрам и солнцу. Вдоль резной ограды, на треть ее высоты, стояли деревянные кадки, украшенные причудливой росписью.

Растения, посаженные руками рабынь, цвели здесь постоянно. Цветы распускались в разное время дня. Можно было часами сидеть и любоваться тем, как распускаются одни цветы и смеживаются другие.

Конан опустился на дубовую лавку, прислонился к дворцовой стене, прогретой солнцем, и прикрыл глаза.

Он не мог объяснить почему, но вдруг на сердце затамилась тревога. Северянин почувствовал разлитую в воздухе угрозу, которая окутала его темным дымным облаком.

Конан вскочил.

Разноцветные лепестки, тонкие изумрудные веточки, темно-зеленые стволы, — все теперь было окрашено черными мазками теней. Цветы распустились, и на донышке каждого виднелся глаз, отливающий сизо-багровым пламенем.

Раздался звон хрустальных колокольчиков. На мгновение цветы-глаза закрылись, потом одновременно распахнули тугие лепестки. Теперь это были жадные прожорливые зубастые пасти, прячущиеся в тени траурно-черных листьев.

Длинный липкий язык метнулся к киммерийцу, метя в лицо. Конан отпрыгнул к двери и попробовал отворить ее. Но та оказалась заперта с другой стороны.

Северянин обернулся и увидел гигантскую многоножку, вылезшую из каменного пола. От нее пахло мокрой землей, гниющими листьями и сыростью.

Тварь опиралась на тысячи тонких лапок. Передняя часть ее тела поднималась над полом, по бокам колыхалась волна тугих щупалец. Голова существа походила на огромный гнилой грецкий орех.

Тварь двинулась вперед, оставляя позади себя выжженные следы. Передние лапы потянулись к Конану.

«У нее нет глаз, — подумал киммериец. — Она меня не видит, но чувствует тепло».

Он подскочил к многоножке сзади, поднял меч и сильным ударом снес чудовищу голову. Та упала на пол и с хрустом раскололась на части.

Раздался оглушительный крик, то вскрикнули бестелесные рты. Конан сделал несколько

шагов назад, стараясь держаться поближе к каменной стене.

Ему показалось, что дверь немного приоткрылась. Северянин устремился к ней, но дорогу ему преградил воин в серых одеждах.казалось, они сотканы из тумана и тьмы.

Мужчина был такого же роста, как Конан, но тоньше. Узкие плечи, длинная продолговатая голова придавали ему сходство с червем.

Темные штаны плотно облегали гибкое тело и были заправлены в такого же цвета мягкие сапоги. Высокий ворот рубахи закрывал шею, узкие рукава переходили в перчатки. Лицо пряталось за маской.

В прорезях мелькнули яркие желтые глаза. Незнакомец вытащил из рукавов два острых кинжала и принялся вращать ими, танцующими движениями приближаясь к киммерийцу.

Конан взмахнул мечом, разминая мышцы.

Человек в черном раскрыл правую ладонь. Кинжал взлетел и ушел в рукав левой руки. Из пальцев незнакомца вылетела сверкающая золотом петля, и со свистом понеслась в сторону северянина. Тот поднял меч, и аркан обвился вокруг оружия. Незнакомец рванул клинок на себя. Киммериец понял, что ему не удастся удержать двуручник.

Северянин решил обхитрить противника. Сделал вид, будто цепляется за свой меч, а на са-

мом деле подался вперед, следуя за движением петли. Затем стремительно рванулся к врагу. Он был подобен копью с тяжелым наконечником, брошенному рукой закаленного в боях воина.

Незнакомец не успел увернуться. Северянин врезался в него, сбивая с ног. Тот коротко охнул, но сразу поднялся.

Конан рванул петлю, пытаясь освободить меч. Золотая нить треснула, разлетаясь водоворотом искр. В тот же миг тело незнакомца обмякло. Он упал на каменный пол террасы, и густая темная жидкость хлынула из его раскрытого рта.

Воин был мертв.

Конан понял, что вся жизненная сила незнакомца сосредоточилась в золотой петле, и иссякла, когда порвалась нить.

Северянин собрался посмотреть, кто скрывался под черной маской. Но что-то мокрое, гибкое и упругое обвилось вокруг его шеи. Даже не видя, Конан догадался — длинный язык, выпущенный одной из глоток.

Киммериец напряг мышцы. Он не стал отдиравать гибкую петлю. Напротив — ухватился за живую веревку и с силой дернул ее, вырывая из горла твари.

Послышался неприятный чмокающий звук. Давление на шею ослабло, и в руках Конана оказался язык неведомой твари.

Из всех углов террасы послышалось угрожающее шипение. Беззубые рты распахивались, открывая багрово-сизые глотки.

Конан вновь и вновь ударял по упругим черным стеблям, среди которых скалились рты. Темные клочья, багрово-сизая кровь, изодранные куски мяса, бывшие некогда языками и губами, — падали на пол, тут же засыхая и съеживаясь.

Неведомое существо еще пыталось нападать, но вскоре последние лохмотья изгороди упали вниз. Порыв ветра подхватил останки, превратившиеся в сухую пыль, и унес их в горы.

Северянин подошел к скрюченному телу врага. Теперь серая маска источала омерзительный запах. Сорвав ее, киммериец увидел сгнившую плоть, оскаленные зубы и сохранившиеся кое-где черные волосы, прилипшие к черепу.

Солнечный луч заглянул на опустевшую террасу, и в ответ на его приветствие из черной земли показали тоненькие зеленые ростки. Они увеличивались на глазах, наливались жизнью, и скоро хрустальный звон невидимых колокольчиков возвестил о том, что появились первые бутоны.

Один за другим распускались волшебные цветы — алые, голубые, нежно-фиолетовые. И вскоре на террасе вновь воцарились мир и покой, будто и не было хищных глаз, странных тварей, пришедших, чтобы убить Конана.

Глава 19

Ритуал Прощания

Рога Нергала, зачем мы поперлись в эту дурацкую поездку? Если бы Конан не видел перед собой Корделию, даже забудь он звук ее голоса (что, впрочем, вряд ли было возможно) — он и тогда ни терции ни сомневался бы, кто произнес эти красочные слова.

— Корделия, — с упреком ответил киммериец. — Когда я пару зим назад познакомился с твоей матерью, она была уверена, что ты поступила в жреческую школу в Тарантии, и учишься разным изящным искусствам. Что бы она сказала, услышь тебя сейчас?

— Надеюсь, ты ей ничего не брякнул? — с некоторой тревогой спросила девушка.

Она прекрасно знала, что Конан не из тех, кто распускает язык, и все же перспектива расстаться со своей маленькой тайной изрядно ее напугала.

— Нет, — сказал киммериец. — Правда, пришлось солгать, что пора выйти в сад принести жертву богам. Надеюсь, Кром простил меня за эту вольность. Но мне надо было остаться наедине, чтобы вдоволь поохотаться.

— Посмеяться? — Корделия вспыхнула, как кхитайская черная пудра. — А что смешного? В детстве я три зимы училась при храме.

— Страшно даже подумать, чему, — ответил киммериец.

Крылатый паланкин нес их высоко над дорогой, посреди парадной процессии.

Во главе ее летел сапфировый дракон — символ мощи и процветания королевства. Люди, издали завидев чудовище, скидывали шапки и почтительно кланялись ему, приговаривая:

— Взгляни на нас, трехлапая жаба!

Считалось, что эти слова, произнесенные с закрытыми глазами, принесут человеку удачу и богатство, — когда крохотная капля волшебства упадет на него с широких крыльев дракона.

Гордая голова с умными, пронизательными глазами поднималась на гибкой, изящной шее лебедя.

Каждая чешуйка казалась зеркалом, в которой отражается все мироздание. Длинный упругий хвост с каждым мгновением чертил на небе многоцветную радугу. Мало кто знал, что волшебное существо — на самом деле мираж, соз-

данный чародеем Гроциусом и тремя придворными архимагами.

Никто не осмелился бы приручить сапфирового дракона, и тем более, пустить его во главе парадной процессии, в которой участвуют все первые лица государства. Сделать так — было бы простым и эффективным способом избавиться ото всех них разом.

Вслед за иллюзией, летели всадники на красных драконах — каждый в черном обсидиановом доспехе, с янтарной пикой и зачарованным мечом-гладиусом. Броня и оружие были благословлены Верховным жрецом Гаркванусом, и лик умершего жреца время от времени появлялся то над одним, то над другим рыцарем.

Затем следовали крылатые паланкины — тяжелые, выкованные из бронзы, и совсем невесомые, сотканые гигантскими шелкопрядами. В них восседали министры и советники; а впереди всех скользил Трибун Ортегиан, в экипаже из прозрачного ясеня, с радужным четырехкрылым бабочки.

Два отряда королевских грифонов, справа и слева, сопровождали высших сановников; а позади летели Багряные Фениксы.

— Поистине необычный ритуал, друг мой Терранд, — заметил карла, кутаясь в тяжелый двойной вязки плед из шерсти мантикоры.

Правитель обычно набрасывал его, когда путешествовал в паланкине. Лишенный ног, он выглядел зловеще и грозно, когда покачивался над землей, — но сидя, приобретал вид совсем уж неприглядный, и предпочитал покрывало.

— Признаться, я так до сих пор и не уловил сущности нашей веры, хотя жрец Гаркванус — смилуйся над ним великий Радгуль-Йорор! — много раз пытался растолковать мне ее.

Народ, к которому принадлежал Ортегиан, жил на северо-востоке Валлардии, в небольшом ущелье. Местные жители редко встречались со своими соседями из других деревень, — что, несомненно, пошло на пользу обеим сторонам, поскольку необычный облик карликов не мог не вызывать омерзения, а порой и ненависти среди людей.

Даже сейчас, когда один из Гассиусов стал Трибуном, почти все его подданные верили, будто ноги он потерял в какой-то суровой битве — возможно, именно тогда, когда пал король Димитрис. Мало кто мог поверить, что сыны этого народа рождаются именно такими, а возможность ходить заменяет им небольшой вихрь, вращающийся под их, вроде бы обрубленным, телом.

В Ущелье исповедовали совсем иную религию, о которой никто в Валлардии не знал, да и вряд ли нашлось бы много людей, которым бы

захотелось узнать ее подробности. На людях Ортегиан провозглашал хвалу Радгуль-Йоро и трехлапой жабе, однако что он думал о них на самом деле — не знал даже чародей Гроциус, от которого, казалось бы, не укрывалось ничто во дворце.

— Если боги даруют нам лишь то, что для нас лучше всего, почему люди оплакивают умерших? — спросил Трибун. — Ведь тот, кто покинул сей бренный, полный страданий мир, должен быть счастлив предстать перед ликом всевидящего Йоро.

— Это так, — буркнул Терранд, который поклонялся только одному кумиру — духу своего прадеда, Иберийского дракона.

Ортегиан продолжил, поправляя плед:

— Так почему же мы оплакиваем их судьбу, если считаем себя верующими? Не выходит ли так, что те, кто и правда почитает Радгуля и жабу, должны искренне радоваться смерти тех, кого любят, — а также всячески приближать их кончину, чтобы подарить им счастье?

Терранд ничего не ответил, ибо полагал, что жизнь даруется сильным, а смерть — слабым; потому нет смысла жалеть тех, кто умер, ибо они столь же недостойны жить, как навоз не может превратиться в благородный металл.

Их нагнал массивный паланкин жреца Долабеллы; затейливый мастер выполнил его так,

что казалось, будто экипаж сложен из настоящего мрамора, и Верховный Священник летит в небольшом храме. У Долабеллы, как всегда, нашлось много пустых вопросов к Трибуну, и Ортегиан был вынужден прервать свой разговор о религии.

Конану достался один из королевских экипажей Валлардии, вытесанный из орехового дерева и украшенный золотыми блестками.

Корделия, конечно же, много раз порывалась отколушнуть одну или две и засунуть в потайной карман, но Конан вовремя объяснил ей, что это подделка. Девушка не то, чтобы не поверила, и все же порой бросала на спутника взгляды, полные сомнения — а что, если киммериец все же солгал ей, желая спасти экипаж от разорения?

— Ханро Трехрукий приглашал меня на гладиаторскую арену, — продолжала девушка.

Она с омерзением подергала за краешек платья, которое ей пришлось надеть ради торжественной поездки. Одевание было розовым, с неожиданно яркими голубыми буфами и россыпью жемчуга, — и впрямь, про себя согласился Конан, на редкость омерзительное на вид.

Но короли Валлардии, начиная с Лендо Говоруна (незаконного внука Оззрика) страдали

странной, наследственной болезнью — видели цвета не так, как все остальные люди, и поэтому им, без сомнения, это платье казалось верхом совершенства.

— Наемники устраивают нечто вроде турнира. Приз — сто тысяч золотых. Конан, я бы могла победить их всех.

— И оплатить обучение в жреческой школе, — чуть слышно подсказал киммериец.

Девушка с подозрением взглянула на него — уж не сказал ли украдкой какой-нибудь гадости в ее адрес, — но потом снова воодушевилась.

— Только представь, Конан. Они осмелились бросить вызов мне — той, кого в Валлардии называют королевой Арены! И вместо того, чтобы надрать им уши, я трясусь с тобой в этой нелепой табакерке, и даже сама не знаю, зачем.

Девушка была несправедлива к крылатому паланкину — тот летел так плавно, что казалось, будто они летят по воздуху.

— А можно оторвать буфы? — мрачно спросила Корделия.

— Боюсь, этим вы нанесете непоправимый урон нашей великой истории, — сухо усмехнулся Ортегиан.

Экипаж Трибуна поравнялся с ними.

— Каждое из этих платьев — страница нашего прошлого. В этом, если я не ошибаюсь, была племянница короля Лендо, когда ее трижды из-

насиловали, а после четвертовали... Можно ли губить такое сокровище?

Вновь коротко усмехнувшись, он направил свой паланкин в начало процессии.

— Вот как! — воскликнула Корделия. — Так ты еще и платье убитой на меня напялил.

— Полностью с вами согласен, — раздался голос Верховного жреца Долабеллы. — Пользоваться вещами мертвых — великий грех и страшное святотатство. Это приносит горе и им, и нам. В бытность свою помощником несчастного Гарквануса...

Он выдержал положенную приличиями паузу, желая показать, как скорбит о потере учителя.

— ...Я написал несколько докладов об этом и просил передать их Трибуну. Думаете, кто-нибудь меня послушал?

Корделия закинула ногу за ногу, пустив в жреца одну из самых эффектных стрел, на какие способна кокетка; однако священник остался невозмутим, и даже не заметил ее стараний — много зим назад, еще учеником при храме, он был оскроплен (как и полагалось всем служителям Радгуль-Йоро), и теперь мог испытать плотское удовольствие только в объятиях мускулистого наложника-кушита.

— Мне говорили, что вы будете проводить ритуал Успокоения? — спросила девушка.

Лицо Долабеллы расслабилось, потеряв форму. Ему было приятно поговорить о своих новых обязанностях — ведь еще совсем недавно, при жизни Гарквануса, он даже не мог и мечтать о том, чтобы посягнуть на них.

— Это не совсем ритуал, дочь моя, — отвечал он. — Мы должны проститься с душами людей, погибших при обрушении Храма, и позаботиться о том, чтобы все они нашли приют в бескрайних долинах Радгуль-Йоро.

Он повернулся туда, где скользил паланкин Трибуна.

— Возможно, вы тоже слышали те богохульные речи, что вел Ортегиан с нашим генералом. Что касается Терранда, ему простительно; он здесь чужак, да и, прости меня трехлапая жаба, не человек вовсе. Но нашему правителю не пристало говорить такие мерзости о богах.

— Смотрите! — воскликнула Корделия, подавшись вперед. — Лунный Храм!

Лицо Долабеллы побледнела, ибо его прервали в самом начале длинной и весьма поучительной речи о богах и месте человека в мироздании. Конану пришлось поспешно пересест к краю экипажа, иначе девушка, потянувшись через край, наверняка перевернула бы паланкин.

— Во все нет, дочь моя, — строго и наставительно возразил священник, недоумевая, как можно не понимать таких обычных вещей. — Это

Шпиль Эзерии; Храм же располагался тремя каскадами выше. К несчастью, вы не сможете его увидеть — мощные заклинания курсайтов разрушили весь комплекс до основания.

Здание, мимо которого они пролетали, и правда можно было принять за обитель богов.

Вытесанное из единого куска белого мрамора, оно потом было покрыто обсидиановой краской (в которой алхимик смешал сок мандрагоры и дыхание черного дракона), и на короткое время приобрело серый, пористый вид, словно мастер сложил его из простого песчаника. Спустя три недели, поверх первого слоя был нанесен второй, ярко-алый, из семян гигантского гриба-людоеда, и теперь, когда все высохло, казалось, будто перед путником открылась единая, вздрагивающая капля горячей крови, воплощенная в камне.

— Здесь мать-Земля, великая Амирисса, дарует нам, своим детям, великий бесценный дар; молоко недр, которыми она вскармливает нас, как неразумных младенцев...

Жрец Долабелла собирался и дальше нанизывать одну бусину красивых слов за другой, но Корделия бесцеремонно перебила его, спросив:

— Чего?

— Джарта — магическое вещество, которое в Валлардии добывают прямо из земли, — пояснил Верховный жрец, и сам ужаснулся тому,

как сильно пришлось упростить его объяснение. — Наверняка вы заметили, что наш Трибун не похож, н-да, на обычного человека; то же и с Гроциусом.

Он провел рукой по лицу — жрец сам не заметил, как позаимствовал жест у Ортегиана. Однако в исполнении Долабеллы это движение смотрелось совсем не так эффектно, а если говорить напрямик — то совсем скверно. Правителю оно придавало вид важный и значительный; священник же смотрелся со стороны нелепо.

— Сомневаюсь, — говорил он меж тем, — что в другом краю человек мог бы остаться жив, лишившись всего тела, — даже будь он таким опытным и умелым чародеем, как дворцовый архимаг. Все это действие джарты, дитя мое; она сочтется из земли, наполняя все вокруг испарениями волшебства.

— Наверняка она дорого стоит, — заметила Корделия, прикидывая, а найдется ли у нее флакончик, чтобы накапать немного.

Подобное отношение к святыне произвело на Долабеллу столь сокрушительный эффект, что он несколько мгновений просидел с раскрытым ртом, точно ожидая, когда внутрь, наконец, влетит муха. Придя в себя, он смерил наемницу грозным взглядом и сообщил:

— Джарта столь ценна, что никто в Валлардии даже помыслить не может о ее продаже.

Вся, до последней капли, она доставляется в Верховные храмы, где мы, служители Радгуль-Йор, творим чудеса Его именем...

Он помахал перед лицом девушки пальцем.

— Каждый шпиль охраняют три мантикоры, и шестеро стражников из элитных полков Терранда.

Конечно, говорить этого не стоило, даже если не знать Корделию; Конан же про себя пришел в ужас, понимая, что девушка тут же начала строить план нападения на Шпиль.

Да и могли ли остановить ее какие-то жалкие мантикоры? Аквилонка могла пойти даже на сапфирового дракона, охраняя зверь то, что можно выгодно продать в Шадизаре или Замбуле.

Киммериец поспешил перевести разговор.

— Говорят, в Курсае месторождения побогаче, — заметил он.

Долабелла плюскнул губами, обрызгав обоих собеседников слюной.

— Браки, истинно, истинно говорю вам! — сообщил жрец. — Да и можно ли помыслить о том, что Небесные Боги наградят таким богатством их, жалких курсаитов, которые считают, будто Радгуль-Йор — прости меня трехлапая жаба! — родился из яйца, а потом из своих щек создал луну и землю!

— А откуда взялся океан? — спросила Корде-

лия, которая могла блеснуть любопытством в самый неподходящий момент.

Жрец покраснел и глаза его от возмущения выкатились из орбит, словно он сам превратился в жабу.

— По их версии — из плевка, — отвечал он.

Киммериец чувствовал, что милая беседа, начавшаяся как простое обсуждение богов, скоро грозит перейти в нешуточный спор, в ходе которого девушка получит от жреца пощечину, а тот в ответ — кинжал в горло по самую рукоять.

— Милый Долабелла, — произнес Конан кротко, против воли подражая рассыпчатому тону Гроциуса. — Я полагал, что Верховный жрец должен обязательно посетить Шпиль Эзерии, когда оказывается рядом. Можно ли допустить, чтобы столь ценное вещество, как джарта, разливалось по сосудам без вашего присмотра?

Священник сглотнул — как жаба, пожравшая стрекозу целиком, — и его лицо побледнело так сильно, будто слова Конана разом выпустили из него всю кровь.

— Разумеется, — отвечал тот, сжав рукой амулет Радгуль-Йоро, висевший на шее. — И правда, я слишком заболтался с вами.

Жрец даже не заподозрил в словах киммерийца то, что кушиты называют «нехитрой хитростью». Конан не смог найти лучшего способа

отвлечь жреца и Корделию, и тем самым избежать ссоры. К тому же, Долабелла совсем недавно занял должность Верховного жреца, и еще не успел полностью ознакомиться со всеми обязанностями, которые должен выполнять. Поэтому, оправив парадную тогу и для успокоения нервов высморкавшись в расшитый золотом платок, жрец направил свой мраморный паланкин к Шпилю Эзерии, оставив Конана и девушку продолжать путь вместе с процессией.

— Наемники мне не нравятся, — сказал Терранд.

— Вот как? — искренне удивился Ортегиан.

Карла хорошо знал, что сам полудракон был солдатом удачи, и возглавлял отряд искателей приключений, когда впервые появился в Валлардии. Там он быстро обрел славу и почет, которых вполне заслуживал, и вскоре получил предложение возглавить армию молодой республики.

Трибун не мог понять, почему люди больше всего ненавидят тех, кем сами были совсем недавно.

— Мне не по душе, что вы пригласили наемников, — произнес военачальник. — Эти люди не знают ни верности, ни чести; они побегут с поля боя, как только почувствуют, что битва проиграна.

«Откуда тебе все это так хорошо известно? — неторопливо мурлыкал про себя Ортегиан. — Не иначе, сам именно так вел себя, когда продавал свой меч в Офире и Туране. Думаю, друг Терранд, ты не раз поворачивал вспять, следуя совету древнего поэта (имя которого, впрочем, ты вряд ли знаешь) — «щит мой заброшен в кусты, жизнь я зато сохранил».

Паланкин неторопливо покачивался над дорогой, убаюкивая Трибуна. Большинство экипажей летели плавно, однако правитель нарочно выбрал для себя тот, что слегка колебался в воздухе, словно лодка на спокойной реке. Ортегиан уже не слушал слов полководца, который горячился все больше, — вместо этого, карла медленно погружался в свои мысли, словно в приятный сон.

«Да, Терранд! — размышлял он, глядя на раскинувшуюся у подножия гор долину. — Наверное, тебе не впервой видеть лицо генерала, которому ты еще несколько дней назад клялся в верности, — когда теперь, на поле проигранного боя, он оборачивался к вам, наемникам, что столь дорого обошлись стране! Он ищет вас там, где вопиет ваш воинский долг, может быть, на последнем рубеже перед накатывающей армией неприятеля — и что же видит? Лишь ваши спины, да грязь и песок, несущиеся из-под копыт ваших коней столь же стремите-

льно, сколь и вы сами бежите прочь! Вначале черты его отражают недоумение, он не в силах поверить, что люди, с кем его соединило солдатское братство, способны предать. Потом ярость заливаает его глаза, кожу, заставляет широко распахнуться рот, — и гнев этот тем сильнее, что это чувство не на кого выплеснуть, а вы, предатели и изменники, наверняка избегнете правосудия. И вот наконец все эти чувства уходят, оставляя место последнему — отчаянию, ибо бой проигран, и смерть несется к нему на кончике чьего-то копья... Да, Терранд? Эти картины вставали перед тобой, когда ты через силу пожимал руки наемникам в парадной зале дворца? Или ты вспоминал, как со своими товарищами — наверное, кого-то из них ты и встретил на том приеме! — сидя в прокопченной таверне, и гремя тяжелыми кружками с хмельным вином, вспоминали потешное лицо генерала, и его беспомощный крик: «Вернитесь, дети Эрлика! Вернитесь и бейтесь до последнего!» И слова эти — возможно, последние, — вызывали у вас смех. Его ты слышишь сейчас? И хохот, который вырывался из твоей собственной глотки, мешается в твоей голове с тем, что будет адресован тебе, оставшемуся стоять посреди бегущего войска? Не бойся, мой друг Терранд! Этого никогда не случится, ибо план войны уже подготовлен; наш удар будет

быстр и милосерден, а у курсaitов не останется даже шанса сопротивляться нам...»

Выйдя из полудремы, словно проснувшись, Ортегиан увидел, что военачальник замолк, и теперь в ожидании смотрит на него. Трибун никогда не произнес бы вслух того, о чем думал; он сказал другое — простую и порой печальную правду.

— Я полностью согласен с тобой, друг Терранд, — мягко молвил правитель. — Но согласись, что легионы Валлардии уже не те, что когда-то. После того, как войско сражается с врагом, лучшие солдаты в нем погибают. Но что станет с армией, если она ожесточенно билась сама с собой? Ее потери будут в два, в три раза больше, чем при обычной войне! Вспомни о тех, кто остался в живых, но покинул республику, не желая служить новым порядкам. Да, наши полки по-прежнему сильны, но их мало. Нам удалось собрать ополчение, но кто его натренирует? возглавит? Людей у нас не хватает, а из тех, кто носит форму, вряд ли даже каждый второй достоин доверия. Так не лучше ли пригласить наемников, чьи силы и слабости нам по крайней мере известны? Мы не станем посылать их туда, где грозит большая опасность, туда, где лишь горящее сердце патриота может склонить чашу весов к победе, — а купленный за деньги наемник предпочтет убежать. Мы не

хотели этой войны, Терранд, но нам придется ее вести; так постараемся же использовать все возможности, которые дает нам судьба, и не станем сетовать на то, что их слишком мало.

Слова Трибуна не могли полностью убедить собеседника; но полудракон понимал, что выбора у них действительно нет, и потому не стал возражать, а лишь сильнее сжал в когтистых руках маршальский жезл.

Процессия достигла обрушенного святилища, когда далекое солнце, глаз бессмертного Радгуль-Йоро, поднялось высоко над Шеррандскими горами. Оно замерло, казалось, над самым кратером. Зрелище, представшее глазам путников, было одновременно и величественным, и ужасным, и даже те, кто уже видел останки некогда величественного здания, невольно затаили дыхание, будто вновь стали свидетелями смерти великого и мудрого человека.

Огромное строение, с вершины которого можно было увидеть ущелье Каз-гуль, теперь лежало в развалинах. Словно божественный папелец Радгуль-Йоро коснулся его алмазного шпилья, вдавил его, обрушив колонны и стоявших на фасаде великанов, что воздевали руки к пяти сторонам света — северу, югу, востоку, западу и к самой главной части мироздания, к обители богов, Выси Небесной.

Серые обломки мрамора казались теперь обутлившимися головешками, оставшимися после лесного пожара. Среди них ходили монахи, встряхивая кадильницами, а некоторые несли над собой штандарт, с флагом Валлардии и резной фигурой трехлапой жабы над знаменем. В первые дни, жрецы искали раненых, оставшихся в живых — но таких было слишком мало, да и те почти все умерли в течение суток. Теперь служители богов вели здесь негромкие разговоры с душами умерших, провожая их в небесные пределы Радгуль-Йоро, и выкладывали им путь молитвами и ритмичным звоном храмовых колокольчиков.

Время от времени, среди бритых иноческих голов показывалась кокарда сержанта, а следом за ней появлялся отряд королевских стражников (они по-прежнему так назывались, несмотря на произошедшие в стране перемены). Никто не мог бы сказать, что, а, главное, от кого охраняют солдаты на развалинах храма, однако в первый же день после катастрофы, Трибун издал указ о почетном карауле, и этот шаг с благодарностью и восторгом приняла вся страна.

Чародей Гроциус, то и дело бросавший озабоченные взгляды на далекое светило, наконец позволил себе немного расслабиться. Ритуал Прощания следовало проводить в строго определенный момент; а торжественная процессия

то и дело задерживалась — то по вине кучеров, то своенравного грифона, а то из-за пустого каприза какого-нибудь дворцового сановника.

Верховный жрец Долабелла, которому следовало отвечать за проведение церемонии, был одним из тех, кто создавал больше всего проблем в дороге, и колдун понимал, что если он сам не проследит за всем лично, Ритуал не удастся провести вовремя, а большего позора для дворца сложно будет придумать.

Впрочем, надо признать, что во времена королей Валлардии, хлопот и проблем с торжественными процессиями было никак не меньше, и это в очередной раз заставляло спросить себя — много ли стоят на самом деле те перемены, которые принесла с собою новая власть.

— Теперь ты наконец мне можешь сказать, зачем мы сюда приехали? — спросила Корделия, улучив момент, когда возле их паланкина не было докучливых слушателей.

— Мне хочется взглянуть на обломки храма. Все только и говорят, что строение рухнуло, и в этом виновны курсайты. Ты видела Ортегиана; видела Гроциуса. Такие люди никогда не поверили бы простому гаданию, — пусть даже и такому торжественному. Голова Гарквануса назвала убийц — но я сомневаюсь, будто Трибун спо-

собен легко поверить подобному обвинению, даже вылетит оно изо рта статуи Радгуль-Йоро...

Киммериец задумчиво смотрел на далекие развалины — и видел в них не памятник человеческому бессилию, не кровавый росчерк богов, что способны одним движением отправить на смерть тысячи своих верных слуг, — но загадку, которую следовало разрешить.

— По-твоему, Ортегиан что-то скрывает?

— Офирская пословица гласит — каждому из нас есть, что скрывать, иначе никто не носил бы одежды. Трибун никогда не расскажет мне больше того, что, по его мнению, я должен знать — а мне он отвел роль парадной куклы, деревянного болванчика, который должен веселить народ и время от времени героически взмахивать мечом. Сомневаюсь, что Ортегиан поделится со мной хотя бы крупницей своего плана. Долабелла сказал, что Ритуал длится довольно долго. Пока все остальные будут увлечены им, я спущусь вниз и посмотрю на обломки. Что-то подсказывает мне, я смогу найти там гораздо больше, чем хотели бы нам показать наши радушные хозяева...

Лизардмен вскинул вверх руку с посохом.

Голова чародея Гроциуса отделилась от волшебного жезла, и взмыла высоко в воздух. Не-

сколько густых капель крови упали из рассеченной шеи волшебника, опустились на холодные камни, вязко заструились по холодным изумрудам.

Чародей порой спрашивал себя, отчего это происходит, и не теряет ли он при этом частицу жизненной силы, укорачивая свою жизнь. Несколько раз он даже решал больше никогда не соединяться с посохом, поскольку расставание с ним всегда стоило дорого. Однако после спокойных размышлений, чародей вновь и вновь приходил к выводу, что отказавшись от жезла, он тем самым лишится и поста верховного колдуна Валлардии.

Многие дворцовые архимаги стремились занять это место. Говорили даже, что Фогаррид, а вслед за ним и Ортегиан так ценили Гроциуса именно потому, что считали — его ущербность делает чародея менее опасным в борьбе за власть. И все же лишившись волшебного посоха, чародей превратился бы всего лишь в летающую голову, — а никакие способности и заслуги не в состоянии спасти человека, который не смотрится королем.

Паланкины торжественной процессии уже выстроились в круг, поднявшись в нескольких сотнях локтей над землей.

Для многих дворцовых сановников подобные ритуалы были своего рода символом их значи-

тельности. Только самые важные из советников и министров допускались сюда (скажем, Немедия среди них не было), и о людях, что ходили по коридорам замка, но никогда не поднимались в небо на летающем экипаже, за спиной говорили — «черви».

Ирония, но Ортегиан был среди них единственным, кто боялся высоты.

Возможно, и странно ожидать такого от человека, который от рождения получил способность летать, а потому один из всей кавалькады мог не бояться разбиться о скалы насмерть, если его волшебный паланкин внезапно утратит силу.

Несколько раз так бывало с сановниками дворца, однако об этих случаях не принято было говорить: во-первых, подобные истории сильно портили все удовольствие от того, что ты принят в избранный круг и можешь подниматься так высоко; а во-вторых, никто не мог знать наверняка, были ли это несчастные случаи, или исполнение тайной монаршей воли.

Возможно, именно потому, что Трибун сам владел искусством полета, лишь он был в состоянии оценить ее опасность; так человек спокойно и весело идет по заросшей цветами поляне, если не знает, что в траве здесь водятся змеи. Незнание порой делает нас отважнее льва, а это

значит, что храбрость — обратная сторона глупости.

Однако люди, собравшиеся к развалинам Храма из соседних селений, не могли даже заподозрить своего правителя в страхе. Им, жавшимся по узким каменным кручам, Ортегиан казался существом из иного мира — всеильным, всевидящим, возможно даже, одним из богов, посланным трехлапой жабой спасти их.

Многие из них пришли из дальних краев, чтобы почтить память родных, которых Радгуль-Йоро, в великой своей милости, обрек на смерть под обломками камня. Другие направлялись к Храму, в надежде успеть на богослужение, но опоздали — к превеликому для себя счастью, а потом остались здесь, славя богов за спасение.

Третьи пришли сюда, движимые жадным любопытством — им хотелось увидеть воочию то самое место, где столько народу погибло, ибо рассказы, бродившие по улицам городов, подбрасывали в огонь людских сплетен все новые и новые хворостины подробностей.

Говорили, будто на месте храма распахнулось озеро крови, а некоторые утверждали, так что и вовсе фонтан; другие твердили на площадях, что души Гарквануса и других монахов все еще бродят там, где расстались с телом, и если подкрасться незаметно к одному из таких при-

зраков, да и набросить на него мешок — можно будет унести домой и хранить в подвале, и с тех пор богатство в доме не переведется.

Нет такой трагедии, что не стала бы развлечением; десятки гибнут, сотни скорбят, а тысячи возбужденно наслаждаются рассказами о смерти и разрушениях.

Горы, окружавшие останки строения, не были, конечно, приспособлены для того, чтобы служить трибунами. И все же, глядя на толпившихся там людей, Гроциус не мог избавиться от мысли, что Храм не исчез — просто раздался в стороны, растворился в скалах, окружавших его, в земле у их подножия, в самом небе; человеческие фигуры все так же лепились к холодным каменным глыбам, в тщетной надежде найти у них защиту и покровительство.

Двадцать глашатаев вышли к развалинам, образовав вокруг них идеальный круг — чародей Гроциус много дней тренировал с ними этот выход, поскольку обычно они привыкли вставать на невидимые метки, вплетенные в орнамент или иные украшения пола. Здесь же ничего подобного не было, а любую попытку переложить хотя бы один камень (и тем самым создать новый ориентир) заметили бы паломники.

Подняв тонкие трубы, вестники вознесли к небесам скорбную хвалу богу, чья милость так велика, что он убивает тех, кто перед ним безза-

щитен. В то же мгновение, над развалинами воспарили летающие платформы, — по числу главных богов Валлардии. На каждом стоял жрец в парадном одеянии, с длинным свитком молитв в руках, никогда не знавших труда.

Один за другим, они начали обращаться к Радгуль-Йорро, и там, где заканчивал первый, подхватывал третий, тогда как второй, стоявший меж ними, читал уже другую строку, так что невозможно было разобрать слов. И все же каждый, слушавший их вдохновенное пение, мог понять их молитву — не разумом, но душой.

И все-таки тот, кто много веков назад составлял канон Ритуала, знал человеческую душу гораздо лучше, чем положено простому служителю бога, который должен видеть в людях лишь тлен, созданный по прихоти небожителя и обреченный на смерть его скукой и бессердечием.

Пение жрецов, как бы ни было оно прекрасно, не смогло бы надолго увлечь собравшихся — если быть точным, люди начинали скучать уже на третьей терции, тем более, что слова молитвы, обращенные к Радгуль-Йорро, им приходилось слышать и раньше.

В разных сочетаниях, то на одном, то на другом храмовом празднике — все они были одинаковы, — как сказал великан, когда у него спро-

сиали, был ли король среди пожранных им людей.

Вот почему молитва была лишь одной частью Ритуала — и хотя почиталась главной, была ею только в глазах Верховного жреца да немногих истово верующих, что приходили в Храм ради бога, а не ради себя.

Глашатаи снова подняли трубы, и на сей раз из их начищенных жерл вылетели не стройные звуки музыки, но янтарные, огненные и голубые ленты; они то светились и переливались искрами, то превращались в молнии, то растекались над головами людей расписной радугой.

Но вот волшебные ленты начали принимать вид летающих змеев; яркие разноцветные крылья, словно диковинные цветы, раскрывались на их гибких телах, и вздрагивали, словно опахала из страусовых перьев, поднимая магические существа все выше. Тонкие головы с любопытством оглядывали людей, короткие уши вздрагивали, ловя неясные переливы жреческого пения.

Добравшись до неба и купаясь в лучах солнца, глаза Радгуль-Йоро, колдовские создания стали превращаться в драконов — черных, красных, даже сапфировых, и у каждого на боках искрился радужный герб Валлардии.

Молитва становилась все громче; священники вили ее нить так искусно, что казалось, буд-

то все они молчат, а торжественные звуки рождаются сами, из глубины холодных скал и горячих человеческих слез.

Драконы над головами людей начали взрываться; каждый из них превращался в сверкающий фейерверк, и крошечные его капли падали на подставленные ладони, вспыхивали на мгновение и гасли навсегда, как надежда.

— Чародей Гроциус как следует постарался, — заметил карла, оглядываясь через плечо на сверкающие меж скал магические огни.

Его паланкин был повернут так, что Трибун оказался спиной к торжественному зрелищу. Зато его собеседники могли в полной мере оценить феерию красок, не прерывая разговора.

Никто из них не мог сказать наверняка, сделал ли это Ортегиан случайно или из дотошной, не упускавшей ни одной мелочи вежливости, которая была так ему свойственна.

“Уложение о почтительности к монарху”, составленное еще прадедом Димитриса, требовало, чтобы всякий, обращавшийся к королю, находился к нему лицом.

Трибун считал это правило одной из многочисленных глупостей, которые всегда порождает государственный механизм; поэтому в частных беседах никогда его не придерживался, однако на людях вынужден был соблюдать, памя-

туя о том, как дорого обошлось Фогарриду его стремление быть ближе к народу.

— И правда, — произнес Терранд, который не мог одобрить того, что магическая энергия безрассудно тратится ради увеселения толпы. Разве не было бы лучше потратить ее на то, чтобы разгадать тайну курсаитского барьера? — Однакоже всем хорошо известно, что драконы так не взрываются; в каждом из них кроется столько колдовской силы, что после смерти они уничтожают все вокруг, не хуже Черного Орба.

— Да, — сухо кивнул Трибун, недовольный его неуместным выпадом. — Поэтому нам и надо следить, чтобы ничего не случилось с нашим дорогим другом Гроциусом, в котором астральной мощи куда как больше...

Долабелла хотел спросить, смог бы могущественный чародей разрушить ценой своей жизни такое большое строение, как Храм — возможно, именно таким способом курсаиты смогли его уничтожить.

Однако новые слова Трибуна заставили жреца забыть столь мелкую и никчемную тему.

— Надо решить, кто возглавит архимагов, — мягко произнес Ортегиан.

Терранд опустил подбородок, что означало согласие.

— Признаюсь, мне не по душе, сир, что один человек возглавляет армию, тогда как волшеб-

никами командовать предстоит другому, — молвил военачальник. — Однако я понимаю, что другого выхода нет.

— У имперского боевого мага забот действительно много, — подтвердил Долабелла. — Надо благословить солдат и оружие, наложить защитные заклинания и следить за тем, чтобы вовремя рассеивать зловредные чары, наложенные противником.

Он уселся поудобнее на своем мраморном паланкине и важно помахал пальцем, так что со стороны казалось, будто жрец вознамерился поковырять в носу, да малость промахнулся.

— Также следует посылать на врага порчу и метеоритный дождь, замедлять его войско и приводить в замешательство, отчего солдаты забудут, за кого им надо сражаться; а самое главное, следить за колебаниями астрала, ибо иначе одни заклятия выйдут чересчур сильными, а другие — слишком слабыми; и тогда магическая броня придавит твоих воинов к земле, не дав им пошевелиться, а огненные стрелы, напротив, придадут сил врагам.

На протяжении этой тирады Ортегиан нетерпеливо водил перед собой ладонью, словно старался поймать и пришибить надоедливую муху (которой, без сомнения, и был Долабелла), — потом же, воспользовавшись искоркой просвета в словах священника, поспешно вставил:

— Потому и нужно назначить нового боевого мага как можно скорее. Ранее эту должность занимал Гаркванус...

Терранд пришел ему на помощь, не давая Долабелле встрять с новой пространной речью:

— Как и полагается Верховному жрецу, согласно традиции.

Священник с важностью кивнул головой.

Долабелла принял вид важный и многозначительный, какой нисходил на него всякий раз, как наступало время принимать богатые дары прихожан; мало кто знает, но жрецы созданы богами только затем, чтобы радовать нас и укреплять наш дух простым и понятным способом — отнимая у человека последнее, что у того есть.

— Однако сейчас мы от нее отступим, — скороговоркой промолвил Ортегиан. — И назначим боевым магом Гроциуса.

Лицо Долабеллы вытягивалось все больше, словно тесто в пальцах неумелой хозяйки.

Радгуль-Йоро, а может быть, трехлапая жаба подарили Ортегиану редкий талант — говорить то, что необходимо, и всегда вовремя.

Вот и сейчас он выбрал момент, когда Гроциуса не было рядом — с тем, чтобы показать: тот не имеет никакого касательства к принятому решению, и вовсе не интриговал за спиной Долабеллы. К тому же, это позволяло избежать неизбежной ссоры между ними.

И словно этих двух причин было недостаточно, имелась и третья — именно сейчас Гроциус стяжал себе заслуженную славу, как устроитель красочного и пышного ритуала, который, если точно следовать дворцовому протоколу, должен был провести Долабелла.

— И в самом деле, друг мой, — продолжал поспешно Ортегиан, не давая собеседнику вставить слово. — Ты только вступил в должность, и еще не успел как следует освоиться...

Жрец открыл рот, пытаясь что-то сказать, и в этот момент и правда стал похож на трехлапую жабу; впрочем, никто не назвал бы это сравнение комплиментом.

Трибун поднял руку, давая понять, что разговор окончен.

Глава 20

Верховный жрец

Долабелла, не помня себя от гнева и из последних сил стараясь скрыть его, спускался по лестнице, торопясь покинуть дворец. Тонкая иссохшая лапка глубокого старца, мага — Учителя, неведь откуда появившегося, схватила его за рукав золотистой мантии.

Долабелла любил старика, многому у него научился, но сейчас, остановившись, почти со злобой вглядывался в острые черты, испещренные тонкими шрамами — следы когтей болотной птицы фрозы, печень которой составляет один из ингредиентов эликсира жизни, раз оставленные, никогда не исчезают.

Маг рассказывал о каком-то открытии, посмеиваясь, довольно потирая руки, и Долабелла, инстинктом улавливая нужные моменты, тоже улыбался, удивлялся и одобрял. Наконец старика кто-то позвал, и жрец, делая вид, что

не слышит призывов подождать, почти сбежал по лестнице к своему паланкину.

Торопясь и наступив на край длинной мантии, он едва не упал, что еще больше ухудшило настроение — падение после выхода из дворца считалось плохим знаком.

Восемь носильщиков с одинаковой татуировкой на лбу, изображающей абрис семигранника храма и свидетельствующей о принадлежности к его низшим служителям, ожидали возле центрального фонтана.

Они молча подняли носилки, покрытые серебристым атласом, натянутым на металлический каркас и подставили складную лестницу с широкими ступенями.

Она была рассчитана на то, что жрец, не теряя достоинства, неспешно всходил к своему месту. Как только были задернуты шторы входа и окон, Долабелла позволил себе расслабиться.

Нервное лицо исказила злая гримаса, он наматал на руку длинную золотую цепь, свисающую с шеи и дергал ее так сильно, как будто хотел задушить ею кого-то невидимого. Однако сам жрец слишком хорошо видел лицо врага, маячившего перед глазами призрачным порождением.

Он видел его темное бездонное око, которое хотелось вырвать, зацепив большим пальцем и

долго топтать ногами. Мысли метались в голове, гневные, сожалеющие, мстительные.

Жрец вытянул ноги, откинувшись на спинку мягкого сиденья. Жара казалась нестерпимой, и он слегка отдернул шторку окна, в образовавшуюся щель скользя взором по немеркнувшей, непростой красоте Уединенных Дворцов.

Чужие люди, наемники, бродили между постройками, фонтанами, вечнозелеными кустарниками, из которых младшие маги и служители вырезали фигуры зверей, цепи Языков Пламени, низвергающиеся водопады, сцены охоты, поединков, уборки урожая. Долабелла злорадно отметил, что на лицах чужестранцев была написана скука.

«Грязные твари, — подумал он, — вам ли понимать красоту. Вам плохо, ведь здесь нет ни трактиров, ни девок, ни азартной игры. Даже подраться между собой вы не смеете, изображая достойных гостей Трибуна».

И как только имя это мелькнуло, на миг забытое, он вновь преисполнился ненависти.

«Я помогал тебе, жалкий уродец! Такова благодарность тирана, болтающего о демократии. Но я, я, каков глупец, видно, боги отняли последний разум, которого и так, видать, не очень много, если оставил без поддержки Фогаррида. За мной бы пошли люди, я был бы доверенным человеком старика. Разве он позволил бы так

распоясаться второму уроду, Гроциусу? Ничтожный маг пошел против Верховного жреца и эта образаина, пол-человека, поддержала его».

Он заметил молодую женщину в голубом плаще, опасливо задержавшую шаг перед группой огромных, загрубевших наемников, даже спокойный вид которых заставлял опасаться этих гигантов.

Рыжий громила с заячьей губой, исправленной в худшую сторону сабельным шрамом, пронзительно свистнул, хлопнув ладонями, как будто спугивал с дороги зазевавшуюся курицу. Лицо девушки побагровело, она отшатнулась, отступив в сторону и желая бежать обратно, откуда держала путь.

Долабелла уже хотел вмешаться, заодно выплеснув накопившийся гнев, однако его опередил варвар, которого он недавно видел во дворце, человек со странным, каким-то рубленным именем — Конан.

Тот сделал несколько шагов, столь плавных и стремительных, что они слились в единое движение и положил руку на плечо рыжего, очевидно, сильно сжав его, отчего тот согнулся.

Из носилок не было слышно, о чем они говорят, но Конан указал рукой на дворец, очевидно напоминая об их статусе гостей. Мгновение казалось, что «заячья губа» набросится на него и драки не миновать, но рыжий неожиданной ус-

покоился и склонился в поклоне перед женщиной, жестами предлагая той продолжать путь. Поколебавшись, она прошла между наемниками, молчаливо расступавшимися, освобождая дорогу.

«В Уединенных Дворцах, обители высшего правителя страны свободная женщина боится пройти по площади! Да разве было возможно такое раньше, тем более при Димитрисе! Ну, ничего, я еще жив, я помешаю этому обрубку нарушать древние законы страны, он поймет, кто такой Главный жрец, он устрашится моей силы, он будет на коленях ползать передо мной!»

И неожиданно для себя он захохотал, вспомнив об отсутствии коленей, которые могли бы позволить Трибуну испить чашу готовящегося унижения до конца. Немного успокоившись, Долабелла, не глядя, вынул из тисового ларца тягучую фиалковую пастилку, которые истреблял во множестве, опасаясь дурного запаха из рта. Но как только прохладная пористая масса коснулась языка, он почувствовал удушье, не сразу поняв его причину. Крохотная, почти невесомая пластинка вдруг вспучилась огромным шаром, забивая горло, распяливая рот и выползая отвратительными пузырями.

Лицо жреца побагровело, глаза выкатились из орбит, он хрипел, пытаясь приподняться и

привлечь внимание носильщиков, однако это ему не удавалось, и те продолжали идти своим согласованным спорым шагом, спускаясь к четвертому, Жреческому уровню.

Мягкие ремни охватили его туловище, припечатывая к спинке сиденья, что-то зашевелилось под ногами. Долабелла дернулся, натужно раздувая лицо от усилий и почти выламывая шею.

Увидев, что это, он забился, как ночной мотылек, задетый пламенем свечи, дергает опаленными лапками и остатками крыльев, не понимая ни бесполезности сопротивления, ни того, как этот прекрасный светильник мог обратиться в невыносимую боль.

Это было подобием человека, плоского, как глубоководная рыба арцис. На нем вспухали, лопаясь, отвратительные язвы, выплескивая вместе со сгустками гноя крохотных пауков с головами ящериц.

Твари поднимали вверх свои острые морды, тонко повизгивая и открывая рты, заполненные только рядами крошечных загнутых зубов.

Несмотря на отсутствие глаз, они уверенно тонкими ручейками стекали к ногам жреца, поднимаясь по ремешкам сандалий, цепляясь за волосы, залезали под одежду, и вскоре он почувствовал первые ядовитые укусы, охватывающие стремительной волной все тело.

Долабелла топал ногами, пытаясь раздавить эту мерзость, но ползающий на коротких, не больше локтя длиной, руках и ногах плоский человек сдвинул голову на середину спины, ноздри висящего хоботом носа страшно вывернулись, выпуская два длинных и острых костяных отростка.

На миг взор Долабеллы встретился с круглыми глазами твари, размазанными по листу головы, безразличными глазами человека, занятого обычным, повседневным ремеслом.

И жрец захлебнулся криком, не вылетевшем из забитого рта, камнем забившемся в груди, когда костяные ножи пробили ступни ног, пригвозждая их к полу носилок. Ему казалось, что он погружается в котел, наполненный булькающим кипятком.

Чудовищная боль — он даже не подозревал, насколько разной она может быть — охватила полностью все его существо. Золотистая мантия постепенно покрывалась алой кровью, выступающей сквозь тонкую ткань отдельными, быстро сливающимися пятнами.

Теряя сознание, он увидел перед лицом три качающиеся трехгранные головки алых змей, это они приковали его к спинке сиденья своими телами. Укус их был смертелен, и Долабелла последним усилием воли приблизился к ним, еще успев почувствовать прикосновение ледяных жал.

Глава 21

Тайна советника

Конан присел на каменную скамью, скрытую кустами, стоящую на самом краю верхней террасы. Отсюда был виден каждый ярус города, мелькание людей, въездные ворота, маленькие фигурки солдат и ополченцев, мечущихся по плато, поблескивание вод ядовитой реки.

Но глаза невольно отрывались от этой суеты, притянутые неистовой красотой Золотой горы. Конану казалось, что с каждым днем пылающий на ней пожар разгорается все сильнее.

Сочные, насыщенные красками цветы, полностью раскрывшиеся, еще не опали, а новые уже раскрывались, торопясь жить и наслаждаться солнцем. Каждый цветок медленно, так что невозможно было уследить за превращениями, менял свою окраску, то бледнея, то вновь наполняясь яростным светом.

Создавалось впечатление, что гора непрерывно шевелилась, уставая стоять неподвижно. Завороженный Конан очнулся, вспомнив, зачем он здесь находится и оторвавшись от удивительного зрелища, расположился на скамье боком, так, чтобы через просвет между кустами видны были дорожки, протоптанные в траве от одного дворцового здания к другому.

Слишком непонятны были причины воцарения Ортегиана во время правления, пусть временного, любимого народом Фогаррида, роли, сыгранные при этом самим Трибуном и Гроциусом, тайна окутывала крушение храма и гибель людей, и слишком многие, говоря о курсаитах, таинственно качали головами и многозначительно переглядывались, замолкая при приближении Конана.

Разговор с отшельником не прибавил ясности, тот был странно растерян, обессилен, утратил обычную остроту ума, ту душевную силу, которая так привлекала Конана. Он видел, что осторожные расспросы ни к чему не привели, на него исправно обрушивали массу славословий Трибуну, отшельнику, магу, немедленно вслед за этим уводя разговор в сторону.

Конан твердо решил поймать сегодня Немедия, который представлялся ему человеком достаточно искренним, хотя и слабым, возможно, он и захочет что-то утаить, но не солжет бес-

стыдно. Во дворце, где постоянно сновали люди, уши стелились по полу и из каждой щели выглядывали внимательные настороженные глаза, разговаривать было невозможно.

И тот крохотный запас откровенности, что мог сохраниться у человека, исчезал бесследно в страхе, что слова его исказят, расцветят опасными подробностями и в таком виде преподнесут Трибуну. Зная, что каждое утро Немедий этим путем возвращается из храма, Конан решил дожидаться его и, заманив в свое убежище, заставить говорить.

Ему повезло — советник задержался в храме и потому возвращался один. Лицо его было озабочено, в голове били барабаны войны и пели флейты победы, враг трепетал, справедливо наказанный. И над всем сумбуром, тщательно отгоняемая, билась мысль о том, что именно от его усилий зависит исход войны.

Он пробежал еще несколько шагов, услышав голос Конана, настолько был поглощен собственными мыслями и остановившись, непонимающе озираясь, отыскивая источник звука.

С некоторым раздражением Конан раздвинул кусты, окликнув Немедия снова — ему не хотелось, чтобы кто-то видел их разговаривающими, а фигура советника, выражающая крайнее изумление и нелепо топчущаяся на месте, неизбежно привлекала внимание.

Молясь богам, чтобы на дорожке никто не появился, он махнул рукой. Немедий с радостным криком устремился к нему, ломая кусты.

— Друг мой! — вскричал советник, бросаясь обнимать Конана, от чего тот постарался устраниваться. — Как я рад видеть тебя! Проклятая война отнимает все силы и время, даже с приятными тебе людьми поговорить невозможно!

Он сетовал, а на лице ясно читались противоположные чувства — он был захвачен новой деятельностью, почувствовал свою значительность. Конан с удивлением подумал — неужели такой неглупый человек не понимает, что от него ничего не зависит, он лишь исполняет приказы, да и те настолько незначительные, что с ними мог бы справиться сержант.

Осторожно увлекая советника к скамье, киммериец заметил.

— Никогда не видел такой горы, как у вас. Она кажется живым существом.

Немедий, машинально вслед за ним опускаясь на лавку, гордо заявил.

— Да, в нашей стране много прекрасного. Потому то и зарятся на нее курсаиты. И не только они, нужно быть готовым к разным неожиданностям, у них много союзников.

«Как будто перед ополченцами речь держит», — подумал Конан с раздражением.

Однако миролюбиво продолжил.

— Почти то же говорит и Фогаррид.

При этом киммериец пристально вглядывался в лицо Немедия, надеясь поймать выражение, с которым будет встречено прозвучавшее имя. И удивился, увидев, как алая краска заливает шею советника, перебираясь на лицо. На нем застыли растерянность и стыд.

Немедий нервно проговорил.

— Ты уже побывал у учителя? Самое правильное, что мог сделать. А я все собирался, да не смог выделить времени, — лицо передернулось от нервной судороги, и он воскликнул. — Нет, все это вранье! Ты знаешь, и Трибун, и Гроциус уважают старика, Ортегиан победил на честных выборах, ему вообще нечего стыдиться, он не смещал Фогаррида силой.

Немедий помялся, рассеяннo и невидяще поглядывая на пылающую Золотую гору и наконец выдавил.

— Понимаешь, несмотря на это, считается неправильным поддерживать отношения с отшельником. Как будто ты изменяешь Трибуну.

— Кем считается? — спросил Конан.

— Да не знаю я, всеми! — запальчиво ответил советник и тут же спокойнее продолжил, — я знаю, что ты думаешь и ты прав. Мне, его ученику, помощнику не следовало оглядываться на других, нет ни измены, ни преступления в том, чтобы навестить старого друга.

Несколько мгновений оба молчали, потом Немедий пообещал, как будто Конану требовались эти заверения.

— Я пойду на Змеиную гору в ближайшие дни.

Успокоенный собственной решимостью, он расслабился, улыбнулся, готовый продолжать разговор, что весьма устраивало Конана. Воспользовавшись моментом, он поинтересовался.

— Если маг и правитель хорошо отзываются об отшельнике, они наверняка помогали ему во время правления?

Немедий оживился.

— Ты представить себе не можешь, каким помощником был Гроциус! Он впервые после крушения тирании сформировал Совет, в который вошли сотни людей с каждого уровня. Правда, он получился немножко громоздким, но показал добрые намерения Фогаррида и привлек народ.

Вспоминая рассказ отшельника, Конан представил себе безобразную, неуправляемую толпу, где каждый считал свое мнение единственно верным, не видя перспективы, отстаивал прежде всего собственные интересы, топчась на месте и не принося никакой пользы.

Немедий восторженно продолжал.

— Он тайно от Фогаррида велел отлить из золота и установить на каждом уровне огром-

ные статуи, изображавшие его в полный рост. А одну поставил в Главном Храме, рядом с изображением Радгуль-Йоро. Он хотел показать, насколько важным для страны является то, что совершил отшельник.

Конан с сомнением заметил.

— Но откуда взялось столько золота? Ведь сокровища Димитриса так и не были найдены? Да и статуя человека возле Творца вселенной, равная ему — не оскорбило ли это чувств верующих?

Советник отмахнулся.

— Были такие, кто возражал. Но это мелкие, глупые люди, не понимающие заслуг Фогаррида, да вдобавок жадные. Ты прав, казну не нашли и на статуи собирали с каждой семьи. Слышал бы ты проклятия, которыми осыпали сборщиков!

«А заодно и ничего не подозревающего старика», — подумал Конан, с удивлением слушая повествование советника.

Глаза Немедия горели.

— Он долго ездил мимо, не замечая их, и только в храме вдруг обнаружил себя возле великого бога. Ты бы слышал, как он возмущался, но все равно затея Гроциуса была недурна. Учитель заставил убрать статуи, и теперь они где-то в подвалах замка.

«Едва ли, — про себя отметил северянин. —

Столько золота должно было уже прилипнуть к чьим-то рукам».

Немедий с легкой укоризной покачал головой.

— По его же предложению Совет решил покарать всех, кто был близок тирану. Фогаррида в это время не было в столице. Но тут маг, желая услужить, немного перестарался. Казнили множество простых слуг, которые работали, чтобы прокормить семью — поваров, конюхов, ловчих, жен и наложниц. А ведь у каждого были родные, которые остались недовольны. Отрубил головы двум умным, честным советникам, перешедшим на нашу сторону, правда, не сразу. Но они помогли избежать многих жертв как с той, так и с другой стороны. Это были отец и сын, многие просили пощадить их. Казнь должна была состояться на арене. Гроциус предложил им бросить жребий, или игрой на пальцах определить, кому остаться в живых.

— Игра на пальцах? — удивился Конан.

Немедий улыбнулся.

— Ты не знал? Играющий должен определить, сколько пальцев вытянуто на руке, которую быстро поднимает другой игрок. В результате погибли оба — отец поддался сыну, а тот покончил с собой, не дожидаясь палача. Наверно, ему следовало быть милосерднее, но слишком много гонений претерпел Фогаррид от прислужников Димитриуса.

Конан не удержался:

— Но разве тебе непонятно, что все эти поступки жреца только вредили старику? Они создавали ему врагов там, где прежде были союзники.

Даже если какие-то сомнения мелькали иногда у Немедия, он не позволял им разрастаться, превращаясь в уверенность.

— Ты ошибаешься, друг мой. Никто не пойдет за слабым вожаком, прощающим врагов. Следовало всем показать силу Фогаррида, и Гроциус постарался сделать это.

Теперь Конан хотел побыстрее распрощаться с советником — у него больше не осталось вопросов и что бы ни рассказал тот еще, было ясно, что чародей — главный враг отшельника. Именно усилиями колдуна тот отстранен от власти, потеряв поддержку множества людей.

Они уже прощались, когда Конан спросил:

— Думал ли ты, зачем курсаитам разрушать храм? Какую пользу они могли извлечь из гибели людей и неизбежной после этого войны? Да и как они ухитрились разрушить такую громаду?

Он вдруг прервался, увидев, как бледность залила лицо собеседника, а редкое и привычное нервное подергивание лица перешло в судороги, которые усиливались с каждым миготом.

Немедий, пытаясь смирить непослушное тело, выдавил:

— Я не могу вспомнить... о чем ты? Как я могу знать...

Какое-то мгновение глаза его наполнились ужасом, потом закатились, и он тяжело упал на спину. Если бы опешивший от неожиданности Конан все же не успел бы подхватить его, тот расколол бы голову о лежащие вокруг камни.

Советник изгибался дугой, бился в сильных руках северянина, обрызгивая его лицо и грудь густой пеной, бьющей из рта, хрипел, иногда выкрикивая отрывистые слова — «нет, не могу... люди... должен вспомнить...»

Наконец он успокоился, уставясь мутными глазами на Конана.

— Кто ты? Что случилось?

Осторожно подтащив его к лавке и прислонив к ней, северянин постарался спокойно объяснить Немедию, что с тем случился припадок — однако советник только таращил бессмысленно глаза и молчал.

Призвав проходивших слуг, Конан велел отнести его в замок, пояснив, что тому стало плохо на прогулке. Наблюдая, как уносят неподвижное тело, северянин думал, что Немедий знает гораздо больше, чем говорит. Что-то мешает ему разобраться в собственной памяти.

«Что-то или кто-то?» — мрачно размышлял киммериец, покидая красивейшее место Уединенных Дворцов.

Глава 22

За городской стеной

Валлардию и Курсаю разделяла высокая гряда Карпашских гор. Но на востоке в незапамятные времена произошло землетрясение. Часть горных кряжей ушла под землю, и своевольная подземная река пробила себе дорогу на волю. Теперь пограничные горы заменил вечно бушующий водный поток.

Именно туда направлялись Конан и Гроциус — чтобы северянин мог собственными глазами увидеть колдовской барьер.

— Встретимся за городской стеной, — предложил маг.

Стражники издали приветствовали киммерийца. Они принялись оживленно переговариваться, показывая на него пальцами.

— Куда это ты собрался? — поинтересовался старший охранник. — Не советую уходить так далеко от города. Здесь, за воротами, мы все находимся под защитой нашего правителя и мага

Гроциуса. А там за твою жизнь никто и ломаной монетки не даст.

Конан удивленно взглянул на говорящего.

— Чего это ты так обо мне беспокоишься?

— Эй, киммериец, люди говорят, что ты отказался биться с курсаитами. Это правда или нет? — подскочил к Конану невысокий крепкий паренек с открытым простодушным лицом.

— А тебе-то что до этого?

— Тут дело такое, — вступил в разговор старший. — Многие говорят, что ты был другом Фогаррида, потому не станешь помогать Трибуну. Спор тут у нас возник. Если ты уйдешь, мы с Григором большие деньги потеряем. Так что не подводи нас.

— Я все свое жалованье на тебя поставил, — пояснил молодой солдат.

— Кром, — пробормотал киммериец. — Делать вам больше нечего. Треплете языками, как торговли на рынке. Открывайте ворота, пока я вам их не укоротил.

— Я что-то не понял, — высунулся пожилой стражник с густыми усами и глуповатым выражением лица. — Это значит да или нет?

Охранник махнул рукой, двое его товарищей подбежали к большому металлическому вороту. Двое других вытащили крепкие железные скобы, которые удерживали бревно-засов, и дали знак.

Ворот поворачивался без единого звука. Наконец одна створка была освобождена, и Конан, которому уже надоела вся эта возня, вышел за пределы города.

Не оглядываясь по сторонам, он направился по широкой каменистой дороге, которая вела к реке. По обеим сторонам росли высокие деревья. Кое-где они сменялись густым колючим кустарником, покрытым алыми цветами.

Киммериец уже отошел от городской стены, когда из-за могучего ствола мраморного дерева появился Гроциус. Маг летел молча, не желая нарушать ход мыслей спутника. Возможно, им просто не о чем было говорить.

Черная тень закрыла солнце и небо. Четыре дерева, покорные чьей-то воле, сдвинулись с места и замерли, образуя квадрат. Длинные ветки вытянулись в сторону киммерийца, превращаясь на концах в острые мечи и кинжалы.

Конан бросил быстрый взгляд на Гроциуса. Маг закрыл глаза и затянул на высокой ноте странную мелодию, составлявшую, видимо, некое могущественное заклинание.

Деревья вздрогнули и остановились. Раздался резкий металлический звон, — то соприкоснулись и ударились друг о друга падающие острые кинжалы.

— Держись, Конан, — призвал Гроциус, подлетая еще ближе. — Я повторю магическое за-

клинение и проклятые курсаиты больше не осмелятся...

Но закончить фразу он не смог. Из-под земли вылетела петля и захлестнула мага вокруг правого уха. Тонкий, видно, совсем молодой корешок казался очень гибким и в то же время необыкновенно крепким.

Чародей вынужден был замолчать. Он вновь открыл рот, чтобы прочесть заклинание, но в то же мгновение второй корень с комом земли и зеленого, только что вырванного из почвы мха взлетел в воздух и запечатал уста волшебника.

Безжалостная сила потащила беспомощную, потерявшую магическую силу голову, ударяя лицом, затылком о стволы и ветки деревьев. Безумное движение прекратилось также внезапно, как и началось.

В стволе ближайшего дерева появилось круглое дупло, куда без всякого почтения и был брошен Гроциус.

Теперь все внимание врагов сосредоточилось на киммерийце, который остался один на один с неизвестным волшебством.

Конан понимал, что не может отступить или убежать. Он стоял в центре квадрата, стоило ему сделать шаг в сторону, как деревья перемещались вместе с ним.

Северянин положил руку на меч, но решил не торопиться. Да и сражаться было не с кем.

Надежно упрятав в ствол мага Гроциуса, неприятель замер.

«Вполне возможно, — напряженно размышлял киммериец, — что маг и был основной мишенью. Волшебники курсаитов опасались его, потому и устранили».

Однако Конан ошибался, в чем он мог удостовериться через несколько мгновений.

Крона одного из деревьев стала менять форму. Боковые ветви начали сплетаться, образуя большие бурые крылья. По бокам вздрагивали водянистые отростки.

Приглядевшись, северянин увидел, что внутри каждого спрятан острый крючок. Тварь встряхнула крыльями, и дюжина сверкающих жал полетела в сторону киммерийца.

Конан выхватил меч и принялся вращать его перед собой. Клинок двигался с бешеной скоростью, заменяя щит. Первая атака была отбита.

Ствол, вытягиваясь и утончаясь, превратился в длинный черный хвост. Корни с комками земли неопрятными кисточками висели по краям. Отросток заканчивался черным жалом, с которого скатывались крупные капли яда.

Наверху возникла безобразная голова. Верхняя часть дерева превратилась в крепкое веретенообразное тело. Около крыльев выросли две мощные лапы, сжимавшие копьё и меч. Нижние

конечности, похожие на волчьи лапы, становились то длиннее, то короче.

Оставшиеся деревья вернулись на прежние места. Противники остались один на один. Тварь подпрыгнула и, медленно хлопая крыльями, зависла низко над землей.

Конаном овладело холодное спокойствие и уверенность в своих силах. Так всегда бывало, когда смертельная опасность была уже рядом, и нельзя было ни избежать ее, ни уклониться.

Раздался сухой треск — то сломалась ветка под ногами чудовища. Оно опустилось на землю и медленно, заметно наслаждаясь своим превосходством, направилось в сторону Конана.

Тварь несильно ударяла мечом по копью. При каждом соприкосновении вспыхивала серебряная молния, которая пробегала по рукояти меча и пряталась в ладони чудовища.

Только теперь северянин рассмотрел его холодные глаза, шишковатый лоб, редкие усы и густые черные ресницы. Волчья пасть разинулась, обнажая крупную челюсть с крепкими, цвета слоновой кости, зубами.

Конан поднял меч, удерживая его обеими руками, направил к центру вражеского горла. Клинок ударился о твердую, как сталь, шею и сломался.

Киммериец не мог поверить своим глазам. Он никогда не жалел денег, приобретая оружие.

От того, надежен ли клинок или сделан из плохой стали, зависят исход боя и твоя собственная жизнь.

Северянин перекатился через плечо, разбежался и попробовал ухватиться за одно из крыльев создания. Ему это не удалось. Длинное копьё больно ударило в бок, не принеся, впрочем, заметного вреда. Киммериец успел отбить острие оружия, и оно со звоном отлетело в сторону.

Тварь издала громкий злобный крик. Так рычит лев, который неожиданно встретил на своем пути достойного противника. Конан кинулся к упавшему оружию и подхватил его.

Теперь с острым копьём можно было перейти в дальний бой, что казалось безопаснее. Конан ударил тварь в бок, та с шумом выдохнула воздух и вздрогнула. Только теперь киммериец смог разглядеть, что тело, конечности и хвост создания покрыты чешуей, отливающей металлическим цветом.

«Если бить не сверху, а снизу, может, удастся найти слабое место в чешуйчатой броне», — решил Конан.

Но тут же сам засомневался. Хотя он очень сильно ударил металлическим наконечником, на его конце не осталось ни капельки крови.

Чудовищу надоело играть с человеком. Расправив крылья, оно поднялось в воздух и мед-

ленно полетело к киммерийцу. Конан хотел укрыться в лесу, но деревья расступались перед ним, освобождая дорогу преследователю.

Как ни петлял северянин, длинная передняя лапа ухватила его за плечо, больно оцарапав кожу. Враг поднял Конана в воздух и стал набирать скорость, делать круги недалеко от берега реки.

Некстати вспомнилась история, которую совсем недавно он слышал от одного путешественника в трактире. Королевские грифы, чтобы полакомиться нежным мясом черепахи, поднимали ее в воздух, а потом бросали о камни.

Конан подтянулся, и крепко ухватил врага за шею. Но металлическая чешуя не давала задушить чудовище. Киммериец уперся спиной в плечо монстра, а ногами обхватил вторую лапу, в которой тварь крепко сжимала меч. Лететь стало тяжело, и зверодерево спустилось на землю.

Северянин расслабил руки. Ядовитое жало было уже совсем близко. Ноги киммерийца напряглись. Он собрал все силы и рывком подтянул к себе хвост чудовища. Поняв, что замыслил противник, зверодерево резко взмахнуло головой. Конан едва не скатился вниз, но в последний момент успел удержаться.

Теперь он сидел на шее врага, изо всех сил подтягивая ядовитое жало к себе.

Еще несколько попыток, и северянин направил его в ухо чудовища. Тварь принялась тяжело, с надрывом дышать. Такие звуки издают загнанные лошади.

Крылья забились, Конан поспешил спрыгнуть с плеча монстра, опасаясь, что в агонии тот может зашибить его.

Чудовище ослепло. Оно побежало к лесу, лапами прикрывая горящие огнем и нестерпимой болью глаза. Крылья обвисли, став похожими на мокрые паруса тонущего судна. Ноги твари окаменели, и она рухнула наземь.

Раздался предсмертный хрип. Все тело изогнулось, передние лапы забили по воздуху. Незрячие уже глаза вылезли из орбит и лопнули с неприятным звуком. Из волчьей пасти полился черный омерзительно пахнущий гной.

«Но где Гроциус?» — подумал Конан, оглядываясь по сторонам.

Он увидел, как три дерева на глазах стали желтеть и сохнуть. Ветки с треском падали на землю, кора лопнула, обнажая сухой ствол. Груда хвороста и палок быстро превратилась в труху.

Сдувая с себя деревянную гниль, из-под истлевшего дерева вылетела голова Гроциуса. Он с омерзением отплевывался и выкрикивал ругательства, столь разнообразные и мудреные, что ему позавидовал бы любой завсегдатай трактира.

— Разве я не предупреждал тебя, как опасны эти проклятые курсаиты? Ты только подумай, эта гнилушка чуть было не переварила меня.

Маг с осуждением глядел на спутника, будто бы все случилось именно по его, Конана, вине.

— Так бы и случилось, — ответил киммериец, — если бы я не отравил врага его же собственным ядом.

— Я слишком взволнован, — сказал Гроциус, — не в состоянии думать ни о чем. Осмотрим барьер позднее. Только вот, знаешь, не нужно, чтобы кто-нибудь узнал об этом происшествии.

Глава 23 Бог войны

Утра в лагере ополченцев царило радостное оживление, предвкушение чего-то необычного и таинственного. Отменялась ежедневная муштра, утренняя еда казалась сказкой — из огромных котлов, привезенных на телегах, разливали в деревянные миски горячую рыбную похлебку, щедро накладывали кашу и куски вареного дымящегося мяса. Каждый получил большую оловянную кружку с прозрачным зеленоватым вином, пахнувшим травами и медом.

Капитан, сохраняя на лице добродушие, расхаживал среди жадно жующих людей, изображая из себя заботливого отца. Останавливался, отламывая кусок хлеба, макал в мясной сок и закатывая глаза от удовольствия, снисходительно похлопывал по плечам молодых людей.

Сержанты, тратя колоссальные усилия, приглушали ревущие командирские голоса и тоже

старались изобразить доброжелательность, что было для иных труднее, чем совершить трехдневный горный переход.

Сегодня был великий день — им предстояло подняться на пятый уровень и в особом святилище возле храма получить благословение богов на ратный подвиг. Великий маг Гроциус станет выразителем их воли, доводя слова высших до новых солдат Валлардии.

Новички относились к предстоящему событию по-разному. Для иных это было просто облегчение от тягот суровой выучки, другие воспринимали поход в храм как обычный ритуал, наподобие принесения бескровных жертв покровителю домашнего очага Доарку.

Однако некоторые трепетали перед будущим таинством, несокрушимо веря, что боги будут разговаривать с ними и то, что они изрекут, станет неизменяемой судьбой, для тех, кто будет внимательно слушать.

Их вели колонной не по обычной боковой дороге, которой пользовались солдаты, а по одной из центральных. Встречные жители приветствовали их ободряющими возгласами.

Торжественное шествие было нарушено только один раз. Старик с безумными глазами, в длинной набедренной повязке, больше похожей на юбку, выскочил из-за угла таверны, сжимая в руке оловянную кружку, наполненную вином.

Его преследовал разъяренный трактирщик, почерневший от гнева. Он размахивал увесистой дубиной и попади она по спине убежавшего, тот переломился бы пополам, как прогоревшая в костре ветка, лишь видимо сохраняющая свою форму — а только тронь — и она рассыплется на куски.

Увидев идущих ополченцев, старик остановился так стремительно, что уже настигавший преследователь вынужден был отскочить в сторону, чтобы не упасть, свалив хрупкое тело. Трактирщик открыл было рот, чтобы с новой силой обрушиться на воришку, но не произнес и слова, пораженный происшедшей с тем переменной.

Драгоценная кружка выпала из разжавшихся пальцев пьяницы, расплескивая влагу, за которую он недавно был готов претерпеть жестокие побои, правая рука метнулась к засаленной тряпочке на шее, в которой был зашит амулет. И неожиданно он закричал, топая ногами:

— Берегитесь, берегитесь черного колдуна! Он отнимет ваши души, он раздерет вас пополам, вы сами не сможете понять, какой враг поселится в ваших сердцах! Не поймете до тех пор, пока он не поднимет свою омерзительную голову, отдавая вам свои приказы! Смерть, смерть везде, кровь и демоны, бегите, дети, бегите!

Он рвал длинные волосы, царапал твердыми желтоватыми ногтями лицо и наконец завыл страшным тоскливым криком, раскачиваясь на месте. На мгновение все замерли, пораженные непонятными словами и поведением старика.

Наконец трактирщик, отбросив дубину и побоявшись поднять кружку, кинулся бежать, призывая богов защитить его безвинную голову от безумца. Сопровождавшие колонну солдаты скрутили старца и поволокли к недалекому каменному зданию городской тюрьмы. Тот же, все оглядываясь, отбиваясь, и сквозь нечленораздельные вопли слышалось только:

— Не верьте себе, когда решите идти на смерть! Не верьте ему! Бегите!

Видно было, что ни капитан, ни сержанты не поняли причин вспышки ужаса у старика. Тем более пребывали в неведении простые солдаты, однако на всех сцена произвела весьма тяжелое впечатление.

Капитан сказал, что это известный городской безумец, допившийся до того, что создал для себя мираж, населенный чудовищами и стал жить среди них, не откликаясь на реальность.

Он махнул рукой, флейты затянули простую мелодию, барабаны чеканили ритм. Сагурн запел неожиданно красивым, сильным и звучным голосом:

— Смело, друзья! Все вместе в отважном бою оставайтесь! Бегства презрите почин, страх да пребудет вдали! Духом великим и сильным могучую грудь укрепите: жизнелюбивой душе в жарком не место бою!

К нему присоединился голос Визалиуса, молодой, слегка дрожащий от воодушевления.

— Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю, каждый на месте стоит, губы зубами прижав!

Все новые голоса подхватывали грозные и славные слова, восхваляющие ратную доблесть, величие и счастье человека, погибшего за отчизну, позоря, проклиная отступивших, бежавших с поля боя.

Песня как будто делала их одним человеком, неустрашимым воином, честь которого важнее жизни. Все изменится в бою, когда такая далекая сейчас смерть приблизится, насмешливо заглядывая в глаза нынешнему храбрцу, но это еще будет не скоро, а в этот миг каждый был героем. Песня закончилась, и к черной громаде Храма Вечности подошли в торжественном молчании, замороженные мощью, исходящей от черно-белого восьмиугольника, вздымающегося к небу.

Капитан обернулся, став лицом к строю и даже не голосом, а лишь движением руки показал, что следует обойти главные ворота, свернув

за ближайший к ним выступ стены. Все время поворачивая налево, они обошли три блестящие в свете солнца грани, остановившись перед металлической оградой, окружающей серый каменный куб невысокого здания без окон.

Строй распался, ополченцы, забыв о дисциплине, останавливались перед белыми колоннами, разглядывая высеченные фигуры восстающего из волн Хаоса, самого себя создавшего Творца мира; прекрасные лица Эзерии и Амириссы; исполненное доброты — Ордины; суровое — Солнца; источающее ненависть — бога зла Дармака.

Против обыкновения, их не торопили грубыми окриками, подкрепленными тычками, сержанты ожидали возле единственной тяжелой двери, ведущей в странное здание. Когда подбежали последние, створки бесшумно раскрылись, так легко, как будто были невесомыми крыльями бабочки.

С порога начиналась лестница, такая широкая, что ступени шли от стены к стене, заполняя внутреннюю часть строения. Она была очень высокой, какой не могла быть в этом небольшом кубе, и бросала свои ступени под ноги идущим, будто смеясь над их удивлением, переходящим в тревожные опасения, невольный страх.

— Магия! — тревожно шептали одни.

— Жилище богов, здесь все возможно по их воле, — возражали другие.

Лестница закончилась, и люди, толпясь тесно друг возле друга, боясь вдруг остаться в одиночестве, оказались в круглом зале, замыкаемом цилиндрическими стенами, обитыми тончайшими пластинами серебра.

Потолок полусферой прогибался вниз, спуская из центра золотую цепь, на которой слегка покачивался меч героя Страбония, впервые одержавшего верх над непобедимыми курсайтами и этим клинком отрубившего голову их царю Галлиану. С тех пор серьезных войн было не так много, лишь мелкие стычки, проба сил нарушали мирное настороженное сосуществование.

И древнее предание гласило, что до тех пор, пока меч Страбония будет принадлежать валлардийцам, дух героя будет помогать им в ратном деле.

Посреди зала в сверкающих доспехах на вздыбившемся коне возвышалась статуя бога войны. Одна из четырех рук сжимала меч, вторая — метательные дротики, третья и четвертая — раскаленные звезды и громовые молнии, которыми наделил его бог Неба Стринос.

Серебряные стены разомкнулись и появился Гроциус, которого несли неизменные лизармены. Несмотря на то, что мага уже все видели,

многие постарались отвести глаза от головы, вызывающей смешанные чувства брезгливости и страха. Но как бывало почти всегда, при первых словах мага мысли о его уродливой неестественности пропали.

Лицо его, преисполненное скорби, было бледно, брови почти сошлись над потемневшими глазами, в которых плескался гнев. Негромкие слова звучали задушевно, будто он обращался к близким людям, связанный с ними общим горем.

— Братья, соотечественники! — Голос его постепенно креп, наполняясь душевным волнением. — Война неизбежна, но мы не желали ее! Другие, для которых не существует святынь, а жизнь человеческая стоит меньше, чем песчинка на берегу безбрежного моря, разрушили святилище и убили наших братьев и сестер, которые пришли поклониться богам!

Череда жрецов в алых плащах, символизирующих чистоту пламени, неслышно вошедших вслед за Гроциусом, разделилась на два рукава, подобно реке, охватывая воинов двумя полумесяцами, наконец сомкнувшимися над ступенями входа.

Каждый держал в руках золотую чашу для благовоний на длинной, в половину человеческого роста, тонкой ножке. Над ними курился дымок от благовонных волшебных трав, сгораю-

щих в пламени священного огня, неугасимо пылающего в Храме Вечности.

Поставив чаши, они удалились так же неслышно, как появились, однако в их движениях прибавилось торопливости, и хоть они по-прежнему скользили по плитам пола, казалось, что жрецы бегут со всех ног. Мало кто обратил внимание на эту странность, большинство людей было поглощено речью Гроциуса, попеременно гремящей страстным призывом к отшельничеству, наполненной горестными нотами, презрением, отвращением к тем, кто осмелится совершить предательство.

— Помните, что слова бежать, спастись, жизнь дороже всего — запретны для настоящего воина! — гремел его голос. — Позор тем, кто скажет их и еще большее бесчестье — для тех, кто выслушает, не убив предателя! Вспомните каждый, кого вы защищаете и как только решите, что собственная жизнь дороже победы, считайте, что своей рукой убили этих дорогих вам людей. Курсаиты никого не пощадают, смотрите, откройте глаза своей души, увидите тех, за кого сражаетесь!

Почти прозрачный горьковато-терпкий дым обволакивал собравшихся, каждый вдруг остался наедине с собой и увидел любимые лица. Визалиусу казалось, что он с братом вновь на мельнице, мать протягивает им горные кристал-

лы, отысканные сельским колдуном, совершившим над ними особый обряд. Ее нежные глаза улыбаются, когда шершавые пальцы, путаясь в шелковистых волосах мальчиков, завязывают шнурки на тощих шеях сыновей.

Он наяву слышит голос Косии.

— Никогда никто не сможет разлучить вас, пока эти амулеты с вами. Представьте брата, загляните в глубину камня и вы увидите его. Видите, камни тусклые, даже когда вы рядом? Но если станете искать один другого, они станут светиться все сильнее, пока будете приближаться. Пойдете неправильной дорогой — свет побледнеет.

Она наклонила голову еще ближе, чтобы поцеловать сына и вдруг дверь дома с грохотом открылась. На пороге появились вооруженные люди, тащившие упирающегося Криана. Он кричал:

— Будьте вы прокляты, курсаитская нечисть, оставьте мою семью!

Сверкнул меч, и отцовская голова, кувыркаясь и брызгая кровью, подкатилась к ногам матери. Та дико, нечеловечески закричала, падая без чувств. Он видел белое лицо Рогварда, схватившего стоявшие возле стены вилы, себя, присоединившегося к брату с тяжелой кочергой, которой ворошили поленья в очаге. Слышал грубый, дикий смех солдат, волочивших мать в

родительскую комнату и чувствовал обжигающие удары бича на собственных мальчишеских плечах.

Раздался чей-то вкрадчивый голос.

— Беги, оставь их всех, твоя жизнь дороже, — и kloкочущая ненависть к этому невидимому человеку охватила его, желание уничтожить, стереть с лица земли не только курсаитов, но и того, кто подбивает к предательству.

Очнувшись от этого сна наяву, он по лицам окружающих понял, что каждый видел что-то свое, но всех объединила ненависть к одному врагу — курсаитам и множеству тех, кто пытался отвлечь их от мести за уже убитых и защиты тех, кто подвергнулся смертельной опасности.

Из невидимых дверей пахнуло свежим ветром, травы прогорели и в золотых чашах светились чистые языки пламени, туманная дымка исчезла и вместе с ней — воспоминание о только что виденных картинах.

Люди растерянно переглядывались, чувствуя, что ими утрачено нечто, но не в силах понять, что именно потеряно и постепенно успокаиваясь, уже недоумевая, что их так взволновало. Гроциус повернулся лицом к устрашающей фигуре на коне.

— Великий Варгунт! Ты, от воли которого зависит исход сражений, стань на нашу сторону! Мы не опозорим славу героя Страбония,

мы восславим тебя в молитвах, мы принесем тебе угодные жертвы — отрубленные руки врагов, которые насыплем курганом перед твоим святилищем! Слово наше твердо — для тех, кто повернет назад, струсит, бежит с поля боя закроются не только ворота города, но и сердца их близких, которые проклянут трусов, и сами вечно будут прятать лица, стыдясь того, что их сын, брат, отец, муж стали предателями. Грозный, справедливый, безжалостный, Варгунт! дай нам знак, что не оставишь нас своей помощью, что мы на верном пути и защищаем правое дело!

Он замолчал, и все замерли, выжидаяще уставясь на бога войны. И вдруг меч, висящий под опрокинутым куполом, засветился, переливаясь голубым блеском стали, приподнялся, как будто сжатый невидимой рукой героя и перерубив толстую цепь, остался висеть в воздухе.

Гроциус закричал неожиданно тонким голосом.

— Боги с нами! Мы непобедимы, вперед, валлардийцы! С нами сила Страбония!

Жрецы убрали чаши с огнем, и людская масса двинулась вниз, воодушевленная столь явственным знаком расположения богов.

Внушенное Гроциусом с помощью магических трав чувство ярости, отвращения к предателям, ужаса от пережитой почти наяву потери

близких забылось, но не исчезло. Оно было спрятано в глубине души и лишь ожидало момента, чтобы ожить, усиливая мужество храбреца, надевая им слабого или попросту делая его послушным приказу.

Лишь немногие остались безразличны к последствиям магического ритуала. Пережив вначале потрясение вместе со всеми, они немедленно и прочно забыли увиденное, не поколебавшее их уверенности в бессмысленности этой войны.

Глава 24 Колизей

трибун гладиаторской арены стекала мраморная лестница.

— Мне это не по душе, — заметил Трибун. — Но народ жаждет развлечений.

Королевская ложа, где они находились, поднималась высоко над Колизеем. Когда-то здесь сидели венценосцы Валлардии — надменные аристократы, которые и подумать не могли, что однажды на их обитых бархатом креслах будет восседать чернь.

Именно так они называли бы тех, кто пришел сегодня на гладиаторскую арену.

Алый трон был сработан специально для короля Димитриса. Тот убил своего отца здесь, во время представления, и потом не захотел садиться туда, где ему все еще чудился запах крови. Впрочем, монарх недолго наслаждался своей новой мебелью. Теперь ею пользовался безногий

карла из рода горшечников — волею небес, законный правитель Валлардии.

Рядом с ним, но немного ниже, по правую руку, стояло кресло из черного ореха. Оно предназначалось для военачальника. Терранд едва помещался в нем.

На лице полудракона, обычно бесстрастном, теперь читалось явное осуждение. Он презирал всякую роскошь, считая, что удобная мебель и дорогие вещи созданы для людей городских, изнеженных, — воину же не стоит к ним даже прикасаться, ибо тем, кто однажды вкусил излишеств цивилизации, потом сложно будет вновь привыкать к суровой походной жизни.

Когда Терранд сказал об этом Ортегиану, тот невозмутимо ответил:

— Если тебе так не по душе роскошное кресло — значит, сидя в нем, ты укрепляешь свою волю и дух.

Военачальник не нашелся, что возразить, и ему пришлось занять место в парадной ложе.

По левую руку от короля обычно сидел верховный жрец. Однако боги Валлардии, по всей видимости, гневались на своих служителей. Возможно, были недовольны жертвами, которые им приносили, — или, напротив, столь необычным образом выражали свою любовь.

В любом случае, оба верховных жреца отправились в мир иной гораздо раньше, чем предпо-

лагали сами, третий же так и не был избран. Поэтому кресло пустовало, и желающих занять его не нашлось.

Маг Гроциус не пришел посмотреть на зрелище, хотя его и пригласил сам Трибун, — говорили, что в последние дни все силы волшебника уходят на борьбу с магическим занавесом, который теперь отделял Валлардию от Курсаи. Впрочем, те, кто знал его достаточно хорошо, понимали — чародей воспользовался удобным предлогом, поскольку не хотел терять время на то, что называл «ребяческими забавами».

Отдельное кресло отводилось гостю — иностранному послу или заезжему чародею, в чьих услугах нуждался монарх.

Нередко, в обход дворцового протокола, это место занимал какой-нибудь юный аристократ — многие короли Валлардии были склонны к содомитству.

Кресло находилось немного сбоку от четырех других, — в знак того, что сидящий в нем человек не принадлежит ко двору. В то же время, умелый архитектор расположил его так, чтобы правитель мог легко и непринужденно общаться с гостем.

Именно здесь сидел принц Димитрис, когда заколол своего отца.

Сомнительная честь занять это место досталась Конану.

— Я отправил гонца к Фогарриду, чтобы позвать на представление и его, — заметил Трибун. — Тот вежливо отказался. Могу его понять. К несчастью, сам я не властен отклонить собственное приглашение...

— Вы знаете, с кем предстоит биться?
Советник Немедий явно нервничал.

Его пальцы были скованы в замок, и в то же время он беспрестанно потирал ладони, что производило весьма неприятное впечатление. Лицо молодого человека стало бледным, и эту белизну еще больше подчеркивала длинная багряная мантия.

Свет шандалов метался по стенам подземелья, вырывая из тьмы то каменную кладку, покрытую дрожащими каплями воды, то ржавые кандалы, прикрученные к потолку, то прочную железную решетку.

— Я не в первый раз на арене, — бросила Корделия.

Черты Немедия исказила гримаса. Казалось, кто-то схватил его за лицо, стремясь сорвать кожу, но отпустил в последний момент.

— Это слишком опасная забава, — возразил он. — Жестокая. Фогаррид не даром запретил ее, когда временно занимал пост Трибуна...

— Наверное, именно поэтому народ его и выгнал, — сказала девушка.

Немедий снова поморщился.

Он знал, что девушка права. Конечно, причина была не только в Арене, — но то, что новые власти ее закрыли, и правда вызвало большое недовольство.

Колизей Валлардии мог вмещать сто тысяч человек, — и его трибуны никогда не оставались пустыми. Вход сюда был бесплатным, и жители всех городских районов всегда с нетерпением ждали воскресения, чтобы насладиться небывалыми зрелищами. То сойдутся в смертельном бою гладиаторы, приехавшие из дальних стран, похвалиться своим искусством. То на Арену выпустят диких зверей — тигров, мантикор, львов, и они бьются друг с другом, вызывая ужас и восхищение зрителей.

А порой в Колизее проводили публичные казни — человека, обвиненного в государственной измене, приводили сюда без оружия и доспехов. И люди на трибунах заключали пари, сколько терций он продержится, пытаясь убежать от голодных гепардов или вивверны.

Сначала Фогаррид не хотел отменять представления. Он замыслил заменить их театром. Хотел, чтобы на Арене ставили лучшие комедии, привезенные из Аргоса, пафосные драмы из Коринфа или читали вслух стихи.

В первый раз люди пришли по привычке. Потом выяснилось — почти никто из них даже

не догадывался, что гладиаторские бои отменили.

История о кофском короле, который бросил вызов богам, и под конец покончил с собой, показалась народу глупой, и лучшую тетральную труппу, которая приехала из Коринфа по особому приглашению Фогаррида, забросали тухлыми яйцами, — которые зрители обычно брали с собой, чтобы угостить недостаточно храбрых или просто не понравившихся им бойцов.

Отшельник пришел в ужас — он понимал, что после такого приема вряд ли в Валлардию приедут известные актеры и поэты. Однако вскоре выяснилось, что его ждут более серьезные проблемы. На второе представление почти никто не пришел, и Колизей решили закрыть.

Этот шаг тоже оказался ошибкой. Люди приходили к его воротам, кричали: «Верните Арену!», а потом к этим лозунгам прибавился и новый — «Долой Фогаррида!»

Многие шептали, что толпу подстрекали люди, посланные врагами отшельника. Прежние аристократы, потерявшие власть после смерти Димитриса, снова хотели обрести ее, — а новые народные лидеры, которым не досталось места у трона, внезапно стали союзниками тех, кого раньше так ненавидели.

Впрочем, надо быть справедливым — никакие козни врагов не смогли бы повредить Фо-

гарриду, если бы простые люди поддерживали его. К несчастью, тем, кто привык жить при королевской власти, воздух свободы отчего-то не понравился. Они и правда тосковали по сильному лидеру, которого можно уважать не потому, что он благороден и думает о своих подданных, — а за то, что внушает им страх.

Уродство, которым был отмечен от рождения Ортегиан, сыграло ему на руку. В глазах толпы, он стал зловещим демоном, а именно такому она и хотела поклоняться.

Примерно об этом думал Немедий, когда вместе с Корделией они спускались по узкой винтовой лестнице, что вела в нижние ярусы Колизея. Здесь держали самых опасных заключенных, которые сражались на Арене не ради денег и славы, а лишь за право прожить еще один день. Тут же томились в клетках дикие звери, — такие же пленники.

Люди шептались, будто в потайных комнатах есть и камеры пыток, но уж это было неправдой — короли Валлардии слишком обленились, чтобы так часто ходить в Колизей по каждому пустяку, и застенки устроили в подвалах собственного Дворца.

Полы багряной мантии скользили по грязному, заляпанному лужами крови и нечистот полу, но Немедий не замечал этого, — хорошо зная, что на следующий день камердинер при-

несет ему девственно чистую одежду, сбрызнутую лучшими духами из Шема.

Двое стражников сопровождали их, — человек, оказавшийся здесь впервые, мог легко заблудиться в подземных ярусах Колизея. Оба солдата шли впереди, и свет факелов в их мускулистых руках почти не касался сановника и Корделии.

Тем приходилось идти почти в потемках.

Гладиаторы, которые готовятся к выходу на арену, не носят светильники, — толпа не простит, если их любимец не сможет предстать перед ними лишь потому, что случайно обжег руку горячим маслом. Воины должны умирать только на глазах зрителей, — иначе получится, что человеческая жизнь ничего не стоит.

Немедий, как королевский советник, также не мог опуститься до столь низменной работы.

Споткнувшись в очередной раз, девушка спросила:

— Почему один из них не пойдет сзади?

Этот простой вопрос заставил Немедия сжаться, словно он был забитым ребенком, услышавшим грозный окрик отца. Лицо советника побледнело еще сильнее, и стало казаться, что оно само источает свет — таким оно было белым. Понизив голос, он произнес едва слышно:

— Здесь это не принято. Стражники идут за спиной только у тех, кто приговорен к смерти.

— Я слышал, твоя подруга будет выступать сегодня? — спросил Трибун. В его голосе звучало неподдельное изумление.

Маленького роста, уродливый, лишенный физической силы, — он не мог понять пьянящую радость битвы, которая заставляла выходить на арену гладиаторов. Ортегиан знал, что многие из бойцов осуждены на казнь или каторгу, и потому сами выбрали Арену. Этот шаг дарил им почести, удобные покои (впрочем, из которых нельзя было выйти, иначе как в сад или залу для тренировок), лучшую еду и роскошных женщин.

Но что толкало других — свободных, радостных, полных сил? Для чего они раз за разом рискуют жизнью, хотя каждый день на их глазах из Колизея уносят их товарищей, которым изменила удача? Трибун решительно не мог этого понять, а Конан, в свою очередь, не смог бы ему объяснить.

Так и он сам никогда не сумел бы остаться на одном месте, завести лавку или кузню, обзавестись пузатой женой и кучей неумытых детишек — а ведь именно в этом многие люди видят и счастье, и смысл жизни.

— Корделия любит арену, — ответил киммеец. — А арена любит ее.

Он невольно повторил слова, которые хорошо знали все в Ианте, Эруке и Хоршемише. За

несколько дней до боев — а порой даже за месяц, если в схватке должны были встретиться знаменитые воины, — владельцы Колизеев отправляли на рыночную площадь слуг, которые громко зазывали гостей на представление. Другие ходили молча, но носили на груди и спине плакаты, где местный художник, как мог, изображал лица гладиаторов, а для тех, кто умел читать, указывались дата и время боя.

— Надеюсь, твои люди не выбрали для Корделии слишком опасного противника, — мягко произнес Трибун, наклонившись к Терранду. — Мне бы не хотелось, чтобы она пострадала.

Полудракон не мог потемнеть от гнева, ибо лицо его покрывала черная чешуя. Но будь он человеком...

— Колизей — не часть армии, — резко отвечал тот, и Ортегиан раскаялся в своем вопросе. — Дешевый балаган, где те, кто учился владеть оружием, предают свое ремесло. Я давно говорил, что не желаю иметь в своем подчинении Арену. Будь моя воля, сровнял бы ее с землей.

Конан подумал о том, что никто из сановников дворца не одобрял гладиаторские бои. Ни Трибун, ни Терранд, ни верховный маг Гроциус, ни Немедий. И все же Колизей процветал. Наверное, прав был Ортегиан — чем выше ты поднимаешься, тем меньше у тебя настоящей власти и тем сильнее зависишь ты от других.

— И все же тебе не стоило выступать, — произнес Немедий.

Он был так взволнован, что даже не смотрел на прекрасную полуобнаженную аквилонку.

Согласно обычаям Колизея, воины выходили на бой почти без доспехов. Зрители хотели полюбоваться совершенными телами бойцов, — а также тем, как из этих тел будет литься кровь и вылетать внутренности. Вместо брони, маг Арены накладывал на гладиаторов несколько защитных заклинаний, — вполне достаточных, чтобы провести бой.

Высокие груди девушки обхватывали две кожаные получаши, скрепленные за спиной фигурной застежкой. Когда полуобнаженная гладиатрикса шла между рядами зрителей, люди бросали ей цветы и лепестки роз.

Те, кто сидел непосредственно над проходом, заранее отрезали стебли — и если распахнутый бутон ложился между упругих полушарий красавицы, это считалось хорошим знаком тому, кто его бросил.

Не в том, правда, случае, если все видела сидевшая рядом супруга.

Стройную талию девушки обхватывал кожаный пояс, на котором крепились короткий меч и четыре метательных кинжала. Узкие полуштаны плотно обтягивали стройные бедра, закрывая их только на десять пальцев сверху. Но-

ги Корделии украшали высокие сапоги с львиными мордами на галунах.

— Я не могла упустить шанс снова выйти на Арену Валлардии, — сказала она. — Ведь я приехала сюда как гладиатрикса — тогда меня и увидел из своей ложи король Димитрис.

— В конце концов это стоило ему жизни, — пробурчал Немедий.

Девушка хлестнула своего спутника взглядом, и он сделал вид, что просто закашлялся.

— Гладиаторский бой будет только началом представления, — продолжал советник. — Люди привыкли к тому, что видят на Арене сражения, и Трибун не хочет, чтобы хоть кто-нибудь из них ушел из Колизея обманутым...

Он вновь вспомнил о том, как дорого обошлась эта ошибка Фогарриду.

— Главная часть представления — совсем иная. И тебе придется участвовать в ней, уже не как добровольцу.

— Если все это тебе не по душе, тогда зачем? — спросил Конан.

Ортегиан вздохнул.

— Боюсь, я совершил ошибку, — отвечал он, нимало не боясь того, что его признание услышат слуги, разносившие угощение.

Киммериец редко встречал правителей, которые могли решиться признать свою неправоту.

ту — даже оставшись наедине с избранными саванниками.

— Когда Храм обрушился, и тысячи людей погибли под его сводами, — страну охватила ярость. Все требовали правды, каждый хотел узнать, на чьей совести это ужасное святотатство.

Конан спросил себя: всегда ли Ортегиан говорил в подобной манере, красивыми, обкатанными фразами, что стучат в твой разум, подобно холодным градинам. Нет, наверное, он приобрел эту привычку только когда стал Трибуном.

— Потом правда стала известна... И ярость людей превратилась в ненависть. Все хотели мести. Одни говорили, что курсаиты со дня на день нападут на Валлардию. Другие считали, что мы должны нанести удар первыми.

Он опустил свой единственный глаз в пол.

— К своему стыду, я поддался этому настроению. Слишком свежим в моей памяти был пример Фогаррида, — который стремился во всем поступать правильно, а не так, как требовала толпа. Я думал, что если не сделаю решительный шаг как можно скорее, люди взбунтуются...

Трибун повертел в руках виноградину, потом положил ее обратно в чашу.

— Народные волнения легко могут перейти в бунт, если не дать им выход. Я это знал. Поэтому объявил, что мы будем готовиться к вой-

не. Конечно, я знал, что Валлардия не готова. Наша армия ослабла, дисциплина расшатана, нет единства среди офицеров.

Терранд медленно кивнул, полностью соглашаясь со словами Ортегиана.

— Однако я чувствовал, что выбора у меня нет. Мы начали собирать ополчение, пригласили наемников. Люди ждали, что со дня на день начнется война — поход во имя справедливости, ради отмщения. Но магический барьер, отделивший нас от Курсаи, нарушил все планы.

Он бросил взгляд в сторону пустующего кресла.

— Тебе наверняка известно, что чародей Гроциус так и не смог определить природу этого волшебства, не говоря уже о том, чтобы развеять его. А ведь наш придворный колдун по праву считается одним из лучших по эту сторону Карпашских гор.

Крохотные ладони Трибуна провели вдоль подлокотников кресла.

— Разум подсказывает, что отсрочка только пойдет нам на пользу. Основную часть нашей армии составляют сегодня ополченцы — простые, необученные крестьяне, которые испугаются одного вида боевого феникса. Им нужна тренировка, не так ли, Терранд?

На этот раз полудракон не ответил, уперев мрачный взгляд на арену. Он полагал, что вче-

рашные феллахи не смогут стать хорошими солдатами даже за полгода, и занятия с наемниками мало что изменят.

— Однако толпа не склонна слушаться разума. Люди спрашивают, что делает их правитель, чтобы отомстить курсаитам? Почему власти ничего не предпринимают? Чем занята армия? Вот какие вопросы ты каждый день можешь услышать на улице.

Терранд хотел пояснить, что бы он сам сделал со смутьянами, которые ведут подобные разговоры. В королевских темницах всегда хватает места для тех, кто недостаточно любит своего монарха. К несчастью, Ортегиан не разделял его энтузиазма. Выслушав предложение военачальника, Трибун ответил:

— Ты можешь посадить в тюрьму одного человека или сотню. Но если захочешь бросить туда весь народ, — проще самому запереться в камере.

Больше к этому вопросу не возвращались.

— Будь это один горожанин — я мог бы взять его за руку, привести в наш дворец, показать отчеты лазутчиков, которые каждый колокол сообщают нам о положении дел в Курсае. Я отвел бы его в лагерь, где тренируются ополченцы. Показал наши элитные отряды — фениксов, мантикор, боевых магов. Но людей, которые задают такие вопросы, тысячи. Поэтому я должен ответить им всем и сразу...

— Здесь, на Арене?

— Да. После того, как закончится первый бой, сюда выйдут ополченцы. Не все, разумеется, — только несколько отрядов. Этого будет довольно. Им предстоит сразиться с опасными тварями, которых привезли в Валлардию издалека. Терранд говорит, этих существ прочили для главного боя в Колизее...

— Не напоминайте, сир, что мне самому пришлось участвовать в подготовке этого шутовства, — рыкнул полудракон. — Несколько десятков солдат — моих солдат! — будут рисковать жизнью ради потехи. Умереть во имя того, чтобы вызвать улыбку на жирном лице кожевника — может ли быть больший позор для воина?

— К несчастью, нам приходится учитывать волю народа, — согласился Трибун. — Чаще всего, он столь же глуп, сколь и грязны его сокровенные желания. Мы должны показать людям, что солдаты готовы к бою. Пусть видят тех, кто отстоит честь Валлардии в грядущей войне...

Сапфировые ворота Колизея распахнулись перед Корделией.

Огромный амфитеатр, возносившийся к небу четырьмя ярусами трибун, открылся перед ней, словно бутон невиданного цветка.

Толпа взревела.

Корделия вскинула руку с мечом, и ее громкий боевой возглас потонул в восторженном крике зрителей. Ее здесь любили. Людям не терпелось увидеть, как ловкая аквилонка сойдется в бою с неведомыми тварями, что прятались до поры за другими воротами.

Девушка неторопливо зашагала вперед, и ее черные высокие сапожки тонули в белом песке, которым была усыпана Арена. На его фоне кровь выглядела особенно эффектно.

С тяжелым протяжным лязгом начали растворяться вторые ворота.

Они находились прямо напротив первых — два выхода из Преисподней, чем и были для их обитателей подземелья амфитеатра.

Люди неистовствовали. Никто не знал, какое существо появится из темного коридора. Сто тысяч человек превратились в одно, и им не терпелось увидеть смерть.

— Ну иди ко мне, — пробормотала Корделия. — Ты ведь хочешь умереть — медленно и больно?

Высокие створки лязгнули и остановились.

Девушка подняла меч.

Зрители, еще мгновение назад оглашавшие воздух криками, теперь смолкли. Каждый из них напряженно всматривался в темный провал, и глядя на них, можно было подумать, будто их жизнь решается в эти мгновения.

Тяжело загремел металл.

Двое служителей Арены, невидимые за стеной из известкового туфа, вращали широкие колеса. Звенящая цепь наматывалась на них, поднимая высокую решетку — невидимую зрителям стену, что отделяла прекрасную гладиаторскую арену от монстра.

Толпа взревела вновь, приветствуя второго бойца.

К их крикам волной присоединился рев тех, кто толпился за стенами Колизея — там, специально для них, открывалась кольцом широкая площадь, окаймленная трехъярусной галереей.

Корделия смотрела на тварь, с которой ей предстояло сразиться.

Из широких распахнутых ворот, медленно переваливаясь на коротких лапах, выходил серый дракон.

Его раздвоенный хвост оканчивался длинными заостренными крюками, которые, волочась по песку, оставляли за собой глубокие борозды. Клыкастая пасть была приоткрыта, роняя под ноги монстра дымящиеся капли пламени. Над черными немигающими глазами кустились клокотавшие брови. Из них росли изогнутые рога.

— Корделия, — прорычал дракон. — Я был рад узнать, что сегодня убью тебя.

Девушка взмахнула мечом, разминая запястье.

— Риус, — сказала она. — Забыл, видно, чем закончилась наша первая встреча?

Дракон припал головой к земле, зарывчав, словно собака, которую дернули за стальной ошейник. Три капли огня упали из его пасти, плавя песок и превращая в стекло.

— Я был молод и глуп, — отвечал монстр. — Ты обманула меня, аквилонка. Если бы не сонное зелье, которое я выпил, поверив твоим лживым словам, — тебе не удалось бы надеть на меня цепи.

Девушка рассмеялась.

— Ты был рожден для ошейника, дурачок.

Люди, сидевшие на трибунах, жадно ловили каждое слово. Магические кристаллы, установленные вдоль ярусов, позволяли им расслышать все — даже последний вздох умирающего бойца.

— Ты сделала меня рабом и продала на Арену, — сказал Дракон, медленно приближаясь к девушке. — Так ты обрела право выступать здесь. Ценой моей свободы.

Корделия лениво полюбовалась на свои ноги.

— Надо было думать раньше. До того, как стал охотиться на крестьян и пожирать их.

Когтистая лапа Дракона ударила в белый песок, взметнув его над Ареной.

— Люди родились, чтобы мы пожирали их. Таков мир. И ни ты, ни даже Радгуль-Йоро не сможет его изменить. Видишь мои украшения?

На спине твари поднимался ряд острых шипов, на каждый из которых были надеты человеческие черепа.

— Все это люди, которых я убил на Арене. То, что от них осталось... Я брал только головы лучших. Марсий Хайбориский. Харальд Беспальный. Аренджунский Мечник. Ты знала их? Можешь поздороваться.

Лицо Корделии стало жестким, и оттого еще более прекрасным.

— Я поклялась, что убью Марсия сама, — процедила аквилонка. — Еще один повод тебя умертвить, Риус.

Последние слова еще не поднялись над Ареной, а девушка уже метнулась вперед. Два острых кинжала вспыхнули в ее руках — никто не успел заметить, как меч вернулся в узорчатые ножны.

Дракон вскинул плоскую голову, и мощный столб пламени поднялся в воздух гудящей радугой. Люди вокруг восхищенно закричали. Зрителям было все равно, что этот жадный огонь сейчас поглотит ту, которой они только что рукоплескали.

Здесь были рады многим гладиаторам.

Но по-настоящему любили только смерть.

Корделия перевернулась в воздухе через голову, и ее гибкое сильное тело смогло уйти от раскаленного фонтана огня. Девушка приземли-

лась на шею дракона, заставив его прижать голову к земле.

— Вижу, ты научился кланяться, дурачок, — сказала она. — Хвалю.

Оба кинжала глубоко вошли в глаза твари.

Дракон зарычал от боли и бешенства.

Густая кровь текла по его щекам, перемешанная с глазной жидкостью. Он дернулся, пытаясь выдернуть шею, но девушка не позволила ему освободиться.

— Убить тебя сейчас? — негромко спросила она. — Или отпустить, чтобы это сделали за меня служители Арены? Сам знаешь, никому не нужен слепой дракон.

Мощное тело твари рванулось, сбрасывая аквилонку. Песок поднялся над телом девушки невесомым облаком. Люди вскрикнули, и тут же смолкли. Монстр поднялся на задние ноги, и его окровавленная голова оказалась выше, чем пять ярусов Колизея. В свете яркого солнца заблистали темные пластины на брюхе. В следующий же момент Риус обрушился передними лапами туда, где лежала аквилонка.

Трибун не смотрел на Арену.

То, что происходило там, внизу, не занимало его. Это было так жалко, так мелко. Риус давно заслужил свободу — он одержал в Колизее больше побед, чем другой дракон или вивверн.

Монстр пришел сюда рабом, на цепи у прекрасной аквилонки. Теперь он стал здесь королем, и в мгновения боя люди любили его сильнее, чем своих близких и даже своих богов.

Тогда зачем он сражался дальше?

Ортегиан не хотел даже искать ответа на этот вопрос. Ему казалось, что, поставь он себя на место гладиатора, и сам заразится их безрассудством. Трибун любовался на облака, пытаясь предсказать по ним будущее — этот вид гадания стал очень популярен в последнее время, несмотря на то, что почти никогда не давал результатов.

Поэтому правитель не заметил сразу, что Конан встал и шагнул к выходу из ложи.

— Ты не сможешь помочь своей подруге, — предупредил его Ортегиан, и в голосе карлы прозвучало сожаление. — Могущественное колдовство защищает Арену. Никто не может вмешаться в ход поединка.

Киммериец ответил:

— Риус был мертв в тот момент, когда вышел на арену. А Корделия очень обидится, если узнает, что ты не поставил на нее.

С этими словами он вышел.

Девушка выпрямилась.

Короткий меч глубоко вошел в шею дракона, — в том месте, где она соединялась с гру-

дью. Риус обрушился вниз всем своим огромным весом, и сам насадил себя на клинок аквилонки.

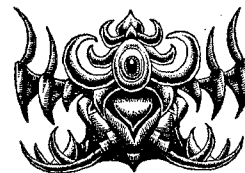
Толпа гудела. Никто не мог понять, что происходит на Арене. Белый песок, взмывший над гладиатрикой, закрывал ее от взглядов толпы, и все, что они были в состоянии рассмотреть — это широкая спина дракона, усеянная острыми шипами.

Затем над ней взвился густой кровавый фонтан.

— Я молил богов, чтобы ты пришла, — прохрипел дракон. — Мечтал отомстить...

Корделия сорвала с пояса третий нож. Длинное лезвие вонзилось в распахнутый рот дракона, пригвоздив широкий язык к нижней челюсти.

— Не о том просил, — сказала девушка.

Глава 25 Черный Орб

глушительный крик, полный ликования и торжества, пронесся над Колизеем.

Люди повторяли имя Корделии, бросали на арену венки, и радовались так, словно самый близкий их друг только что избежал смертельной опасности. Стоит ли говорить, что точно так же вели бы они себя, окажись победа за Риусом.

Лишь те, кто поставил на победу Дракона, сохраняли молчание. Но даже потеря денег не могла лишить их главного — пьяной радости от того, что на их глазах только что пролилась кровь.

Услышав эти возгласы, Конан на мгновение остановился, — исход боя волновал его гораздо сильнее, чем он хотел показать Трибуну и Терранду в королевской ложе. Убедившись, что ак-

вилонка осталась жива, киммериец быстро зашагал дальше.

Сейчас он находился на самом верхнем, пятом ярусе Колизея, — вернее даже, небольшом балконе, который нависал над Ареной. Король не должен сидеть рядом с простыми людьми, если только не удостоил их чести посетить свою ложу.

Двое солдат охраняли вход.

— Ты уходишь, киммериец? — спросил первый. — Сейчас начнется самое интересное.

— Да, — подтвердил второй.

В словах обоих нетрудно было прочесть глубокое разочарование от того, что им не удастся увидеть представление.

— Когда тело Риуса уберут, — продолжал воин (по всей видимости, крики толпы сообщили им об исходе боя), — и Арену посыпят свежим песком, победительница проедет триумфальный круг вокруг Колизея. Жаль, я надеялся, что сменюсь раньше, и смогу бросить ей цветы... После этого выведут монстров.

Конан почти не слушал.

Он пытался воссоздать в памяти облик амфитеатра. Корделия много рассказывала ему о том, как выступала на Арене в Валлардии. Девушка не отличалась болтливостью, но киммериец умел располагать к себе людей и вызывать их доверие. Собеседникам нравилось его умение

слушать, а также неподдельный интерес, который северянин всегда испытывал к людям.

Аквилонка поведала ему многое из того, что вряд ли открыла бы другому человеку, — а порой даже говорила о том, в чем не призналась бы наедине с собой.

Конану нравились ее рассказы, полные огня и приключений, однако на сей раз его интересовала гораздо более прозаическая тема — устройство Колизея.

Сидя в королевской ложе, среди криков толпы и негромких речей Трибуна, киммериец не мог как следует сосредоточиться. Теперь ему следовало запустить руку в кладовую памяти и вытащить оттуда свиток, который раньше казался совершенно бесполезным.

— Корделия! — рев сотни тысячи людей слился в одно слово.

Конан стремительно зашагал вниз.

Солдаты недоуменно переглянулись.

Да, поведение киммерийца выглядело не совсем обычно. Впрочем, если бы они смогли прочесть его мысли, — их удивлению вообще не было бы предела.

Северянин знал, что у него осталось совсем мало времени.

Проклятый шум толпы! Он убаюкивал, лишал возможности думать, и мысль, которая должна была прийти ему в голову давным-дав-

но, постучалась в его разум слишком поздно. Теперь следовало спешить.

Но куда?

Надо вспомнить слова Корделии.

Итак, амфитеатр!

Каменное чудовище, поднимающееся к небу на шестьдесят метров. Четыре яруса, если не считать королевской ложи. Нижний предназначен для аристократов — туда ведет особая галерея, которая начинается прямо у главных ворот. Королям Валлардии нравилось, что вельможи смотрят на них снизу вверх, с самого подножия Колизея...

Конан словно вновь оказался в Хорашишском лесу, под сводами черных проклятых дубов. Негромко потрескивал костер, сам он устроился в корнях высокого дерева, которые могли служить неплохим креслом, полуобнаженная девушка лежала на бархатной шкуре мантикоры.

— Королевская ложа находится прямо перед воротами, из которых гладиатор выходит на арену, — говорила Корделия. — Первый салют мечом — в честь правителя.

— Здесь ведь есть и другой смысл? — лениво заметил Конан.

Он рассматривал кусочек жареного мяса и спрашивал себя, почему вновь не получилось, как учил его кушит Хаффа. Может, не стоило класть кориандр?

— Какой? — удивилась девушка.

— Ты говорила, что выходов на Арену два. Значит, королевская ложа находится прямо над воротами, из которых появляются монстры. Лишний способ напомнить людям, что правителя надо бояться.

Корделия задумалась.

— Мне это никогда в голову не приходило, — сказала она. — Знаешь, Конан, когда я тебе что-то рассказываю, то узнаю гораздо больше, чем ты.

Все-таки кориандр был лишним...

— Вельможи сидят в первом ряду, так им лучше видно. Но и опасно — случается, что какой-нибудь осужденный решит уйти на Серые равнины не один... Зрителей от Арены отделяет невысокий барьер, но он не сможет остановить гладиатора или взбесившуюся мантикору.

— А король, разумеется, не станет так рисковать?

— Король Валлардии вообще никак рисковать не станет. Конечно, ему почти ничего не видно с его насеста. Но в ложе установлены магические зеркала, и с их помощью можно разглядеть все даже лучше, чем из первых рядов.

— Ты говоришь так, будто сама в них смотрела.

— Так и было. Король Димитрис часто приглашал меня в свою ложу... Правда, его жена не

пришла от этого в восторг. Наверное, поэтому он упрятал ее в подземелье.

Опала, постигшая царицу, стала первым камешком, который обрушил за собой лавину и привел к падению монархии. Однако Конан сейчас стремился вспомнить нечто другое. Настоятельно важное, что могло изменить все...

— Главные сановники сидят прямо напротив короля, — продолжала девушка. — Да, наверное, ты прав. Всякий раз, когда они видят, как из сапфировых врат выходит дракон или вылетает гарпия, — при этом у них перед глазами правитель.

— Есть много способов закрепить в людях страх, — подтвердил Конан.

Ложа для вельмож — вот куда надо спешить.

Колизей был поистине огромен; однако войти сюда или покинуть здание можно было очень просто, благодаря сложной системе лестниц.

Три нижних яруса окружали аркады — длинные анфилады арок, и в каждой их было сто, по числу младших богов и демонов, которым поклонялись в Валлардии. Из каждого прохода спускался водоворот ступеней, и лики тварей, вершивших судьбы страны с небес, безразлично взирали на идущих мимо людей.

Конан достиг небольшого портика на двух колоннах — отсюда он мог выйти в город, или попасть на любой из ярусов Колизея. В первый

момент киммериец направился к парадной галерее, ведущей на первый ярус. Однако сразу же передумал и зашагал ко второму.

Здесь располагались всадники — зажиточные горожане и землевладельцы, в жилах которых не текла голубая кровь. Свое название они получили потому, что их долгом, или почетной привилегией, было сражаться на войне верхом, в полках валлардийской кавалерии, — тогда как люди попроще составляли пехоту.

— Корделия Аквилонская! — донесся голос с Арены.

Значит, девушка совершает триумфальный круг по Колизею. Наверняка обидится, что Конан не кинул ей парочку венков с королевской ложи. Надо было попросить Терранда сделать это за него...

Конан оказался на втором ярусе трибун. Арки здесь были украшены высокими колоннами выполненными в коринфском стиле. Киммериец шел по внешнему коридору, но все же мог бросить взгляд на Арену, поверх голов зрителей.

Девушка ехала на триумфальной колеснице, и со всех сторон на нее лился дождь цветов.

«Интересно, Риуса они тоже приветствовали бы букетами?» — подумал Конан.

— Остановись.

Голос был негромким. Не такой, как бывает у солдата, поставленного на караул — глупого,

забитого сержантом дуболома, который провел предыдущий день, вычищая нужники, а завтра умрет под ножом в пограничной стычке.

Такой воин наслаждается властью, как приговоренный к смерти смакует свой последний обед. Он знает, что ничтожество, а все вокруг заботливо не позволяют ему забыть об этом. И теперь, обретя крохотную власть над маленькими людьми, он превращается в злобного, не знающего удержу Цербера, и голос его звучит так грозно, словно предвещает Конец света и Сумерки богов.

Человек, который обратился к Конану, был совсем из другой породы. Высокий, гибкий, он напоминал каплю ртути, которая способна просочиться везде, и убить всякого на своем пути. Он носил темно-красную форму слугителя Арены, — считалось, что этот цвет выбран в честь Радгуль-Йорро, однако на самом деле так проще скрыть следы крови, которая нередко пачкала одежду.

Просторный хитон выглядел на человеке так естественно, словно тот в нем родился или, по крайней мере, провел несколько десятков зим, каждый день надевая это облачение. Простые сандалии на ногах были стоптаны и нуждались в починке.

Никто, даже опытный завсегдатай Арены, не заподозрил бы чужака в этом человеке — так он

удачно вписывался в мир амфитеатра, залитый раскаленными солнцем снаружи, темный и никогда не знавший дневного света внутри. Но везде одинаково жестокий.

И все же Конан почувствовал неладное. Он смотрел не на одежду, и даже не на лицо человека. Все это можно изменить или замаскировать. Но тон незнакомца, его манера вести себя, — явно принадлежали не простому слуге Арены. Человек в хитоне пришел сюда под чужой личиной, — и хотел уйти не узнанным.

— В чем дело? — спросил киммериец.

Ему даже не пришлось изображать важного вельможу, который не столько возмущен, сколько удивлен дерзким поведением слуги. Киммериец был почетным гостем Трибуна, занимал место в королевской ложе, — и мог свободно ходить по всему амфитеатру.

— Тысяча извинений, господин.

Человек в хитоне низко поклонился. Вот ему пришлось притворяться. Он исполнил свою роль безупречно, и самый пристрастный критик не нашел бы ни одного изъяна в его игре. Однако Конан уже разгадал своего собеседника, и понял — тот не просто так преградил ему дорогу.

— Все места на трибунах заняты, — сказал незнакомец. — Возможно, тебе удастся найти свободную скамью на другом ярусе.

Стоило ли говорить, что это было невозможно. Каждый из горожан мог садиться лишь там, где полагалось. Всадник не смел появиться в первом ряду, а вельможа и не захотел бы подниматься на четвертый ярус, к беднякам.

Однако, как часто бывает, отказ незнакомца не огорчил Конана, а, напротив, воодушевил его. Киммериец понял, что слабое подозрение, закравшееся у него в королевской ложе, оказалось правдой. Северянин знал теперь и другое — он на верном пути.

— Боюсь, мне все-таки придется пройти, — сказал он.

— Правильно боишься, — мягко прошелестел незнакомец.

Его руки распахнулись, и каждый палец на них превратился в заостренный металлический крюк. Длинный гарпун, насаженный на тугую цепь, вырвался из груди человека, ударив в Конана. Шея твари стала стремительно расти, голова плавилась, меняя форму, и превращаясь в тяжелый вороний клюв — боевой молот, лишенный глаз, рта и даже подобия человеческих черт.

«Я вновь оказался прав, — подумал Конан. — Это приятно, но порой довольно хлопотно».

В последний момент, киммерийцу удалось перехватить тяжелый наконечник гарпуна. Ост-

рое лезвие все-таки погрузилось в его плоть на несколько вдохов, но не причинило особого вреда, упершись в кость.

Мощный наконечник молота, который мгновение назад был головой незнакомца, обрушился на северянина.

Конан отскочил в сторону, не отпуская из рук острие. Но тут же вскрикнул, и его пальцы сами собой разжались. Острая боль пронзила правый бок — там, распахивая парадную мантию, открылись четыре рваные раны. Это монстр, вытянув левую руку — казавшуюся теперь бесконечной — нанес стремительный и внезапный удар.

— Лучше бы ты смотрел на Арену, — прошелестела тварь.

Конан шагнул к ней, но гарпун вновь выстрелил. Боль взошла, словно яркое солнце. Острое лезвие поранив плечо и вышло с другой стороны, чиркнув о каменную стену.

Никто из людей, сидевших на трибуне, не замечал их. Незнакомец выбрал место так, чтобы остановить любого зеваку, случайно оказавшегося на галерее, — и при этом не привлечь внимание зрителей. Отрывистые крики, которые доносились до Конана, возгласы ужаса, отвращения и восторга сообщили ему о том, что на Арене появились монстры, привезенные из дальних краев.

Те, кто сидел в королевской ложе, не мог носить при себе оружия. Единственное исключение составлял Терранд — боевой топор, засевший в его голове, стал частью полудракона, и даже рос с ним, увеличиваясь в размерах по мере того, как вырослел сын чудовища.

Киммериец мог положиться на свою силу и ловкость, — однако он знал, что две эти карты с легкостью могут быть побиты коварством, числом и магией.

Оставался только один союзник, который не раз выручал Конана в трудный момент — разум.

Левая лапа твари чиркнула по животу киммерийца. Боль была такой, что северянин спросил себя — не вывалятся ли из него все внутренности, если он сейчас пошевелится.

Гарпун в третий раз понесся к нему.

Тяжелая цепь звенела, разматываясь вслед за острым снарядом, и уходила в широкую грудь чудовища. Киммериец перехватил холодное острие и, стремительно отпрыгнув назад, оказался за высокой колонной. На каждом из ярусов они были сработаны в особом стиле — в коринфском, аргосском и шемитском.

Пять острых крюков, венчавших лапу чудовища, ударились о мраморную поверхность. Крошечные кусочки мрамора посыпались на пол, выложенный известковым туфом. Конан

понимал, что не сможет защититься от врага с помощью этой преграды дольше, чем на пару мгновений. Однако такой отсрочки было вполне достаточно.

Глубокие раны, оставленные металлическими крюками твари, немилосердно горели, однако северянин запретил себе думать о них. Он стремительно обогнул колонну и несколько раз обмотал гарпун, который держал в руках, вокруг натянутой звенящей цепи.

Теперь его противник оказался прикован к мраморному столбу.

Тяжелый вороний клюв рухнул вниз, разрубая звенья. Правая лапа монстра потянулась к горлу Конана. Тот перехватил ее, не замечая, что острые крюки глубоко погрузились в руку. Северянин дернул за запястье противника, обрушив его пол. Не давая врагу опомниться, киммериец наклонился и, напрягши все силы, поднял врага над землей.

Несколько коротких шагов, которые предстояло сделать, показались ему такими долгими, как путешествие в Кхитай.

Выйдя на трибуну, — и оставшись по-прежнему не замеченным людьми, что с жадным вниманием смотрели вниз, — Конан собрал волю в кулак и со всей силы швырнул своего противника на белый песок арены.

Там ждали мантикоры.

Огромные твари с телом льва и крыльями дракона. Они бродили без цели, — распорядитель хотел, чтобы зрители сперва вдосталь насладились их видом, ужаснулись их уродству и восхитились жестокой животной силой, и только потом увидели, как эти создания сойдутся в бою с людьми и друг с другом.

Твари обернулись к металлическому существу, внезапно обрушившемуся на них.

Люди восхищенно закричали. Никто не усомнился в том, что представление продолжается. Несколько голов повернулись туда, где стоял Конан. Зрители хотели понять, откуда появилась новая тварь. Однако то, что происходило на Арене, привлекало их гораздо больше. Поэтому киммериец смог выскользнуть с трибуны, почти никем не замеченный.

Там, внизу, раздавались крики боли и ярости. Монстры, выпущенные на арену, набросились на металлическую тварь. Возможно, они почувствовали в ней врага, — или просто увидели того, на ком могли выместить свою злобу и ненависть.

Острые стальные крюки поднимались и падали, разрывая в клочья живую плоть. Но падение с такой высоты слишком дорого обошлось существу.

Оно уже не могло подняться, и мантикоры это почувствовали. С торжествующим рыком

они набрасывались на врага, откусывая от него клочок за клочком. Металл гнулся и рвался под львиными зубами, не уступавшими крепостью алмазам. Через пару терций, от твари осталась только груда обломков.

— Жаль, что нам пришлось отменить представление, — негромко пробормотал Трибун.

Он сидел в высоком кресле, — если это слово можно применить к человеку, лишенного туловища по пояс, — и задумчиво катал по подлокотнику небольшой шар, который незадолго до этого смял из куска пергамента.

— Это все, что вас беспокоит, господин?

Рык Терранда прокатился по парадной зале.

Монстра в нем и правда было гораздо больше, чем человека. Глядя на них в этот краткий миг, можно было подумать, будто король здесь полудракон, а карла — всего лишь его слуга.

Военачальник продолжал.

— На каждой дороге, ведущей в столицу, стоят наши патрули, — как и на большинстве других. Ворота в город тщательно охраняются. Боевые маги проверяют каждого, кто хочет войти. Мимо хорошо обученной карпашской мантикоры нельзя пронести Обсидиановый Орб — даже обычный проклятый амулет они учуют за милю.

Зубы Терранда плотно сжались, останавливая слова, которые не стоило произносить.

Несколько мгновений он молчал, стараясь обрести спокойствие, потом заключил:

— И все же курсаиты смогли попасть в Колизей. Это значит, что кто-то в столице им помогает. Чему удивляться! Я помню, как собирали правительство. Чины в то время раздавали всем, кто был под рукой.

— Вот именно, — с преувеличенной серьезностью подтвердил маг Гроциус.

Из горла полудракона вырвалось сдавленное рычание. Он явно принял намек на свой счет. Сам чародей принадлежал к древнему аристократическому роду, который испокон веков служил монархам Валлардии.

В последнее время, однако, другие семьи оттеснили его на обочину политических интриг — возможно, поэтому колдун так охотно поддерживал Фогаррида.

Терранд, напротив, был наемником — к тому же, приехал издалека.

Трибун слегка приподнял руку, приказывая им прекратить.

Военачальник слегка наклонился над креслом Ортегиана.

— Один лишь Радгуль-Йоро знает, что замыслили курсаиты. Тот, кто провел их в город, может сделать это снова. А вас беспокоит, о чем

станут судачить люди, когда их отправили по домам!

Голос Трибуна был, как всегда, мягок и тих.

— Однако это единственная проблема, которая должна нас заботить, Терранд. Мы позвали подданных, желая показать им — наша армия готова к войне. Горожане пришли посмотреть на тех, кто будет защищать их от коварства курсаитов. А вместо этого нашим гостям пришлось слушать небылицы, придуманные на ходу...

Он прищелкнул пальцами.

— О бешенстве мантикор, — подсказал Гроциус.

Голова мага плавно покачивалась над письменным столом Трибуна.

— Наш храбрый военачальник объявил всем, что одно из животных заболело, и зрители тоже могут от него заразиться. Поэтому надо очистить Колизей...

Чародей хихикнул.

— Сперва от людей, потом от заразы. И правда, ты очень мужественный полудракон, Терранд. Я бы не осмелился говорить такую явную чушь.

Военачальник набычился.

— Но это правда, Гроциус. Мантикоры на самом деле подвержены бешенству. Ты должен это знать, если считаешь себя магом. Болезнь

нередко передается людям — вспомни, что произошло в Кофе три зимы назад. В Колизеях такое порой случается.

— Правда, но неправдоподобная, — возразил колдун. — Скажи народу, что боги пошлют им богатство и процветание, и люди поверят, потому что глупы. Но заявите им, что придется работать в поле от зари до зари ради черствого куска хлеба, — так они пошлют вас в преисподнюю. И тоже потому, что глупы. Лучше бы ты сказал, что все монстры перешли в клетках.

— Такого отродясь не бывало, — возмутился Терранд. — И уж тем более, под моим началом.

— Нам всем надо успокоиться, — мягко прервал их Трибун. — Давайте послушаем Конана. Как ты считаешь, зачем курситы пробрались в Колизей?

Киммериец думал о словах Гроциуса.

Потомственный аристократ, он относился к людям с высокомерным презрением. Видел в них лишь грязь, по которой порой приходится идти, чтобы достичь цели, — но при этом можно запачкаться. Могло показаться, что его слова очень похожи на рассуждения Трибуна о том, что толпа должна слушаться лучших, избранных, а отданная самой себе способна только уничтожить страну.

И все же Конан видел, что маг и Ортегиан относятся к народу совсем по-разному. Высоко-

мерие колдуна объяснялось тем, что он любил только себя. Правитель же искренне заботился о своих подданных — и именно поэтому был готов проявить к ним жесткость, даже жестокость.

Вопрос в том, кто из них мог принести стране больше зла.

Корделия ткнула Конана пальцем в плечо, и только тогда киммериец понял, что к нему обращаются.

— Нам нет нужды строить догадки, — ответил северянин. — Я точно знаю, для чего этот человек был там.

Он наклонился, — боль в плече отдалась тихим всполохом, и киммериец поморщился. Потом поднял с пола небольшой сверток и поставил его на стол.

— Черный Орб, — произнес Конан.

Ортегиан устремил немигающий взгляд на обсидиановый шар. Затем, покорная его воле, сфера поднялась в воздух и заскользила к нему.

— Пустой, — кратко произнес Трибун еще до того, как его руки коснулись Орба.

— Разумеется, — согласился Конан. — Я бы не стал приносить во дворец то, что может сровнять его с землей за пару мгновений. Перед тем, как прийти сюда, заглянул к знакомому магу. Он развеял чары, заложенные в шаре, — поэтому мне и пришлось так задержаться.

— Мы думали, ты у лекаря, — вставил Гроциус.

Его явно задело, что киммериец обратился за помощью не к нему, а к какому-то другому колдуну.

— Это было вполне разумно, — отвечал Трибун, позволив остальным остаться в неведении, какой именно из поступков Конана он имеет в виду.

То, что северянин позаботился обезвредить Орб, или то, что не стал идти с этим к придворному магу.

— Ты думаешь, курсаитский шпион собирался бросить Орб в зрителей, чтобы создать панику? — осторожно спросил Трибун.

Конан понял, что Ортегиан сам в это не верит.

— Нет, — отвечал киммериец. — Я точно знаю, что цель была другая. Этот человек хотел взорвать Колизей.

В парадной зале воцарилось молчание.

Было слышно, как шелестит по полу короткий хвост Терранда.

— Это невозможно, — наконец возразил маг Гроциус. — Длина амфитеатра восемьсот локтей, ширина шестьсот. Он бы не обрушился, как Храм.

— Ты прав, — согласился Конан. — Однако шпион собирался укрепить Орб возле несущей колонны. Корделия...

Девушка подала ему свиток с планом Колизея.

— Как видите, если взорвать этикрепления, обрушится все правое крыло. Там, где сидят самые высокопоставленные вельможи... Прибавьте к этому панику, давку. Наверняка оказалось бы много жертв и среди тех, чьи трибуны взрыв не коснулся.

Ортегиан провел рукой по подбородку. Стало ясно, что Конан озвучил его собственные мысли.

— Иными словами, у нас был бы второй Храм, — пробормотал он.

Этим коротким словом в Валлардии уже давно стали называть чудовищную трагедию, унесшую жизни тысячи людей.

— Но почему сейчас? — спросил Терранд.

— Это легко объяснить, — живо отвечал правитель. — Мы устроили представление для того, чтобы показать мощь своей армии. Нельзя придумать более верный способ сломить боевой дух нации, чем нанести ей удар в такой момент...

Глава 26

Легионы

Во второй раз лететь на Цестерце совсем не так увлекательно, — заметил Ортегиан, взглядывая вниз, за край гранитной плиты. — Ты можешь подумать, Конан, будто все дело в том, что на сей раз нас с тобой не станет приветствовать ликующая толпа; но уверяю тебя, причина совсем иная.

Крылатая платформа медленно поднималась над королевским дворцом, — его по-прежнему так называли, несмотря на то, что в Валлардии уже не осталось монархов.

Конан видел стражников, совершавших обход вокруг замка, тяжелые подводы, везущие припасы для кухни, — и спрашивал себя, что же изменилось в стране, если и люди, и их правители ведут все ту же жизнь, как и перед восстанием.

— Все в мире нам приедается, — печально молвил Ортегиан. — А когда что-то надоедает,

мы перестаем это ценить — и скоро теряем, по собственной небрежности. Тогда снова приходит чувство, что без утраченного наша жизнь ничего не стоит, и все начинается заново... Думаешь, стоит ради этого жить, Конан?

— Тогда для чего? — спросил киммериец.

— Мне хочется верить, будто я живу для людей, — отвечал Ортегиан. — Тех, кто позволил мне стать Трибуном. Но я понимаю, что это самообман. Народ любит меня — так же, как любил когда-то Фогаррида, которого потом растоптал. Такая же участь ждет и меня, если я совершу ошибку — или просто надоем своим подданным. Иногда я думаю о том, что вернись король Димитрис, люди приветствовали бы его с тем же пылом, с каким несколько зим назад желали его свержения.

Конан про себя согласился с этим.

Дворцовый парк остался далеко позади; и сразу же под ними распахнулись широкие лопасти армейских казарм.

Владыки Валлардии благоразумно разместили элитные отряды своего войска в нескольких шагах от замка, — с тем, чтобы солдатам было проще охранять повелителя. Отряды, состоявшие в основном из ополченцев, были расквартированы в Нижнем городе — солдаты, которые еще вчера были простыми крестьянами, могут в дни смуты перейти на сторону бунтарей.

— Раз в месяц я должен инспектировать войска, — пояснил Трибун. — Сегодня же мой визит носит еще и... Как это говорит Гроциус? Запоминал, что-то про боевой дух. Можно подумать, если они поглядят на меня, станут воевать лучше.

Ортегиан недовольно крикнул.

— Почему на Цестерце? — спросил киммериец.

— Во-первых, это быстрее, — Трибун наклонился к своему собеседнику поближе, словно здесь, под сводами облаков, кто-то мог их подслушать. — Но, главное, не хочу смущать Терранда. У армии должен быть только один командир. А когда на поле выходят генерал и правитель, солдаты не знают, кому из них подчиняться... Погляди-ка вниз.

Отряд боевых драконов составлял костяк Валлардийской армии. Их держали в темных сырых подвалах, выложенных изнутри базальтовыми и гранитными плитами. Сейчас, днем, твари спали в своих убежищах, — чтобы ночью вылететь на охоту, под присмотром опытных змееловов.

Гигантские рептилии могут жить только в таких подземельях, которые в точности повторяют их родные пещеры.

— По-твоему, война с Курсаей неизбежна? — спросил Конан. — Если магический барьер до

поры отделяет вас от врага, возможно, есть время для переговоров?

— Нет смысла заключать сделку с тем, кто привык наносить удар исподтишка, — возразил Ортегиан. — Мы даже не станем терять на это времени. Впрочем, не подумай, будто я осуждаю наших соседей. Ведь такому отношению к жизни учит их религия. Жрецы с детства внушают курсайтам, что судьба благоволит лишь хитрым да изворотливым, и самих богов можно обвести вокруг пальца, если захочешь. Такие люди не знают, что такое честность и благородство. Есть ли смысл вести с ними переговоры? Нет, только быстрая и грамотная война сможет обеспечить нам безопасность.

Конан впервые слышал, чтобы войну называли грамотной; однако он привык к тому, что правители прячут под шуршащей мишурой слов свои не всегда приглядные замыслы.

— Много людей при этом погибнет, — заметил киммериец.

— Неважно, — с глубокой убежденностью отвечал Трибун. — Легионы Оззрика спасли гораздо больше жизней, чем погубили. Суди сам. Если армия раз за разом одерживает победы, народы будут склоняться перед ней сами.

— Страх как основа мира? — усмехнулся Конан.

— Не страх, — терпеливо отвечал Ортегиан,

словно учитель, объясняющий ученику сложное, но очень важное уравнение. — А нечто более важное, великое, я бы сказал. Люди, как животные, — признают право сильного на власть. А посмотри на пиктов! Черные Королевства! Эти дикари погружены в вечную войну друг с другом, — только потому, что среди них никак не найдется лучшего народа. Того, перед кем с благодарностью склонятся все остальные, понимая, что только смирение перед его властью принесет им покой и процветание.

Далеко внизу выстраивались отряды боевых магов.

Худые, с изможденными лицами и очень слабые телом — они превращались в мощное оружие нападения, если их прикрывали всадники и пехотинцы. Как правило, в бою один на один у воина нет никакого шанса против опытного волшебника. Поэтому противник обычно стремится уничтожить чародеев в первую очередь.

Боевой маг на поле боя — почти что смертник. Лишь немногим из них удастся вернуться домой живыми, и Гроциус, сохранивший одну лишь голову, вполне мог считать, что ему повезло.

Впрочем, в этих людях давно исчезло все человеческое. Страх, отчаяние, желание жить, — подобные чувства не ведомы колдунам, посвя-

тившим себя искусству сражения. Они идут в бой с тем же безразличием, с каким твердят новые заклинания или совершают утреннюю молитву богам, чьи имена вряд ли вспомнят в другое время дня.

По другую сторону рва тренировались пау-чьи всадники — верхом на мохнатых восьмилпых тварях, они скользили по изумрудной траве, словно черные капли зла. Каждый наездник был вооружен пикой, наконечник которой сиял и вспыхивал молниями, — все в элитных отрядах носили только заговоренное оружие.

Правая рука Ортегиана сжалась в кулак.

— Хотите узнать, чего стоит народ? Взгляните на его войско. Если солдаты трусливы, а генералы изнежены, если легионы способны лишь пожирать собственный край, словно саранча, — и люди вокруг воспринимают это как должное, — такая страна обречена на скорую гибель.

Глаза Трибуна вспыхнули, и Конан поймал себя на странной нелепой мысли, что безногий, уродливый карлик стал в этот миг по-своему прекрасен, — так порой мы видим красоту в смерти или отчаянии.

— Люди осуждают войну, — молвил Ортегиан. — Тщатся противопоставить ей творчество! духовность! поэзию! Но скажи мне, Конан, разве создать армию — не искусство? Я беру горсть жалких, оборванных смердов, феллахов,

чьи мозги ссохлись от тупой работы на поле — и превращаю их в воинов. Какой бард, какой ваятель способен свершить подобное превращение?

— Размозжить противнику череп дубинкой — это ты называешь духовностью? — поинтересовался Конан.

— Ты не прав, — твердо отвечал Трибун. — Сила оружия — именно духовная. Разве цель армии в том, чтобы убивать? Грабить? Так поступают только каратели и мародеры. Нет! Задача солдата — покорить врага, победить не на поле сражения, а в сердце.

Он наклонил голову, — осознав, что слишком поддался чувствам, стал чересчур откровенен, и потому вновь натягивая на лицо маску иронии.

— Вижу, ты улыбаешься. Напрасно! Скажи, Конан, много ли войн заканчивалось полным истреблением одной из сторон? Нет, побежденный складывает оружие, хотя и мог бы еще сражаться. Он признает, что победитель имеет право взять над ним верх.

— Право сильного?

— Единственное реальное право! Взгляни на те законы, которые насаждаются в так называемых «прогрессивных» странах. Кого они защищают? Слабых! Согласен, в какой-то мере это разумно. Но чего стоит страна, в которой куль-

тивируют, поощряют бессилие? Рано или поздно она превратилась в жалкое сборище трусов, способных только на то, чтобы покориться завоевателю — но слишком глупых, чтобы понять это вовремя, и потому обреченных на кровавую бойню...

Сагурн уже приготовился спать, разбросив на земле тонкую плетеную циновку и подложив седло под голову. Он усмехнулся, вспомнив озабоченность Вердиция относительно отдыха ополченцев — если устал, как и положено на учениях, тебе не нужна постель, заснешь и на камнях, да спать будешь еще лучше, чем на жарких потных ложах во дворце.

Вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову, он всматривался в живое небо над собой, глядя на огромные чистые звезды, никогда не предстающие во всей красе, если смотреть на них из низин.

Краем глаза он замечал мелькание крохотных звездочек, однако как только пытался посмотреть на них прямо, они исчезали, дожидаясь, пока человек отведет свой пристальный взор.

Поглощенный своей игрой, он вздрогнул, когда кто-то дотронулся до плеча. Мгновенно сев, перехватил чужую руку, но тут же отпустил — возле него на коленях стоял Визалиус со взвол-

нованным лицом, что было для него весьма необычно.

— Разрази тебя Дармак, — прошипел сержант, несмотря на раздражение, понимавший, что помощник не нарушит его покой по пустякам и раз соблюдает таинственность, то это необходимо. — Что ты вертишься возле меня, за день не насмотрелся, соскучился?

Но Визалиус, не обращая внимания на выговор, ответил:

— Тебя зовет Терранд. Немедленно.

Сагурн вскочил.

— Сейчас? Во дворец?

Визалиус тоже выпрямился.

— Он здесь, в своей палатке. Никто не извещен о его приезде, меня нашел его помощник, он из нашего села, ушел оттуда зим пять назад, а твоего лица не знает.

Сержант посмотрел на палатку, стоявшую в отдалении, но она была по-прежнему темна и казалась необитаемой. В этом не было ничего удивительного — стены из шкур сиргитов, покрытые плотным шелком, не пропускали света. Не теряя больше времени на бесплодные размышления, он направился к шатру командующего.

Порадовавшись, что небесные девы — звезды, служительницы Эзерии, набросили на себя и богиню плащи внезапно набежавших туч, он быстро отыскал вход и проскользнул внутрь, где ца-

рила темнота. Как только сержант задернул за собой плотный полог, закрывающий вход, вспыхнули три светильника, наполненные маслом.

Терранд сидел на специально сделанном для него кресле, так, чтобы топор, торчащий из затылка, не мешал откинуться на короткую спинку.

Сагурну не часто приходилось видеть главнокомандующего и теперь сержант должен был делать над собой усилия, чтобы не пялить глаза на сверкающее лезвие, которое постоянно хотелось выдернуть.

Черной яшмой переливалась в бликах света чешуя на его лице, но глубоко запавшие глаза оставались недостижимы для взора.

В царящей полутьме невозможно было ни встретиться с ними, ни прочесть их выражение, что весьма затрудняло общение для сержанта, который нередко именно по взгляду — его спокойствию, напряженности, увертливой прыткости выносил суждение о человеке, всегда оказывавшееся правильным.

Сагурн знал пристрастие главнокомандующего к аскетической простоте, но все же не ожидал столь убогой для высокого сановника обстановки. В обширном шатре на небольшом выцветшем старом коврике лежал мешок, набитый травой, представляя собой постель. На столике в углу отсвечивал светлой древесиной таз

для умывания и пара медных кувшинов с помятыми боками.

Возле стола не было лавок, очевидно, Терранд пользовался креслом, а приглашенные могли постоять. Статуи бога войны, матери и отца всех живущих — Солнца и Амириссы, да серебряная трехлапая жаба Ордина представляли походный пантеон военачальника.

Сагурн стоял молча, вытянувшись, понимая, что его оценивают — в последний раз перед принятием решения.

Наконец Терранд отчеканил:

— Наступаем завтра.

Сержант удивился — такой приказ оглашали заранее, обычно за два дня, чтобы каждый успел подготовиться, как сумеет.

Солдат и даже ополченцев в первый день отпускали в город, где ожидали их гостеприимные заведения с девицами — красивыми и не очень, кому что по карману. Каждому в зависимости от благоволения сержанта давали мешочек с деньгами, а иные, ничем не отличившиеся, зажимали в ладони несколько медяшек.

День перед выступлением был посвящен тренировкам, отдыху и речам жрецов, расползающихся по лагерю наподобие муравьев. Они были призваны убедить всех, как славно разгромить врага, стремящегося отнять те удовольствия, которые они недавно испытали.

Несмотря на эти мысли, Сагурн промолчал — его ни о чем не спрашивали.

Видимо, довольный невозмутимостью сержанта, Терранд продолжил:

— Время выступления против Курсаи известно только старшим офицерам и солдатам элитных полков. Нынешний набор ополчения плох, как никогда. Они должны узнать все в последний момент, а то начнут разбегаться.

Слушая главнокомандующего Сагурн позволял себе кивнуть головой, одобряя его предусмотрительность, про себя раздумывая, какое отношение он, сержант, имеет к планам вышших офицеров и отчего удостоен чести знать тайну.

Терранд пошевелился, укладывая свои чудовищные руки на стол. Кресло под ним заскрипело, и Сагурн взмолился Ордине, чтобы оно не развалилось — вряд ли командующий оставил бы в живых свидетеля его нелепого падения. Но мебель, видать, привыкла к своему хозяину и, привычно крякнув деревянными соединениями, удержалась.

Пальцы полудракона стремительно метнулись, ловя на лету ночное насекомое с прозрачными крыльями, вылетевшее из какого-то темного угла палатки.

«Прости меня, Амирисса, все дети твои хороши, но этот чисто ящерица, что ловит языком

всякую тварь. Неужто среди людей Валлардии не нашлось достойного человека?».

Сильные пальцы, неспешно перетирающие хрустящие крылья и хитиновый покров вдруг замерли, и далеко не трусливого сержанта обдало холодом — что, если тот сумел прочесть или угадать его мысли? Но Терранд, обтерев руки о полы черного плаща, заговорил снова:

— Тебя ждет особое поручение. Наслышан, что за короткое время ты сколотил такой отряд, которому позавидует капитан, обучающий армейских солдат целую зиму.

Он что-то проворчал, прерывая попытку Сагурна благодарить за высокую оценку его труда. Еще более приглушив голос, главнокомандующий мрачно пошутил:

— Так ли, нет — решим, когда вернешься.

Он крепко сжал кулаки, лежащие на столе, слегка повернулся, и Сагурн невольно поежился — пламя ярко осветило лицо сидящего и прямо в глаза сержанта взглянули суженные, холодные зрачки рептилии.

— Слушай внимательно, — заскрипел голос. — Наступление пойдет с трех сторон, ты должен быть вместе со всеми, побольше мелькай перед глазами, чтобы тебя заметили среди наступающих. Каждый должен считать, что ты не исчез, а отошел к другому отряду. Пойдете вверх по реке, там уже сколочены мосты. Глав-

ное для тебя и твоих людей — создать видимость присутствия и тогда, когда вас уже не будет со всеми. Задержись возле Хрустального грота.

Перед мысленным взором Сагурна возникла высокая, переливающаяся на солнце скала, возникшая века назад из кипящего вещества, выплеснутого из горных недр при землетрясении. Как ни бились маги, колдуны, умельцы всех сортов, никому не удалось отколоть даже крошечного кусочка, который хотели использовать в магических снадобьях, амулетах или редких украшениях.

С тех пор возле этой скалы женщины Валлардии молились Эзерии и ее главному духу Ордине, запрещая мужчинам появляться на священном месте. Да те и не стремились, вспоминая старую легенду о двух смельчаках, которые ослушались требований векового обычая, за что и поплатились жизнью. Тела обоих были найдены растерзанными у подножия Хрустального грота и кровь, не высыхая на солнце, пять дней алела среди белого сияния камня.

Терранд дал знак, и помощник, сливающийся с темнотой дальней стены безмолвно налил два медных кубка холодным кисловатым вином, поставив оба перед хозяином. Тот сам протянул питье Сагурну, принявшему чашу с почтением и удовольствием — ему давно уже хотелось пить.

Командующий шевельнулся, и ординарец снова исчез во мраке.

— Надеюсь, ты не веришь глупым сказкам, пророчествующим беду мужчине, что подойдет к женскому святилищу?

И, не дожидаясь ответа, веско произнес:

— С этого места начнется твой путь. Пойдешь тайной тропой, о которой никто не знает. Она начинается прямо в гроте, а туда не заходят не только мужчины, но и сами женщины. Тебя уже будет ждать человек, которого скрытно проведешь в тыл курсаитам. Пожертвуй всеми своими людьми, пожертвуй собой, но он должен быть там в то время, какое назовет. От этого зависят не наши с тобой жизни, а нечто гораздо более важное.

Терранд требовательно спросил:

— Тебе все понятно? — на что Сагурн позволил себе недоуменно пожать плечами:

— Все ясно, только как я узнаю человека, которого должен охранять и вести?

Тонкие треугольники клыков Терранда заблестели, удлинясь на глазах, Сагурн не сразу понял, что главнокомандующий улыбается.

— Не обозначаешь. Ты его видел и не забудешь, как меня никто никогда не мог забыть.

Сагурн четко повернулся, но его выправка уже не была видна — помощник закрыл светильники, и тьма заползла в палатку.

Глава 27

Наступление

онкий вой трубы разбудил ополченцев на рассвете. Еще ночью Сагурн распорядился выпустить всех провинившихся из Темноты, чтобы не терять лишних рук. Каждый получил с лепешкой кружку горячего отвара травы дар, которая наполняет сердце мужеством и отвагой, ощущением новых сил и неудержимым желанием применить их.

Сержанты построили свои отряды, снабдив каждого мечом, щитом, длинным кинжалом и тяжелым копьем. Капитан объявил, что сегодня состоятся общие учения на новом месте, выше по течению.

Подобие настоящего боевого построения уже случалось, поэтому ополченцы, ничего не подозревая, вели себя, как обычно.

Два брата — близнеца, тощих и пламенно рыжих выпрашивали, по обыкновению лишнюю

лепешку, светловолосый здоровяк любовно точил лезвие меча, проглотив еду парой глотков. «Великий маг», как прозвали совсем молодого парнишку с известной долей уважения, смазывал травяным настоем раны, нанесенные жестокой муштрой.

Наблюдая за привычным течением тех двух терций, которые назывались свободными, включая завтрак, Сагурн, неожиданно и неуместно ощущая тяжесть своих тридцати пяти зим, думал о том, что мало кто из них вернется живым и уж тем более не покалеченным.

Возможно, именно так и следовало поступать, как в этот раз — сообщать о том, что ты уже находишься на войне, в последний момент. Зная заранее, многие бы не спали ночью, другие неизбежно попытались бежать, были бы пойманы с криками и проклятиями солдат. Все это могло вызвать суматоху, панику и лишний страх.

А когда вдруг узнаешь, что враг перед тобой, то остается только защищаться. Может, и не думая о судьбах страны, а озабочась лишь сохранением собственной жизни, да какая разница, если целью в том и другом случае является уничтожение противника. А Терранд — прав: такого слабого ополчения не было уже многие зимы.

Подойдя к Визалиусу, лежавшему, раскинув руки на земле, как будто напиваясь от нее

силами. Сержант невольно позавидовал его редкому умению в любой момент, в любом месте вот так безмятежно отдаться отдыху, словно рождаясь заново.

Он собирался слегка толкнуть помощника носком сапога, привлекая внимание, но подойдя ближе, встретил внимательный взгляд светлых глаз. Это было другой, удивительной способностью Визалиуса — если бы сержант проходил совсем рядом по своим делам, юноша бы не пошевелился, но он всегда заранее чувствовал, когда идут именно к нему.

Он поднялся, выжидательно всматриваясь в лицо сержанта, и тот понял, что сын мельника заподозрил обман и нуждается только в подтверждении своих мыслей.

Сагурн кивнул, и ожидание исчезло с лица ополченца, заменившись спокойствием и жесткой решимостью. В который раз сержант поразился такому солдату и собственному умению подбирать людей — остальные в отряде были не намного хуже, хоть и не все отличались такой свободной, неистовой и одновременно гармоничной силой.

Сержант сказал.

— Осторожно предупреди своих, что сегодня выступаем, однако вместе с остальными будете только вначале. До того, как построиться, привлекайте к себе внимание, уверьте всех, что отряд на

месте, намекните на возможность того, что нас поставят вместе с армейскими. Вряд ли кто-то станет особо нами интересоваться, но на всякий случай нужно сделать так, чтобы ничто не привлекало внимания. У нас задание особое, следите за мной — как только сниму шлем, подбирайтесь незаметно, а там станет ясно, что делать.

Визалиус исчез, а Сагурн подумал: «Сейчас, во всяком случае, мне мало что известно».

И тут же с солдатской философичностью заключил: «Начальству виднее, там посмотрим и что велят, то и выполним».

Ободрив себя таким размышлением, он отправился дальше, заговаривая с другими сержантами, ополченцами и солдатами, выполняя указание Терранда, краем глаза наблюдая, как его ребята так же ненавязчиво демонстрируют свое присутствие. Снова заверещала труба, ополченцы обступили своих сержантов и спустились к реке.

Горы постепенно сдвигались, зажимая Акторсу, и ее ядовитая вода злобно бурлила, разбиваясь о валуны, нагроможденные по берегам и в самой середине течения.

Ополченцы, за последнее время привыкшие к полыхающему торжеству Золотой горы, приоткрылись, с опасением оглядывая черные вершины с одинокими скрюченными деревьями.

Чернота наплывала, окружая все предметы вокруг. Верхушки горной гряды почти смыкались наверху, сужая светлую полосу неба.

Здесь не требовался четкий строй, поэтому Сагурн и его люди то и дело заговаривали с другими, несмотря на то, что и на них гнетущая обстановка тоже оказывала неприятное воздействие.

Река повернула, скалы неожиданно расступились перед песчаной равниной, образовавшейся после древнего землетрясения. По ее границе вилась сосновая роща, полукругом охватывая плато и вдали переходя в настоящий лес. Над нею искрила верхушка Хрустального грота, при виде которой ополченцы преисполнились опасливого почтения — сама богиня Эзерия и защитница людей Ордина появлялись здесь, беседуя с немногими женщинами.

Каждый забормотал свою молитву и над долиной некоторое время стоял неясный гул, даже капитан не решился прервать его.

Вновь пронзительно закричала труба, послышалась команда строиться. Сагурн расположился на правом фланге, так, чтобы между ним и рощей больше никого не оставалось.

Край солнца появился на небе и как будто его отражение на земле, сверкая золотисто-красным цветом выкатились из-за леса первые ряды конницы. Ополченцы дружно ахнули, по-

трясенные величием зрелища и впервые закравшимся сомнением относительно причин их сегодняшнего сбора.

Впереди на огромном белом коне ехал Терранд, отличаясь в снаряжении от остальных всадников только алым плащом, наброшенным поверх доспехов да султаном из белых перьев редчайшей птицы друзья, приносящей удачу.

Шлемы и латы конных воинов сверкали белой маргорнской сталью, лошадей прикрывали латы красного железа и рыжей меди. Большинство шлемов были изготовлены искусными мастерами в виде чудовищных звериных морд с разинутой пастью и оскаленными клыками, над которыми возвышались разноцветные султаны, зрительно увеличивая и так немалую фигуру воина, превращая его в устрашающего великана.

Кроме меча, почти вдвое превышающего длину пехотного, они имели тяжелые копья, конструкция которых недавно усовершенствовалась.

Наконечник крепился к древку не двумя железными шипами, а одним, второй заменил ломкий деревянный гвоздь. Вследствие этого при ударе деревяшка ломалась, а оставшийся металлический наконечник гнулся, застревая в щите.

Искривленное копьё волочилось под ногами лошади. Единственной возможностью отделать-

ся от этой тяжелой помехи было бросить щит, сделавшись уязвимым.

Конная лавина выстроилась перед одним, самым широким из трех мостов через реку. Терранд развернул коня так, чтобы все войско находилось перед его глазами. На шаг позади него застыли знаменосцы, выбранные из самых опытных, бесстрашных солдат.

К горизонтальным перекладинам их копий были прикреплены широкие полотнища, на которых алыми, золотыми и серебряными шелками был вышит герб Валлардии — череп единорога, сквозь глазницы которого была продернута цепь, оканчивающаяся двумя мечами.

За колонной всадников следовала легкая пехота, начинавшая бой и в случае необходимости отходившая в тыл, давая простор коннице. Одетые в туники и короткие штаны, пехотинцы имели круглые деревянные, обтянутые кожей, и металлические щиты.

Многие надевали панцири из многослойного полотна, пропитанного солью, отчего оно становилось настолько прочным, как будто было сделано из камня. Такой доспех предпочитали те, кто экипировался за собственный счет, он был весьма дешев.

Вооружение пехотинцев составляли мечи и пращи, камни для которых носили в сумках, перекинутых через левое плечо.

Подошедшие воины четко выстроились между ополченцами, вместе с которыми должны были первыми встретить врага. За ними следовали копьеносцы в кожаных панцирях, обшитых металлическими полосками, кроме того вооруженных мечами и щитами.

Короткие багровые туники, зеленые, серые, синие штаны вместе с блеском оружия составляли впечатление движущейся по земле радуги.

Высокие повозки, обтянутые белым, фиолетовым, оранжевым шелком предназначались для семидесяти семи архимагов, идущих пешком, одетых в одинаковые серебряные плащи с капюшоном.

Искусно вышитая непонятная вязь слов, звездных знаков, символы жизни и победы украшала одежду волшебников.

Старший архимаг прокричал команду, из крытых повозок по трое вышли ученики чародеев, они несли стеклянные прямоугольные треугольники.

С их помощью разжигался священный огонь, который не должен был угаснуть до конца военных действий. Утрата огня оборачивалась неизбежным военным провалом, и жрецы собственной жизнью отвечали за его сохранность.

Сначала установили черную статую Радгуль-Йоро, основателя сущего, бога войны и матери людей Амириссы. Они должны были при-

существовать при появлении огня, вдохнув в него ничем не оскверненную душу.

Треугольники обратили к солнцу, установив так, что вершины сходились в одной точке — серебряной чаше, наполненной светлым пухом, что окружает плоды астеранта.

Люди в долине затаили дыхание. Старший маг с молодым лицом и седой бородой, обратился к верховному божеству.

— Всесильный и много мудрый Радгуль-Йоро! Мы, твои дети, начинаем справедливую войну против богоотступников и предателей. Прошу тебя, зажги святой огонь и помоги нам сохранить его! Мы победим, защищая имя твое от хулителей. Обрати на нас, недостойных, но преданных, свой взор. Пусть возгорится пламя!

Казалось текущее пламя бьется внутри полых треугольников, стекая к их вершинам, в ту точку, где лежали тонкие легкие нити.

— Смотрите, как отражаются лучи, — закричал архимаг, — они стали солнечным телом.

И в тот же миг огонь в чаше вспыхнул, поднявшись высоким столбом и опал, разгоревшись мягким пламенем. Крик восторга пронесся над долиной. Терранд своим громохочущим голосом, перекрывая шум реки, свист поднявшегося жаркого ветра заговорил.

— Война началась. Мы ее не желали и не по нашей вине прольется кровь. Для нас нет иного

пути, как победить. Я не говорю или умереть, потому что смерть не карает правых. Потери неизбежны, но я верю, что они будут незначительны.

Многие при этом подумали — «например, я».

— Воины, — воскликнул командующий, здесь, перед нашими богами, перед их священным огнем мы дадим клятву, отменить которую может только смерть. Повторяйте за ним.

Он дал знак помощнику, в сверкающих доспехах подъехавшему ближе, и тот заговорил четко и торжественно, давая время солдатам повторить вслед за ним слова клятвы.

Двенадцать мальчиков в коротких серебристых тогах, тонких шлемах, украшенных изображением луны, неба в виде голубого полушария и зеленого диска земли одновременно подняли длинные трубы, изогнутые на конце, и тревожная, напряженная разнотонная мелодия наполнила долину.

Возгорание священного огня, торжественная клятва и эта зовущая музыка оказали на войско поразительное воздействие — даже унылые ополченцы, большинство которых не рвалось в бой, переполненные страхом и злостью от того, что их обманули разговорами об очередном ученье, неожиданно вострепнулись, почувствовав себя частью великой армии, несущей освобождение стране и месть врагам.

— Вперед, на курсаитов! — вскричал Терранд.

Войско дрогнуло единым телом, вперед выступили тридцать жрецов, в руках которых горели факелы, зажженные от священного пламени. Чаша с огнем следовала в обозе, в повозке, охраняемой вооруженными магами.

Лошадь Терранда ступила на мост, сразу за ним ехали знаменосцы в шлемах, изображавших головы ягуара и пумы, затем шла легкая пехота вместе с ополченцами, четкими шеренгами выступали лучники. По боковым мостам, замыкая пеших в середину, двигалась конница. Неподкованные копыта гулко стучали о толстые бревна, скрепленные между собой в широкий прочный настил, перекинутый через узкую часть реки.

Несколько отрядов пехотинцев задержались, чтобы помочь переправиться обозу с продовольствием, запасами оружия, жрецами, лекарями с их чудодейственными снадобьями и примочками.

Железные пальцы Сагуерна без всяких инструментов легко выдернули несколько деревянных штырей, на которых держалось колесо одной из повозок, она накренилась, заваливаясь набок.

Лошади забились, путаясь в построениях, мешая остальным подъехать к основному мосту, тогда как по боковым еще двигалась конница.

ца. Окружающие, не все искренне, удивились, услышав женский визг в накренившемся сооружении.

Отдернув боковую штору, сержант встретился взглядом с двумя дюжинами разноцветных женских глаз, наполненных страхом. Повернув голову, он увидел суетившегося вокруг лекаря с лицом таким же бледным, как влажная кожа подземного червя.

Он молчал, лишь протягивая ладони к сержанту и тут же соединяя их, чтобы заломить руки в жесте крайнего отчаяния. Им было чего бояться — Терранд запретил практиковавшееся ранее сопровождение армии женщинами, считая, что это развращает сам дух воинской дисциплины.

После запрета провоз женщин превратился в выгодное и опасное ремесло — их услуги за немалую плату предоставлялись избранным. Однако непослушание каралось строго и единственным образом — смертью. Первый осмелившийся нарушить приказ квестор, глава интендантской службы — не то, что простой лекарь, — был казнен, несмотря на заслуги и заступничество влиятельных лиц. В его шатре на повозке обнаружили несколько девиц, приберегаемых для офицеров.

Сержант приблизил гневное лицо к лицу лекаря. Физиономия последнего передергивалась

непрерывными нервными гримасами. Сагурн негромко и жестко приказал.

— Чтоб сейчас же их не было здесь, пока до города недалеко. А сам пошел в повозку, да перебери свои травы, съешь какую, а то лускнешь сейчас от страха.

И глядя, как эскулап, блестя зелеными штанами, обтягивавшими дородные ягодицы, тяжело взбирается на покосившуюся телегу, покачал головой.

«Тебе ли заниматься опасными делами? Сидел бы со своими пиявками, горя не знал».

И тут же просунув вновь голову под полог, сержант рывкнул.

— Кстати и пиявок себе на затылок поставить не забудь, авось дурная кровь оттянется, умнее станешь!

И уже забыв о происшествии, Сагурн орал на незадачливого возницу, не проверившего повозку перед походом, изображая гнев. Наконец в раздражении сдернул шлем с головы, отбросив его назад, и тот повис на ремешке, подернутом в кольцо на гребне.

Как будто проверяя состояние остальных повозок, он пошел вдоль огромного интендантского обоза.

Сержант убедился, что знак его замечен, и Визалиус с остальными следуют за ним поодиночке, останавливаясь по пути, чтобы помочь

или просто перекинуться словом, не привлекая внимания к своему продвижению.

Впрочем, никто на них не обращал внимания — все тянули головы вперед, желая рассмотреть, скоро ли тронутся с места. Не зная, где враг, они опасались далеко оторваться от вооруженных солдат. Один за другим группа Сагурна скользнула за деревья, подходя к Хрустальному гроту.

Дарий, опасливо принижая голос, тронул сержанта за рукав.

— А ведь это место запретное для мужчин. Вдруг богиня рассердится, будем здесь кусками лежать, как те балбесы, которых неизвестно кто разорвал?

Визалиус не преминул ядовито заметить.

— Да ты не богиню боишься, а девиц, что могут тебе кудри повыдергать. Куда уж тебе с ними сражаться!

Но нечленораздельное ворчание сержанта, смысл которого был понятен без слов, заставило обоих немедленно замолчать. В этом месте царила странная тишина, присутствующие испытывали постоянное желание обернуться, чтобы успеть заметить таинственный взгляд, скрытно наблюдающий за ними.

Сагурн, видя вертящиеся головы, с трудом не последовал их примеру. Подойдя ближе к гроту, он с недоумением оглядывал сверкаю-

щую ребристую поверхность, не понимая, почему скала названа так, если составляет монолит.

Но тут Визалиус воскликнул:

— Смотрите! — указывая рукой на узкий провал в камне, почти полностью скрытый нависающей блестящей стеной.

Не раздумывая, Сагурн распластался перед ним, сняв шлем, болтающийся за спиной, и начал втискиваться в узкую щель, каждое мгновение боясь застрять.

Он еще копошился возле стены внутри, поднимаясь, как его толкнул Визалиус, следовавший немедленно за ним. Вскочив на ноги почти одновременно с солдатом, сержант на мгновение замер.

В молочном свете, создаваемом лучами солнца, прошедшими сквозь стены грота, он увидел мощную фигуру лизардмена, светящегося вблизи зеленью чешуи, рубиновыми каплями ожерелья и золотом магических браслетов. Изумрудный посох с алыми кольцами венчала человеческая голова, высохшая голова старца, оглядывающая воинов пронизательными холодными глазами с алыми зрачками.

За этим «двухголовым», как иногда недоброжелатели величали лизардмена с его ношей, высились фигуры двух воинов.

Их нельзя было назвать иначе несмотря на то, что оба были одеты в короткие белые хлами-

ды и такие же штаны. Единственным оружием служили длинные кинжалы, по два висящие на поясе, да тяжелые дубины, на которые они легко опирались.

Однако от двух мужчин веяло неукротимой энергией и силой, не знающей жалости, не останавливающейся ни перед чем, мешающем подойти к цели. Оба были опасны, сами по себе являясь смертоносным оружием.

«Маг Гроциус, — подумал Сагурн, — так вот кого мне следует сопровождать».

С момента расправы болотного шамана над невинной девушкой Сагурн возненавидел служителей богов. Со временем острота чувства сгладилась, но он по-прежнему относился к ним с подозрением, не раз убедившись, что рекомендуемое ими, якобы со слов богов, поведение для большинства весьма отличается от их собственного, в котором всегда было место для богатства, лжи, наслаждений и обмана.

Тонкий, прерываемый всхлипами вой прервал молчание. Схватившись за меч, Сагурн обернулся, увидев, что молодой Понтиан, не переставая визжать, извивался возле щели, пытаясь вырваться из грота, а Визалиус и Талл, схватив его за ноги и плечи, тащили назад.

Даже знакомый суровый голос Сагурна, перед которым парень преклонялся, не мог привести в чувство обезумевшего от ужаса опол-

ченца. Негромкий, по-настоящему веселый смех перекрыл шум, отражаясь звоном серебряных пластинок от стен грота.

Неожиданность его заставила всех замолчать, а Понтиана замереть на месте, подняв всклокоченную голову с красным лицом.

Смеялся Гроциус, прищулив глаза, отчего красные зрачки казались просто темными, утратив неестественную остроту.

— Не бойся, мой мальчик, — почти прошептал он, обращаясь к юноше. — Мы такие, какими сделали нас великие боги. Мы живем — и разве не это главное? Ведь если бы тебе оторвали голову и предложили жить, разве ты бы отказался? Считай, что так случилось и со мной. Нам предстоит нелегкий путь, каждый должен знать, что может положиться на другого.

Гроциус немного помолчал, а потом обратился к нарушителю спокойствия и требовательно спросил.

— Я могу быть уверен в тебе, солдат?

Опомнившийся Понтиан вскочил, покраснев еще больше, на этот раз от стыда и преданно вскричал.

— Можешь, великий жрец! Твоя жизнь будет для меня важнее собственной!

Гроциус усмехнулся уголком рта.

— Я знал это. Ты еще отличишься, и награда будет ждать тебя. — Он обратил свой взор на

Сагурна. — У тебя хорошие воины, ты славно поработал с ополченцами. Ты знаешь, что должен делать, мы пойдем этой тропой.

Лизардмен, сделав шаг вперед, указал пальцем на белую плиту, лежавшую впритык к стене. Сагурн удивленно посмотрел на него, ящер двинулся вперед, но его опередили два воина.

Как только первый встал на камень, он провалился вниз, открывая ступени, ведущие под землю. Ход был не длинным, почти не осыпавшимся, потому что песок спрессовался с глиной, застыв монолитной оболочкой, из которой торчали тонкие корни травы и деревьев.

Глава 28 Сражение

Разалось, что Стагеллис, глава боевых магов, сотворен из сухих тонких прутьев, небрежно выломанных из куста, погибшего от зимних морозов. Длинная настороженная шея была чуть согнута в сторону Терранда, громовым голосом призывавшего ускорить наступление.

Во время военных действий воля главнокомандующего была законом. И лишь время их начала составляло исключение — только маги решали, когда опустить на войско магическое облако, позволяющее за миг преодолеть расстояние до врага и предстать перед ним.

Терранд, несмотря на возражения магов, решил выступить утром, уверенный, что они дрогнут перед его напором.

Но уже скрылось солнце, в войсках закипало раздражение, генерал бесновался, а «эта саран-

ча», как про себя величал мага командующий, лишь твердила упрямо — еще не время.

И сейчас, слушая грозные перекаты собственной речи, Терранд внезапно понял, что маг даже не воспринимает его слова. И голову склонил не для того, чтобы лучше понять, а прислушиваясь к собственным размышлениям, стараясь, чтобы докучливое жужжание чужого голоса не помещало им.

Потрясенный столь явным пренебрежением, Терранд захлебнулся словами. Вглядевшись в серое, далекое лицо мага он вдруг, впервые в жизни, ощутил себя смиренным просителем, надоедливый и жалким.

В сумрачных глазах Стагеллиса что-то дрогнуло, как будто до него донесся неслышный сигнал. Он еще ничего не сказал, не обернулся, даже не изменил положения тела, но серые магии уже сгруппировались вокруг него.

Не глядя на Терранда, он коротко бросил.

— Пора!

И тот, забыв недавнее раздражение, махнул рукой трубачам, не спускавшим с него глаз. Пронзительная тревожная мелодия подняла лагерь с его временного отдыха, и боевые колонны привычно построились.

Старший маг вновь вознес короткую молитву богу войны Варгунту, и другие, вытянувшиеся длинной линией справа и слева от него, так

что все войско оказалось перед глазами, одновременно вытянули руки вперед.

Между их пальцами, почти невидимый, заструился голубоватый туман. За сотую долю мгновения перед глазами пронеслись те картины курсаитских бесчинств, которые они уже видели в храме.

Они даже не заметили их, не пережили так явственно и полно, как случилось в присутствии Гроциуса, однако ощутили неожиданный прилив сил, желание немедленно встретиться с врагом.

Отступила усталость длинного дня бездействия, провалившегося в небытие, соединив утро и ночь.

Терранд выехал вперед, маги заняли свое место позади пеших солдат, под защитой конницы. Пропали рощи, окружающие стоянку, крутые горные склоны, поросшие лесом, виднеющиеся вдалеке, исчез чистый купол неба и сияющая луна.

Не было ни земли под ногами, ни звезд над головой, — лишь переливы нежных цветов струились вокруг, как будто они были заключены в створки морской раковины.

Несмотря на то, что воинов не раз предупреждали о том, с чем они встретятся при переходе в сжатом времени и пространстве, ополченцы — молодые парни, мальчишки с глухих ферм, кро-

шечных деревушек — не могли не только представить себе этого, но и поверить в возможность преодолеть за мгновение многодневный переход.

Не отличались от них и юноши, набранные в городах. Да и сержанты не могли привыкнуть к подобному способу продвижения, каждый раз опасаясь, что навеки застрянут в мрачном переходе.

Раздался чей-то пронзительный визг, его подхватили другие крики, но еще не успели они смолкнуть, как армия оказалась перед столицей Курсайи.

Огромное поле расстилалось перед городом, окруженным каменными стенами, по верху которых проходила заграда из бревен, а еще выше — невидимая магическая стена, не дававшая использовать летающее воинство для проникновения в город.

Терранд невольно покосился вправо, туда, где вились горы и где сейчас должен был следовать отряд Сагурна. Только в том случае, если тот исполнит свою миссию, о которой не знал никто из идущих, они наверняка победят.

— Ты понял, почему не следовало выступать раньше? — прошелестел голос снизу.

Повернув голову, Терранд увидел запрокинутое лицо стоявшего возле коня Стагеллиса.

Полководец только кивнул головой, и маг тут же отошел на прежнее место. Терранду ста-

ло ясно, какое преимущество они получили, допустив отсрочку. Огромная чистая луна стояла в этот колокол так низко, что светила в спины валлардийцам, в то же время ярко освещая противника и его город.

Длинные тени ложились впереди войска Терранда, казавшееся противнику сплошной темной массой, в которой лишь изредка проблескивала сталь оружия или доспехов.

Луна не только скрывала армию, но и мешала курсайтам правильно определить расстояние среди длинных теней. Первый шквал пущенных ими дротиков не долетел до врага, бесполезно усеяв землю перед ними.

«Я и без шпионов знал, что ты не усидишь в городе, самоуверенный Данбилл», — подумал Терранд, представляя себе красивое надменное лицо полководца курсайтов.

Тот, верхом на прекрасном черном коне, стоял во главе своего войска, отличаясь от простого всадника лишь золотым гребнем шлема, усыпанным алмазами.

«Думаешь, что разгадал мои планы и победа рядом. Нет, баловень богов, сегодня они на моей стороне», — усмехнулся Терранд и показал капитанам ориентиры, за которые не должны выходить их люди, чтобы сохранить преимущество. Лунная богиня Эзерия этой ночью помогала валлардийцам.

Оба полководца почти одновременно подняли мечи, давая знак к наступлению и битва началась.

Отряд Сагурна шел слишком быстро. Им пришлось остановиться, чтобы не нарушить оговоренное время встречи с проводником и не маячить вблизи города. Прячась за деревьями, они наблюдали битву, разворачивающуюся внизу, как будто находились на скамье амфитеатра.

Сагурн заметил:

— Однако Терранд вовремя рассчитал время появления. Смотрите, курсаиты ничего не видят, только тени да лунный свет, а сами превратились в отличные мишени.

В ответ раздался негромкий смешок Гроциуса.

— Терранд ли? Ему бы тараном идти вперед, сминая все на пути, отметая все, что при умелом подходе может помочь. Ты ценишь его слишком высоко. Уверен, Стагеллису пришлось вытерпеть немало нападков, прежде чем наступило нужное время.

Сагурн промолчал, а Дарий с искренней завистью заметил:

— И почему мы здесь? Прячемся за кустами, как лесные звери. Все будут хвастаться победой, кроме нас.

Сержант одернул его.

— Сам полководец дал нам поручение, назвав важным. Не завидуй другим, думай о своем деле, а награда тебя отыщет, если заслужишь.

Он говорил, почти не думая. Его занимало другое:

«Почему войска неприятеля столь малочисленны? Их должно быть гораздо больше, как бывало всегда в войнах с курсаитами».

Но тут же подумал, что догадался — очевидно, значительная часть осталась за недоступными стенами города, ожидая удобного момента вступить в сражение.

Конница оставалась на месте, навстречу друг другу бежали легковооруженные пехотинцы. Сагурн почувствовал, как короткие волосы на затылке приподнимаются от невольного ужаса.

Курсаиты, поднимая свой боевой дух, били в обтянутые кожей полые цилиндры, обвешанные длинными медными погремушками, не звонкими, как колокольчики, а издающими протяжный, пронзительный вой.

Сами кожаные инструменты отвечали на удары звериным ревом, рокотом грома. Смесь этих звуков рождала ужас, желание спрятаться, лишала не только слабых, но и сильных внимания и стойкости, необходимых в бою.

«Помоги нам Варгунт, — прошептал побледневший Понтиан. — Если нам здесь так страшно, то что должны испытывать там, внизу?»

Но тут запели трубы магов, и гимн Валлардии, такой уместный в бою своей силой и грозной мощью заглушил рев странных инструментов, рассыпав его дикую мелодию на отдельные безобидные вскрики.

Наступавшие валлардийцы в какой-то миг дрогнули и бросились бежать.

— Проклятье! — заревел Сагурн, сжимая кулаки.

Воодушевленные курсаиты со страшным воем начали преследование, все дальше отрываясь от основного войска, не слыша в азарте погони трубы, призывающей отступить. Но было уже поздно — пеший отряд очутился посреди войска неприятеля, сомкнувшего фланги конницы и безжалостно истреблявшего попавшихся в ловушку.

Конница курсаитов бросилась на помощь, но была остановлена градом стрел и копий — только тут стали видны нагруженные ими верблюды, к которым без усталости бежали помощники лучников и копейщиков.

Зубчатые острия пробивали броню и тела, попытка вытащить их приводила к дополнительным мучениям, поскольку заостренные края разрывали плоть. Раненые пытались беспорядочно отступить, не в силах защищаться — загворенные магами стрелы не пропускали добычу, прибавая руки к щитам, а ноги к земле.

Когда Сагурн остановился в следующий раз, в долине билась конница. Лошади ударялись грудью друг о друга или скользили рядом в разные стороны, и всадники, прикрываясь щитами, закрепленными на локте кожаной петлей и удерживаемые рукой за скобу, пытались достать противников мечами.

Малорослый курсаит, приподнявшись в седле и отпустив клинок, повисший на ременной петле, схватив копье, ударил молодого сержанта в единственное уязвимое место на лице — открытый, жарко дышащий рот.

Удар был столь силен, что острие пробило голову, выйдя в затылок. Валлардиец выпустил поводья, схватившись за древко, но умер, не успев дернуть гладкую деревяшку. Он упал, свесившись на сторону.

Испуганный конь понес его в гущу боя, толкая всадников, слепо изменяя результат столкновения многих людей.

Курсаит, продолжая орудовать вторым копьем, напал на опытного наемника-боссонца, но наконечник застрял в щите, согнувшись, и он поспешил схватиться за меч.

Длинное древко, как и было задумано оружейником, болталось внизу, путаясь в ногах лошади, пугающейся все сильнее неожиданной помехи. Она стала на дыбы, тяжело опустилась, раздавив голову упавшего врага, взбрыкнула и

сбросила всадника, пытавшегося избавиться от копья.

Со своего места на краю горы, нависающей над долиной, Сагурн видел, как за обозами валлардийцев, невидимые для врага, перемещается группа воинов. Они шли в направлении, противоположном тому, где затаился отряд сержанта, и тот понимал план Терранда.

Противник отошел достаточно далеко от основных сил. Если бы удалось добраться до низких сопок, покрытых лесом, которыми начинались горы, то, сохраняя необходимую скорость передвижения, валлардийцы могли бы отрезать вражеский отряд от города.

Сержант, наблюдая за перемещением своих, отлично понимал преимущества маневра. В то же время эта тактика была крайне рискованной — окажись группа между городом и курсайтами, им в тыл могла ударить армия, прячущаяся за воротами.

«А она обязательно ударит, — думал Сагурн. — Непонятно, почему до сих пор этого не произошло, курсайты явно слабее наступающих. Почему Терранд так уверен, что этот маневр не вызовет ответного удара? Данбилл не такой глупец, чтобы позволить погибнуть части войска, когда можно ввести в бой остальных. Вот только почему он не сделал этого до сих пор?»

Эта мысль занимала Сагурна все больше, он испытывал неприятное чувство участника игры, смысл которой не понятен, но от ее исхода зависит собственная жизнь.

Визалиус, лежавший рядом на прохладной земле, отпрянул назад, таща за собой сержанта. Тот не заметил, как между «его» горами и людской массой мягко упали голубоватые прозрачные шары, почти невидимые, сливающиеся с лунным светом.

«Серые маги», — подумал он, утыкаясь лицом в траву.

Тонко запели трубы условный знак, и воины Терранда постарались отвернуться, прикрыть глаза или хотя бы на мгновение скосить их в сторону, не упуская из виду оружие противника.

Пронзительный свет вспыхнул в правой стороне долины. Он был настолько ослепительно ярким, что, казалось, выжигает глаза, заполняя их чернотой.

Гроциус заметил ядовито:

— Благородный красавчик Данбилл обязательно прекратил бы на миг бой, чтобы не истреблять слепцов, но не таков наш доблестный Терранд!

И действительно, вновь завывали трубы наступления и, пользуясь беспомощностью противников, валлардийцы торопились уничтожить их как можно больше.

Оказавшись в темноте, беспомощные воины в смятении размахивали мечами, не думая о том, кому принесут смерть, и заботясь лишь о спасении собственной жизни. Бойня продолжалась недолго, но достаточно для нанесения курсаитам ощутимых потерь.

Следующая партия прозрачных шаров не успела раскрыться, лопаясь в воздухе и осыпаясь безобидными тусклыми искрами.

— Их маги вмещались, — ожег шепот Талла уху сержанта.

И снова того поразила странная неспешность, похожая на беспомощность против серых магов Валлардии.

«Ведь высшие курсаитские маги не хуже наших, а многие считают, что лучше. Почему они не уничтожили первые шары в воздухе, не дав раскрыться? Разрази меня Дармак, если я понимаю, что происходит!» — досадливо поморщился Сагурн.

Лишенные зрения курсаиты упустили момент, когда отряд пехотинцев, — не ополченцев, а настоящих, закаленных воинов, — достигших одной линии с фасадом крепости, вылетел из леса, занимая позицию между городом и войском.

Они ударили в спину курсаитам, зажатым между двумя враждебными стенами людей. С замиранием сердца Сагурн ожидал, что сейчас

распахнутся ворота, и лавина курсаитов сомнет храбрецов, но бой продолжался, а крепость хранила безмолвие.

Он поднялся, собираясь продолжить путь, и встретился глазами с Гроциусом, тоже пребывавшем в недоумении.

Маг заметил:

— Я не могу пробиться мысленно к своим магам, как будто непроницаемая стена закрыла их. Конечно, они не стали бы отгораживаться от меня, это дело рук курсаитской жреческой семерки, вот кто опасен для нас..., — он помедлил и добавил, — даже для меня. Я надеялся, что они сейчас на поле боя, но судя по жалким действиям магов, их нет там. Чем они заняты? Боюсь, что с нами затевается какая-то игра. Нужно как можно быстрее проникнуть в город, там, ближе к своим и чужим магам мне будет легче разобраться.

Сагурн заметил нотку недоумения, проскальзывавшую в его голосе. Видно, Гроциуса донимали те же мысли и сомнения, разрешить которые ни один из них не мог.

Глава 29

Братья

Вогвард остуился, неловко подвернув ногу, и рухнул в неширокую расщелину между камнями, каких много было на плато перед крепостью. Ударившись головой, он потерял сознание, очнувшись с одеревеневшим телом от холода, заполнившего узкую дыру.

С удивлением отметил, что уже вечер, и он пролежал здесь не менее трех колоколов, осторожно пошевелился, проверяя целостность костей.

И вдруг замер, оцепенев от ужаса. Он услышал негромкий голос, забыть который никогда бы не смог и который не ожидал услышать на этом поле.

Вкрадчивый голос Ортегиана говорил кому-то невидимому:

— Я просил тебя прийти сюда по просьбе Терранда. Конечно, он сам мог сказать все, что необходимо, но без всяких к этому оснований

опасался, что ты не поверишь ему, заподозрив в измене.

Помолчав немного, как будто собираясь с мыслями, Трибун продолжил:

— Наш великий маг Гроциус вместе с небольшим отрядом во главе с известным храбрым Сагурном совершит сегодня великий подвиг во славу Валлардии.

— Так вот почему его нет, — проскрипел кто-то.

Трибун поспешил ответить:

— Да, друг мой Стагеллис, он ждет неподалеку от Хрустального Грота.

Молодой голос с нетерпением, приглушенных глубоким почтением спросил:

— Но почему мы собрались здесь, а не во дворце, почему соблюдается такая таинственность? Как бы армия не ушла без нас.

Очевидно, это был один из военачальников Терранда, горевший желанием вступить в сражение.

Зажурчал отеческий голос Трибуна.

— Мальчик мой, никуда ты не опоздаешь, ведь сигнал к наступлению дает Стагеллис, которого ты видишь перед собой. А здесь мы собрались потому, что вам нужно быстрее вернуться, не теряя времени на подъем через весь город. Кроме того, даже во дворце могут быть ненужные уши.

И тут же оставив свое мягкое внушение, заговорил без обиняков.

— Я направил Гроциуса с тайным заданием войти в столицу курсаитов, проникнуть в храм, где его ожидает один из сильнейших жрецов, перешедших на нашу сторону, и вместе с ним своей магической силой помочь войскам.

Слышно было, как он вздохнул и тут же жестко продолжил.

— Все это ложь. Во имя страны я послал его на смерть и ни он, ни его сопровождающие не знают об этом.

Раздались ошеломленные возгласы, но тут же стихли, как только заговорил Ортегиан.

— Верный нам человек, которого курсаиты считают своим шпионом, предупредит их о приближении Гроциуса. Лучшие воинские силы будут ожидать его, семь могущественных магов выйдут навстречу. Он один, без твоей помощи, Стагеллис, не сможет противостоять им. Как только убьют лизардмена, его страшная магическая сила совется в тугой комок, не находящий выхода. Терранд передал сержанту орб, и тот несет его с собой, уверенный, что это ритуальная принадлежность мага, который знает о ней. Орб притянет силу Гроциуса, и страшный взрыв не только уничтожит элитные войска врагов, но и снесет магическую защиту над городом, которая в этом месте наиболее слаба, по-

чему — не знает никто. Они все погибнут, но мы победим и воздадим почести героям.

Молчание стило наверху, пока Стагеллис не сказал без всяких эмоций:

— Нам пора возвращаться в лагерь. Миг выступления приближается.

Голос Трибуна, ставший как обычно мягким, напутствовал:

— Не забудь, друг мой, что Гроциус будет пытаться призвать тебя на помощь. Закрой себя и своих магов, чтобы он до последнего мгновения пребывал в неведении. Возвращайтесь, боги помогут вам.

Послышался стук копыт, несколько человек верхом удалялись от места встречи.

Сердце Рогварда билось так, что закладывало уши, и он опасался подняться раньше, чем уедет Ортегиан.

«Милосердные боги, — думал он, — какое предательство, брат мой погибнет. Но я не позволю, я разрушу твои планы, обрубок!»

Сочтя, что прошло достаточно времени, он осторожно покинул свое укрытие, каждый миг ожидая чьего-то окрика. Но плато было пусто, перед ним поблескивала река, уводящая направо, за горы, туда, где он еще мог догнать брата.

Рогвард бежал, не чувствуя огрубевшими подошвами острых камней, покрывающих берег

Акторсы, оскальзываясь на огромных валунах, нависших над бурным течением, но даже не вспоминая о смертельно ядовитой воде под ним, из которой он вряд ли смог выплыть, настолько силен был поток и стремительны его завихрения, затягивающие на дно.

Он знал, что немалое расстояние до Курсайи войско преодолеет за один миг, и если он не успеет, то никогда не догонит, не спасет брата.

Несмотря на волнение, Рогвард вдруг почувствовал страх, почти ужас, видя, как наползают со всех сторон черные скалы, закрывая небо над головой, сужая беснующуюся реку и сближая ее берега.

Он впервые испытал такое одиночество, как будто был единственным человеком на земле, с особой остротой поняв, что совершил преступление, покинув лагерь, и если не догонит брата, ему придется скрываться в этих суровых мрачных горах.

Но тут же вспомнил ничего не подозревавшего Визалиуса, подло обманутого теми, кому он доверял и перед кем преклонялся, слушая их речи о справедливости. И теперь шел на встречу смерти, по пути, который выбрали для него другие.

Рогвард невольно застонал, видя впереди только темное ущелье, не зная, как долго придется добираться до Хрустального грота. Он был

молод, силен, но никогда не случилось ему бегать так быстро, зная, что лишь от него зависит жизнь брата.

Юноше казалось, что вместо воздуха в его легкие врывается песок, который с силой несет встречный ветер, он заполняет грудь, не оставляя места для нового вдоха, наполняет тело вязкой слабостью.

Он закричал от радости, когда неожиданно за поворотом открылась долина, окруженная лесом, и Хрустальный грот за ним, высвеченный белым сиянием луны.

Усталость, как тяжелый, мокрый плащ сползла с его плеч, и он кинулся к сияющей башне так, будто только сейчас начал свой бег. Не отрывая глаз от цели, Рогвард то и дело спотыкался о камни, прикрытые песком, и наконец упал, покотившись с небольшого возвышения.

Сперва показалось, что он попал в невесть откуда взявшееся болото, тело обволокла податливо упругая масса, которая удерживала его на месте, но и почти не сопротивлялась усилиям сдвинуться вперед.

«Это облако портала, о котором они говорили, — вдруг понял Рогвард. — Я попал на самый край, успел в последний момент, только бы еще пробиться внутрь!»

Он пополз на четвереньках, все время опасаясь, что тело распадется на две части — одна ос-

танется в Валлардии, а другую таинственный вихрь времени перенесет на поле боя. Юноша не сразу заметил, что прилагаемые им усилия совершенно напрасны, ибо ничто не препятствует пути, ползет же он не по песку равнины, а по притоптанной недавно чьими-то ногами высокой траве.

Высоко вверху над деревьями пролетал ветер, и казалось, что качающиеся ветви пытаются отполировать огромную, низко висящую луну. Он поднялся, вынимая из-за ворота грязной рубахи талисман и негромко вскрикнул, увидя Визалиуса в камне, полыхающем зеленым холодным огнем.

Ярость свечения говорила о том, что брат близко. Он шел среди деревьев горного леса, приминая ногами травяную стену, проскальзывая под сплетением нависающего над землей кустарника. Рогвард понял, что тот впереди, продолжает протаптывать тропинку, на которой он сейчас стоит. Скорее всего, послан на разведку, отряд или остановился, ожидая его возвращения или медленно следует за ним.

«Слава Ордине, — подумал Рогвард, — я сумею поговорить с ним наедине, а уж ему решать, рассказывать ли остальным или бежать со мной немедленно».

Он скользнул в кусты, и не упуская из виду тропу, осторожно пошел вперед, высматривая

обреченных. Синее даже в приглушающем краски свете луны облачко мелькнуло среди ветвей, и он не сразу понял, что это волосы Гроциуса.

«Я догнал их, догнал, слава богам», — мысленно воскликнул Рогвард, вопреки всему опасаящийся, что допустил ошибку, неправильно определив направление движения.

Еще дальше углубившись в лес, он обошел отряд, и теперь стремительно скользил, за каждым деревом ожидая увидеть широкую спину Визалиуса.

Неожиданно чьи-то руки охватили его плечи и шею, поворачивая и сдавливая согнутым локтем так, чтобы сломать позвоночник. Он успел прохрипеть:

— Брат..., — но руки стали разжиматься еще раньше — Визалиус узнал его.

Рогвард согнулся пополам, втягивая в себя воздух, давясь кашлем, который не мог выплеснуть наружу, опасаясь привлечь внимание людей позади.

Визалиус топтался рядом, удивленный и обрадованный неожиданной встречей. Торопясь, еще не отдышавшись, Рогвард выпрямился и братья обнялись. Не давая Визалиусу времени на расспросы, младший хрипло заговорил:

— Брат, тебя предали! Я узнал случайно, что ваш отряд послан лишь для того, чтобы отвлечь внимание курсайтов и при этом погибнуть. Ма-

гия Гроциуса не поможет вам, враг предупрежден и ждет вас, сильнейшие колдуны Курсайи уже наготове!

Невольно отшатнувшись, Визалиус вскрикнул почти в полный голос:

— Это ложь! Тебя обманули! Да, мы выполняем тайное и опасное задание, но на войне и не может быть уверенности, что останешься жив. Многое зависит от тебя, не трусишь, не потеряешь головы — боги помогут тебе!

— Глупец! — набросился на него Рогвард, не ожидавший, что брат может усомниться в его словах. — Ничего от тебя не зависит, нет преданного Валлардии курсаита, который должен открыть ворота в город, нет источника воды, который Гроциус должен отравить своими заклинаниями, нет для вас тайного задания, кроме того, чтобы безропотно принять смерть!

Ошеломленный Визалиус молча смотрел на него, не в силах поверить. Рогвард, уверенный, что тот уже мысленно ищет пути к спасению, горячася, поспешно призвал:

— Брат, бежим! Что нам эта война? Многие говорят, что курсаиты вообще не виноваты, за что мы должны отдавать собственные жизни?

И видя, что брат впал в странное оцепенение, вспылил:

— Да что ты стоишь, когда нужно спастись? Хочешь, скажи остальным и мы убежим вместе!

Голова отца, покачиваясь на темени, смотрела на Визалиуса снизу вверх полуприкрытыми глазами, под веки которых натекла кровь из отрубленной шеи. Багровые, потные лица курсаитов искажали гримасы смеха и торжества.

Они тащили мать из комнаты, и простая юбка, зацепившись за сучок, торчавший из скамьи вдруг разорвалась, высоко открыв полные белые ноги.

Двое оставшихся продолжали хлестать плетью спину Визалиуса, концы бичей загибались, вспарывая кожу на лице и груди.

Он видел только скрывающуюся группу насильников, застрявших возле узкого входа в маленькую комнату и рвався туда в тщетной, бессильной попытке освободить мать.

Повернув голову, чтобы впиться зубами в удерживающие его руки, он замер, пораженный ужасом — один из тех, кто избивал его, был Рогвардом, его маленьким братом, с лицом чужим, закаменевшим и мертвыми, пустыми глазами.

Визалиусу удалось выпрямиться и отшвырнуть эту тварь от себя и тут же он вновь очутился в лесу, видя перед собой лукавое лицо предателя. Услышал его упавший, изумленный, полный страха голос:

— Брат, что с тобой? Что ты делаешь?

От сильного толчка его отбросило к дереву, и теперь он стоял, придерживаясь руками за

ветку, с бледным лицом, ошеломленный неожиданным нападением.

Видя это беспомощное, жалкое существо, осознавшее свое поражение в подлой попытке сделать из него предателя, Визалиус неожиданно для себя засмеялся страшным, безрадостным смехом:

— Так жизнь для тебя дороже отца и матери? Дороже страны, которой ты поклялся служить? Ты явился, чтобы из меня сделать предателя? Кто послал тебя, говори, ублюдок!

Но видя стершиеся, чужие черты человека, такого близкого недавно, он пожал плечами.

— Да какое это имеет значение? Ты сам ответишь за себя.

Выватив меч, он ударил невооруженного человека в грудь и тот, широко раскрыв непонимающие, полные ужаса глаза, сделал шаг вперед, упал на колени, пытаясь зажать рану руками и тяжело повалился набок.

Бешенство и ненависть, охватившие Визалиуса от выплывших на поверхность сознания видений, теперь отступили.

Потрясенный убийством, он опустил на траву возле брата, обрывая мягкие толстые клоchy мха, заталкивал их в рану, надеясь остановить кровотечение.

Вглядываясь в стремительно бледнеющее лицо, окликал брата по имени, но лишь чувство-

вал, как жизнь покидает его. Под руку попался камешек, Визалиус хотел отбросить его, но тут же понял, что это материнский талисман на перерубленном шнурке, еще недавно светившийся, а теперь серый и тусклый.

Он вдруг заплакал, приговаривая:

— Мама, мама, что я наделал, ты никогда не простишь меня.

Поцеловав холодеющий лоб, он поднялся, решив идти до конца, разоблачить того, кто обманул брата и поквитаться с ним, кем бы тот ни был.

Визалиус не мог поверить в предательство, ибо твердо знал, что великого мага невозможно поймать в ловушку. И недаром сам Терранд разговаривал с Сагурном накануне выступления.

Слишком серьезна была задача, поставленная перед отрядом. Возможно, именно от них зависел исход войны. А обманом послать на смерть мог кто-то и попроще главнокомандующего, зачем бы ему для этого тайно являться в лагерь?

Он оттащил брата за кусты, уложив на мягкую траву, и твердо пообещал ему, как будто тот мог слышать, вернуться после победы и достойно похоронить, чтобы не маялась по свету неприкаянная душа.

Услышав приближающиеся шаги, он быстро пошел вперед, чтобы встретиться с отрядом не на месте гибели брата.

Доложив Сагурну и Гроциусу, что никого не встретил по пути, да и вряд ли кто мог быть поблизости, судя по нетронутой траве. Те озабоченно переглянулись, поскольку шпион, давно живущий в столице Курсайи, уже должен был выйти навстречу.

Однако ждать было невозможно — лишь несколькими минутами располагал человек, который должен был открыть потайной ход в крепостной стене, в том месте, где она подступала к горам. И время это стремительно приближалось.

Визалиус решил не говорить о встрече с братом, не желая бросать на него тень позора, хоть тот не сам решил предать, а искренне верил обманувшему его человеку.

«Будь что будет, — думал он, шагая впереди отряда. — На все воля богов, а я не могу внести смятение и разлад в этот ответственный момент. Сагурн, Дарий пойдут вперед, а что сделают остальные? Нет, по моей вине наступление не сорвется».

Они неслышно скользили вниз, к белым, потемневшим от времени каменным стенам. Наступил момент, когда нужно было покинуть лесное укрытие и ступить на узкое пространство, отделяющее стену от горного массива.

Невольно помедлив, Сагурн, оттеснив Визалиуса, ступил вперед, увлекая за собой отряд.

Узкая, потемневшая неприметная дверь, ведущая в город, приотворилась, и опасения сержанта пропали — все шло, как было оговорено заранее.

Он ускорил шаг, спеша добраться до темной щели, препроводить мага для исполнения его таинственной миссии и, если представится возможность, присоединиться к основному войску или начать действовать со своим отрядом изнутри вражеского города.

Вдруг пронзительный крик, который он даже не узнал, заставил его вздрогнуть и остановиться. Оглянувшись, он понял, что голос принадлежал чародею, лицо которого одновременно выражало потрясение и злобу.

— Нас предали! Сражайтесь! — кричал он повелительно и неистово.

Это предупреждение дало возможность валлардийцам вооружиться, образовав треугольник вокруг жреца, защищая его живой стеной. Противник, поняв, что его ловушка обнаружена, хотя и поздно, — устремился на врага, более не таясь.

С крепостных стен по веревкам, сливающимся с бурым камнем, скользили воины в легких доспехах — предполагалось, что они обрушатся на отряд в тот момент, когда валлардийцы подойдут ближе, к самым воротам. Поскольку засада раскрылась, им пришлось изменить планы, вступив в открытый бой.

Справа и слева, из-за углов изломанной линии крепостной стены появились отряды в кольчугах из черного металла, таких же шлемах, над которыми мрачно качались смоляные перья драбарры, редкой птицы, самой сильной и непобедимой среди своих собратьев.

Визалиус не испытывал страха перед смертью, которая вдруг стала неизбежной — глупо было надеяться на победу при таком несоответствии сил. Ему окончательно стала безразлична собственная судьба. Только одна мысль с ритмичностью барабанной дроби билась в голове:

«Он был прав. Мой маленький брат, ты пришел спасти меня, а я пролил твою кровь, не выслушав, не попытавшись понять. Я виновен и в скорой смерти этих людей, почему, почему я не предупредил Сагурна? Возможно, он нашел бы выход. Будь проклят тот, кто задумал предательство, кто моими руками убил брата. Простите меня, мама и отец, смилуйтесь, боги».

Крик Гроциуса был единственным звуком человеческой речи, прозвучавшей в узкой расщелине между горами и крепостью. Слышался только шорох шагов, позвякивание оружия, да приглушенный шум боя, ведущегося у главных ворот.

Луна освещала эту безмолвную, страшную встречу, придавая ей иллюзорный вид сцены, на которой двигались химерические создания,

молча, безжалостно наблюдая друг друга, подстерегая с единственной целью — убить.

«Да, это ловушка, — думал сержант, оглядывая воинство, вышедшее против его маленького отряда. Вот только чья? Или курсаиты прознали о наших планах или... Неужели Терранд послал нас в руки врага? Но зачем? И почему их так много? Боги, да это целая армия!» — мысленно воскликнул он, наблюдая медленно наползающие волны солдат, постепенно смыкающиеся вокруг широким поясом.

Узкая и высокая дверь в стене распахнулась, и оттуда появились люди в таких же черных, как кольчуги воинов, одеждах. Тончайшие металлические нити сплетались в агатовые блестящие плащи, алые, синие жезлы светились в руках семерых жрецов.

«Вот причина, — догадался Сагурн. — Они боятся Гроциуса!»

Сержант бросил взгляд на возвышающуюся над людским морем голову мага, лицо которого стало спокойным и отрешенным. Оглядев свой крошечный отряд, воскликнул:

— Не бойтесь! Судьбы наши уже записаны в свитках богов. Помните присягу и тот позор, что обрушится на вас, покинувших поле боя.

«Да куда тут бежать», — мелькнула последняя мысль перед тем, как стена воинов качну-

лась, двинувшись вперед, и тут же отступила, наткнувшись на невидимую преграду.

Мечи стоящих в первом ряду сверкнули в воздухе, пытаясь прорубить ее, но летя сверху вниз, не встретили сопротивления, с силой ударив по ногам не ожидавших этого курсаитов.

Впервые слышались крики, раздались проклятия и почти все, кто успел ударить, упали наземь с перерубленными, поврежденными собственными усилиями ногами.

Магические перстни лизардмена, стоявшего намертво упершись в землю, с безразличным, пустым лицом, как будто возле него ничего не происходило, направили потоки энергии вверх по изумрудному посоху и алые кольца на нем зазмеились внутри черными молниями.

Услышав вздох, идущий со всех сторон, Сагурн невольно поднял голову и вздрогнул, увидев, как алые зрачки чародея заполнили его глаза, вышли наружу пылающими куполами, охватившими голову полностью.

Несущиеся от них лучи, смешавшись с молниями колец, огненными перстами ударили войско, рассыпаясь среди людей сотнями пылающих стрел. Они пробивали кольчуги, шлемы, поножи, раскаляя их, испепеляя находящихся внутри людей, которые с дикими криками все пытались сорвать с себя побелевший от страшного жара металл, прожигая пальцы до костей.

Тела, сгоревшие внутри панцирей, ставших смертельными ловушками, осыпались жалкими кучками на землю, гремя железом, а смертоносные молнии уже истребляли других живых, множась с каждым погибшим, забирая его жизненную силу.

Не в силах сражаться против налетевшего ужаса, войско дрогнуло, еще мгновение — и воины бежали бы от неизбежной смерти.

«Неужели мы еще сможем победить?» — блеснула надежда у Сагурна, но тут же погасла.

Лизардмен дрогнул, его зеленая чешуя встопорщилась наподобие птичьих перьев и тут же опала, как листья осыпаются с деревьев среди жаркого лета.

— Жрецы, вступили их жрецы! — вскрикнул молодой Понтиан и тут же упал, захлебнувшись кровью — сквозь образовавшуюся дыру магического барьера пролетело короткое тяжелое копье, пробив кольчугу и застряв в ребрах парня.

Гроциус, сила которого была отвлечена магами, восстановил преграду и кинувшиеся было вперед с поднятыми мечами повторили судьбу предшественников, корчась с окровавленными ногами на земле. Их, как и прежде, быстро, не церемонясь и не обращая внимания на вопли, передали назад, чтобы тела не мешали в случае возможного наступления, когда барьер удастся прорвать.

Курсаиты попытались смять его массой, навалившись со всех сторон, но тела первых начали так сдавливаться, плющиться о преграду, что напирающие сзади были вынуждены отступить.

Семеро жрецов соединили свои жезлы в магическую пирамиду, с острия которой сорвался тончайший черный луч, легко скользнувший сквозь преграду и заплясавший возле лизардмена.

На его оголившейся мучнистой коже стали появляться чередующиеся в особой последовательности числа и пентаграммы и каждое изображение, как будто нарисованное мягкой кисточкой, опущенной в тушь, заставляло ящера отрывать одну лапу от посоха, на котором удерживалась голова Гроциуса, чтобы стереть знак.

Глаза колдуна приняли прежний вид, с оглушительным треском лопнул черный бриллиант, заменяющий правое ухо, и похищенная душа мантикоры вырвалась на волю.

Похожая на ожившую мистическую птицу, существовавшую в волнах Хаоса, когда не было ни земли, ни неба, ничего живого, мыслящего или не наделенного разумом, она поднялась вверх и некоторое время парила над скопищем людей, выбирая жертву.

В этот момент последний нужный знак был нарисован, и лизардмен покачнулся, неспешно разваливаясь на куски. Руки все еще сжимали посох и последним усилием воткнули его в зем-

лю, чтобы скрыть волшебника от парящего в небе возмездия.

Магические кольца погасли, перстни рассыпались, посох потемнел и страшная колдовская сила чародея продолжала биться в нем, лишенная выхода, которым служили погубленные атрибуты, возможности реализоваться в реальном действии.

Душа мантикоры обрушилась с неба, охватывая прозрачными крыльями голову, стаскивая ее с изумрудного жезла, и Гроциус закричал страшно и беспомощно, раздираемый бушующей в нем бесполезной силой.

Он умирал, семь высших магов Курсаи победили его. Барьер рухнул, с визгом и воем курсаиты накинулись на горстку людей, и несмотря на явное неравенство сил, те погибли не сразу, сражаясь так, как гладиаторы, которым обещана свобода, но уже не защищая свою жизнь, а лишь отдавая ее подороже.

Сагурн сорвал с плеча мешавшую ему сумку и черный орб, лежавший в ней, мощь которого в тысячи раз увеличилась, впитав силу испустившего дух Гроциуса, взорвался, обрушив крепостную стену.

Истекающий кровью сержант, лежа на спине, понял, что взлетел на воздух не только камень — могущество умирающего Гроциуса, соединенное с разрушительностью орба снесло ма-

гическую невидимую преграду, вознесенную над стенами на недостижимую высоту.

Его догадка тут же подтвердилась — над ним летели, занимая город, отряды боевых драконов и фениксов, возглавляемые Террандом. Мысли Сагурна путались, он не испытывал ни гнева, ни ненависти, думая, что получил разгадку.

Сам Терранд послал их на смерть, вручив ему орб, лишь назначение которого было известно солдату, но не то, как он выглядел.

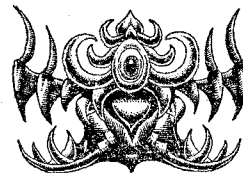
«Он обманул меня, — вяло и прерывисто текла мысль, — когда сказал, что это магическая принадлежность Гроциуса и отдать ее нужно только тогда, когда он потребует».

Он усмехнулся пересохшими губами:

«Бедняга Гроциус, он и не подозревал о том, что я несую, что жизнь его нужна только до тех пор, пока он не отдаст свою силу, чтобы сломать барьер. Разве ты, ядовитый жизнелюб, растался бы со своим существованием добровольно? Браво, Терранд, ты все предусмотрел».

И вдруг он забыл о войне, предательстве, гибели солдат. Свет луны сгустился серебристой колонной, и из нее вышла прекрасная девушка, убитая столько зим назад. Лицо ее светилось, и карие глаза сияли на нем, прозрачные руки тянулись к лежащему и губы улыбались.

«Любовь моя!» — прошептал Сагурн, и сердце его остановилось.

Глава 30

Шпиль Эзерии

Ортегиан, избранный народом Трибун Валлардии, стоял возле мраморного фонтана. Он смотрел, как журчит вода — прозрачная, словно кровь горного единорога. Ему казалось, что он может смотреть всю жизнь.

Наконец уродливый карла поднял крошечную, похожую на детскую, руку и зачерпнул ею волшебную влагу. Она растворилась на его пальцах, оставив лишь золотое мерцание.

— Все было ради этого? — спросил Конан.

Киммериец стоял в дверях Шпиля Эзерии.

Ортегиан не слышал, как тот приблизился — да и не все ли равно.

— Джанта, — прошептал он. — Эликсир жизни, который дает нам сама земля. На земле нет более сильного колдовского снадобья. Кто владеет джантой, владеет миром...

— Но запасы Валлардии истощились, — подсказал Конан.

Он неторопливо зашагал вдоль нефа.

Изнутри Шпиль походил на храм; и Радгуль-Йоро, и трехлапая жаба молча взирали на пришельцев каменными глазами.

— Король Димитрис и его предки растратили все. Удивительно, как быстро может разориться страна. Когда ты взойшел на престол, Ортегиан, — джанты в Валлардии почти не осталось. Но здесь, в Курсае, она была.

Карлик поднял ладонь. В ней крошечным озерцом переливался волшебный эликсир.

— Ты прагматик, — продолжал Конан. — Твой план был прост. Захватить соседей и отнять у них запасы магического вещества. Но только как поступить с народом? Эти люди, такие глупые, такие бездарные... Они не захотят умирать только для того, чтобы ты смог набить казну золотом, а хрустальные бутылки наполнить джантой.

Конан помолчал.

— Но толпой легко управлять. Злоба! Вот язык, который она понимает. Ты взорвал Лунный Храм вместе с тысячами невинных людей. А потом, с помощью колдовства Гроциуса, указал на курсаитов. Вот они! Злобные убийцы! Отомстим им! А под шумок украдем их джанту.

Ортегиан ответил с легким упреком, словно отец неблагодарному, но все-таки любимому сыну.

— Меня и близко не было рядом с храмом.

— Конечно. Ты не стал бы так рисковать. Поэтому послал Немедия. Что сказали этому бедному простаку? Придумали сказку о том, будто Черный Орб — это безвредная хлопущка, которая порадует прихожан, как драконы и цветные ленты во время Ритуала Прощания? Или сунули ему магический шар, ничего не сказав, как сделали это с Сагурном?

Ортегиан не ответил.

Он продолжал улыбаться.

— Конечно, вы надеялись, что Немедий погибнет вместе со всеми. Но ему удалось выжить. Сперва вы хотели его убить; но потом нашли более изящное решение. Мне кажется, это предложил Гроциус — такие тонкости по его части, не по твоей. Вы стерли советнику память, с помощью волшебного камня. И вам казалось, что все проблемы решились...

Теперь они стояли друг против друга.

— Но потом возникли два осложнения. Первое — магический барьер, который отрезал вас от Курсаи. Второе — мой приезд. Решить проблему было просто; достаточно убить меня.

— Нет, нет, — поспешно возразил Трибун. — Это была идея Гроциуса. Он тебе не верил. Ду-мал, ты обо всем догадаешься. А если и нет, расскажешь Фогарриду, что увидишь и услышишь во дворце, а старик сложит два и два.

Ортегиан взмахнул рукой над фонтаном, стряхивая волшебные капли. Они больше не впитывались в кожу.

— Но если честно, мне кажется, маг просто ревновал к тебе Корделию. Уж больно ему понравилась девушка...

Карла печально улыбнулся.

— Урод должен помнить свое место. Иначе становится дураком, как он... Однако же я прервал тебя; пожалуйста, продолжай.

— Барьер не давал перейти границу с Курсаей. Тем временем, народный гнев угасал. Люди по-прежнему ненавидели убийц — но начинали вспоминать о том, что на войне предстоит умирать и им. Надо было повторить преступление. Злобные курсаиты должны нанести новый удар. А есть ли лучшее место для этого, чем Колизей? Поэтому второй Орб оказался там. Кроме того, хороший способ избавиться от многих сановников, которые пытались оспорить твоё влияние.

Конан с усмешкой покачал головой.

— Вы разыграли передо мной целый спектакль. Удивлялись, как Шар мог оказаться в городе, пройдя сквозь надежную охрану. Но ответ был прост — никто и не проносил Орб через ворота. Его создал Гроциус, по твоему приказу.

Карла пристроился на краю Фонтана.

— Все это уже неважно, — отвечал он со скукой, зачерпнув магическую воду ладонью, и

рассеянно любуясь тем, как она утекает сквозь пальцы. — Столица пала; курсаиты разгромлены. Джанта теперь моя. История написана, Конан; нам остается только толковать ее, и только от нас зависит, как именно.

— Столько людей погибло, — произнес северянин. — И ради чего? Из-за денег? Власти?

— Так считает Терранд, — согласно кивнул головой Ортегиан. — Так считал мой несчастный друг Гроциус, — такой изящно коварный, и оказавшийся таким наивным в конце... Разумеется, он не мог догадываться, что мой план предполагает его смерть.

Трибун поднялся.

— Если историки узнают правду — а они догадываются, — в их глазах я буду кровожадным тираном, который вверг свой народ... Дай подумать... Летописцы любят красивые пафосные фразы... А по-моему, они жалки... В пучину безумия! Вот как они напишут. Деньги, власть — чего же еще может желать мерзостный одноглазый карла? Может быть, еще красоты... Ты ведь об этом думал, Конан? Что я нырну в фонтан и превращусь в прекрасного принца? Или ужасного демона. Все равно — лишь бы не оставаться в этом уродливом облике.

— Но это не так, — сказал киммериец.

— Нет...

— Тогда для чего?

— Война!

Крохотная ладонь карлика сжалась в кулак.

— Яростная, дикая, отчаянная война — вот что было нужно Валлардии. Возрождение народа может прийти только через кровь и страдания.

Он пристально посмотрел на киммерийца.

— Заметь, Конан, если бы мы проиграли, — это бы ничего не изменило. Неважно, на чьей стороне победа. Ты можешь стать сильным, только когда сражаешься...

— Иными словами, ты послал людей на смерть ради их же блага? — спросил киммериец.

Карла подумал немного, потом кивнул.

— Пожалуй, да, — отвечал он без капли иронии.

— Тогда боюсь, я должен тебя разочаровать, — сказал Фогаррид.

Ортегиан посмотрел в его сторону, потом засмеялся и пару раз хлопнул в ладоши.

— Еще один мой друг, — сказал он. — Мне следовало догадаться, что пресловутый магический барьер построил ты, а вовсе не курсаиты. Но он появился так быстро — почти в тот же день, когда рухнул Лунный Храм. Неужели ты сразу разгадал мою затею?

Карла помедлил.

— Жаль. Не думал, что меня легко просчитать.

— Я сделал много ошибок, когда стал Трибуном, — ответил Фогаррид. — Поэтому теперь многие видят во мне только блаженного глупца. Но не забывай, что я возглавил восстание против короля Димитриса. К тому же, у меня было время изучить тебя.

Ортегиан поджал губы.

Потом отряхнул ладони от джанты и улыбнулся.

— Рад был повидать вас обоих, — ответил он. — А теперь мне пора. Я только что выиграл войну.

— Нет, — покачал головой Конан.

Трибун поднял на него взгляд.

Киммериец кивнул в сторону окна.

Янтарный витраж изображал великого Радгуль-Йоро, который держал на ладони трехлапую жабу. Ортегиан вынес стекло одним движением пальца, и разноцветные осколки, словно драгоценные камни, со звоном рассыпались по мраморному полу.

— Мы не в столице Курсаи, — пояснил Конан. — Это всего лишь один из малых Шпилей, напротив Харашского форпоста.

Вряд ли Ортегиан слышал его слова.

Внизу, далеко под ними, гудела и пенилась широкая река — а над ней поднимался магический барьер Фогаррида. Теперь он был видим; в нем, высоко в воздухе, замерла армия Валлар-

дии — гоплиты с копьями и волшебными мечами, лучники, всадники на гигантских пауках, боевые маги и Багряные фениксы...

Они не казались грозными.

Мухи, застрявшие в прозрачном янтаре, — вот какими увидел Ортегиан свои непобедимые легионы.

Горная река шумела под ними, звеня хрустальными волнами, и от ее неостановимого бега их застывшие в неловких позах тела казались еще более жалкими.

— Второй фантом, который смог задействовать Гроциус, — пояснил Фогаррид. — Его создал я. Великое сражение и великая победа — ничего этого не было. Лишь небольшая иллюзия...

Карла развел маленькими руками.

— Тогда зачем?.. — чуть слышно произнес он.

Фогаррид указал на замерших над водой воинов.

— Каждый из них увидел сегодня свою смерть, — отвечал отшельник. — И в следующий раз тысячу раз подумает, прежде чем идти воевать во имя богатства и славы еще одних королей.

Ортегиан помедлил.

Он приблизился к разбитому окну, влетел в него, и казалось, что Трибун занял место Радгуль-Иоро.

— Думаю, мне не стоит возвращаться в столицу, — заметил он. — Боюсь, ни Терранд, ни Гроциус, ни другие, жаждущие обладать джантой...

Карла повращал пальцами, пытаясь подобрать нужное слово.

— Не поймут. Особенно, мне так представляется, обидится старина Гроциус... Передавайте ему от меня привет.

Какое-то время он медлил, не уверенный, попытаются ли его остановить.

— Чем займешься теперь? — спросил Конан.

— Не знаю, — молвил Ортегиан. — Может быть, напишу книгу. Что-нибудь о восстании и о толпах...

— Или об искусстве, — подсказал Конан.

— Пожалуй, — ответил летающий человек и направился прочь, туда, где вздрагивало закатом небо.

Литературно-художественное издание

Ченслор Дэн

**КОНАН
И РАЗРУШЕННОЕ СВАТИЛИЩЕ**

Руководитель проекта и составитель: *Дмитрий Павлов*
Серийное оформление: *Дмитрий Виземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс» 190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит. А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗНАМЕНИ 74	КОНАН И ЖЕЛТЫЙ ПЕЛ ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СКАЛЬНЫЕ ТАРИНЫ 77	КОНАН И НЕБЕСНЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УМНОГО ЧУДОВИЩА 79	КОНАН И СТРАННОГО МОРЯ 80	КОНАН И ПУТЬ ГРОМОВ 81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И ПИРАЖА ПАМЯТИ 83	КОНАН И АЛТЫН ЗАРЯ 84	КОНАН И ПАЛАН ВОЗМЕДЬИ 85	КОНАН И ТЕНЬ ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАННОЙ 89	КОНАН И ВОЗВРАТ КАПИТА 90
КОНАН И КАПТЕА КАРРАРА 91	КОНАН И СКАЛЬНЫЙ МАХА 92	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЛТЫН АМУРГА 94	КОНАН И ЛЕСОМ ТРОСКИ 95	КОНАН И ТАМНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАЖИКАНА 97	КОНАН И ПОДОЛ ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЗЛАТЫН 99
КОНАН И ТЕРОН ХАНГОРИН 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗЛАТЫЙ РОСА 102	КОНАН И БЕЛЫЙ СНА 103	КОНАН И ПЕРСТА АУРА 104	КОНАН И АЛТЫН СТУПА 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СОЗНАНИЕ 106	КОНАН И КАМЕНЬ АСУРЫ 107	КОНАН И СУА БОГОВ 108
КОНАН И ПИТ ВЕДЬМЫ 109	КОНАН И ЛОЖЬ АХЕРОНА 110	КОНАН И СКАЛЬНЫЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОН СТЕПИ 112	КОНАН И ЧАРЫ КОСА 113	КОНАН И УЗНИК КАПИТА 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ТАЛ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБОРОТ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖЕЛТЫН 118	КОНАН И РЕКА ЗЕМЛИ 119	КОНАН И ДОЛГОЕ АНКАРА 120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИКОРА 121	КОНАН И ОБРАТ СМЕРТИ 122	КОНАН И СКАЛЬ ЖИЗНИ 123	КОНАН И РЕКА ОБРАТ 124	КОНАН И МОРОК ПАЦИ 125	КОНАН И КРУГ ВЕДЬМЫ 126
КОНАН И ДОРО АМУРА 127	КОНАН И УЖАС КАПИТА 128	КОНАН И ОБРАТ ШЕЛА 129	КОНАН И ОБРАТ СМЕРТИ 130					

ISBN 978-5-17-041256-3

9 785170 412563

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС